

ДРЕВНИЙ
ДОСТОК

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀԻՆ ԱՐԵՎԵԼՔ

5

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՐԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1988

9(3)
2-73
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

5

11799

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1988

ББК 63.3(0)

Д—730

Печатается по решению ученого совета Института
востоковедения АН Армянской ССР

Редакционная коллегия:

Н. В. Арутюнян, И. М. Дьяконов, Г. Х. Саркисян

Д—730 Древний Восток, 5. Сбор. статей АН АрмССР, Ин-т
востоковедения;/Ред. коллегия Н. В. Арутюнян и
др.—Ер., Изд-во АН АрмССР, 1988.—249 с.

Очередной номер сборника содержит статьи и публикации по
истории и культуре народов Передней Азии III—I тысячелетия до
н. э. В нем особое место уделено малоисследованным вопросам
экономической, политической истории стран региона Армянского
нагорья, урартского общества, проблемам некоторых древних язы-
ков.

Адресуется востоковедам.

0504000000

Д _____ 21—84

703 (02)—87

© Издательство АН Армянской ССР, 1988.

И С Т О Р И Я

Г. М. А В Е Т И С Я Н

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА КИЦЦУВАТНЫ

Начиная с III тысяч. до н. э. с разных поселений Армянского нагорья происходило расселение хурритских племен по обширной территории, включавшей Восточную Каппадокию, Северную Месопотамию, Киликию, Сирию и Палестину¹. Здесь же они постепенно создали свои собственные, нередко значительные политические объединения и оказали сильное влияние на культуру местных и соседних народов².

После могущественного рабовладельческого государства Митанни—Ханигальбат, образовавшегося в Северной Месопотамии, важное место в истории хурритов занимает хурритское (или хуррито-лувийское)³ государство Киццуватна.

Ввиду недостатка документов в настоящее время еще отсутствует систематический очерк политической истории Киццуватны. Единственным дошедшим до нас источником для изучения истории этой страны являются плохо сохранившиеся договоры, заключенные между Киццуватной и Хеттским царством, а также ряд документов из Алааха. На основании этих документов А. Гетце достаточно хорошо определил границы Киццуватны и подробно изучил топонимику этой страны⁴. Однако политические события Киццуватны освещены им недостаточно.

На основе доступных клинописных источников давно уже установлено, что Киццуватна образовалась в долинах рек Сароса⁵ и Эрамоса, где в средние века (1080—1375 гг. н. э.) было создано армянское Киликийское государство.

Одним из главных центров Киццуватны являлся город Тарша, который отождествляется с Тарсосом греческих источников⁶. Здесь же во время раскопок в 1935 г. была обнаружена печать первого известного нам царя Киццуватны Ишпутахшу сына Парияватри⁷. В центре этой печати имеется 4 иероглифа (камень, царь, печать, бог-Тархунс или Шанташ), вокруг которых на аккадском языке написано:¹ Iš-pu-taḥ-šu LUGAL GAL DUMU Pa ri-ia-wa-at-ri „Ишпутахшу, великий царь, сын Парияватри“⁸.

Особенно важное значение для изучения ранней истории Киццуватны имеет договор, заключенный между Ишпутахшу и хеттским царем Телепину. От этого договора сохранился только

следующий отрывок: DUB I^{КАМ} iš-ḫi-ú-la <aš>^m išpuḫaḥšušza LUGAL^{KUR-URU} Kizzuwatna^m Teleplnuša LUGAL^{KUR} Ḫatti GIM an iš-ḫi-ú-ul «Первая таблица этого договора, когда Ишпутахшу, царь Киццуватны и Телепину, царь Хатти, заключили договор»⁹.

Этот документ—единственное дошедшее до нас свидетельство о том, что Ишпутахшу является царем Киццуватны. Существование факта заключения договора уже, с одной стороны, показывает, что Ишпутахшу был современником хеттского царя Телепину (конец XVI в. до н. э.), а с другой стороны, что между Киццуватной и Хеттским царством был заключен военно-политический союз. По всей вероятности, только после заключения этого союза с царем Киццуватны хеттскому царю Телепину удалось совершить поход на юго-восток и расширить границы своей страны за счет областей, находившихся под влиянием государства Митанни¹⁰.

Вслед за Ишпутахшу в Киццуватне, по-видимому, царствовал Пиллия¹¹. Сохранился текст договора, заключенного между царем Киццуватны Пиллией и хеттским царем Цидантой¹². Однако, поскольку в Хатти правили два царя по имени Циданта и из данного документа не ясно, о каком из них здесь идет речь, осложняется и определение времени правления Пиллии в Киццуватне. Г. Оттен предполагает, что упомянутый в указанном тексте хеттский царь—это Циданта I, но одновременно он не исключает и Циданту II¹³. Исходя из политической обстановки, А. Гетце

приходит к тому выводу, что хеттским царем, заключившим договор с Пиллией, был Циданта II¹⁴.

Из указанного документа явствует, что Циданта был великим царем и союзником Пиллии, а это означает, что хеттское царство в это время еще продолжало быть достаточно сильным. Однако, как известно, Циданта I правил до Телепину, т. е. когда в Хеттском царстве шла упорная борьба за престол, Циданта II же правил после Телепину, но нет конкретных сведений о политических событиях периода его царствования, только знаем, что примерно в это время древнехеттское царство пришло в упадок. Следовательно, весьма вероятно, что договор был заключен между Пиллией и Цидантой II. Для выяснения данного вопроса большой интерес представляют также документы из Алалаха. Хорошо известен договор, заключенный между Пиллией и Идрими¹⁵. Этим договором оба царя обязуются возвращать беглецов и преступников.

Идрими был царем Алалаха (Мукиш) и преемником Илимилимы I, а Пиллия, как предполагает Д. Уайзман, был царем Кицуватны¹⁶. Однако ни Уайзман, ни Гетце не думали об отождествлении Пиллии древнехеттских источников с Пиллией Алалахских документов.

Из данных договора Пиллии и Идрими явствует, что до этого был заключен договор между Идрими и Параттарной, царем Хурри-Митанни (начало XV в. до н. э.). Это уже свидетельствует о том, что Пиллия был современником как Идрими, так и Параттарны¹⁷. Таким образом, Пиллия мог править также во время предшественников Параттарны и Идрими, то есть во время правления Шуттарны I в Митанни (кон. XVI—нач. XV в. до н. э.) и Илимилимы I в Алалахе, которые, как было отмечено и А. Гетце, были современниками Циданты II¹⁸. Следовательно, имеются все основания предполагать, что Пиллия Алалахских документов идентичен с Пиллией, который заключил договор с хеттским царем Цидантой, а Циданта в данном случае может соответствовать только Циданте II.

Дополнительные данные для выяснения этого вопроса содержит и надпись Идрими¹⁹. На основании этого документа можно

уточнить вопрос—когда и в какой политической обстановке состоялось заключение договора между Идрими и Параттарной с одной стороны, и между Идрими и Пиллией—с другой. По сообщению Идрими, после смерти его отца Илимилиммы I, под давлением Халеба и других соседних районов, он был вынужден бежать в город Эмар (на родину своей матери)⁴⁰. Здесь он прожил 7 лет. Только после переговоров и заключения договора с Параттарной, «могучим царем» Хурри-Митанни, и несомненно по его инициативе, ему удалось вернуться в Алалах и захватить трон отца²¹. Когда Идрими вступил на престол, он совершил поход в ряд городов хеттской страны. По его утверждению, во время этого похода он разграбил эти города, но не встретил сопротивления²². Это четко свидетельствует о том, что в это время, т. е. в начале XV в. до н. э., древнехеттское царство уже не существовало. Следовательно, вполне возможно, что именно после указанного похода Идрими заключил со своим соседом, царем Киццуватны Пиллией, договор, чтобы политические беглецы и преступники выдавались обеими сторонами.

Киццуватна и долина верхнего Евфрата после упадка древнехеттского царства попадают в сферу влияния Митаннийского государства. Об этом свидетельствуют следующие фрагменты договора, заключенного между хеттским царем Суппилулиумой I и Сунасурой II, царем Киццуватны:

Pa-na-pu-um a-na ra-n [l a]-bi a-bi-la^{KUR. URU} Ki-iz-zu-wa-at-ni ša^{KUR. URU} Ha-at-t [l l] p-ra-ši ar-ka-pu-um^{KUR. URU} Ki-iz-zu-w [a-a] t-ni a-na^{KUR. URU} Ha-a [t-t] l ip-tu-ur a-n[a^K]UR Hur-ri iš-hu ur, „Раньше, до моего деда (говорит Суппилулиума), страна Киццуватна принадлежала хеттской стране²³. Впоследствии Киццуватна отделилась от хеттской страны и обратилась на сторону страны Хурри»²¹.

URU^{HAL. HA} an-pu-ut-tim pa-na-a-pu a-na ra-ni a-bi a-bi-la [a-na^K]UR Hur-ri il-li-ku-um-mi àš-га-a-pu uš-bu-um-mi ú ar-pu-n [a-a] m-ma arka^{ar-ka} a-na^{KUR} Ha-at-ti a-na I.U^{MES} mi-un-pa-ar-p [a-] ti il-li-ku-um-mi „Эти города²⁵ раньше, до моего деда²⁶ (говорит

Суппилулиума) перешли на сторону страны Хурри и там находились. Впоследствии (т. е. во время правления Хаттусили I), в качестве беглецов пришли в страну Хатти...»²⁷.

После правления Пилли на престол Киццуватны вступил Сунассур I. Документы из Алалаха свидетельствуют о том, что Сунассур I являлся современником Сауссадаттара, царя Митанни (середина XV в. до н. э.) и Никмепы, царя Алалаха²⁸.

По сообщению Г. Р. Мейера, существует неопубликованный текст договора, заключенного между Сауссадаттаром и царем Киццуватны Сунассуром I²⁹. Наличие такого документа означает, что в годы царствования Сунассура I государство Киццуватна продолжало находиться под влиянием Митанни.

После падения древнехеттского царства митаннийским царям приходилось долгое время противостоять вторжению египетских фараонов XVIII династии. Это обстоятельство отчасти и способствовало возникновению и усилению новохеттского царства в Малой Азии. Усиление хеттов в первую очередь грозило государству Митанни. Хеттский царь Хаттусили II в короткое время завоевал подвластные Митанни Исуву и находившиеся к востоку и юго-востоку от Хатти города-государства Гурталисса, Араванна, Каламасма, Тимна, Турмитта, Алха, Хурма, Тегарамма и т. д.³⁰, а также в Северной Сирии Халеп, Нухашше и Аштата³¹. Однако нет данных о завоевании Киццуватны этим хеттским царем. Существует текст договора (KUB XXXIV, 1), заключенного между Паддатишшу, царем Киццуватны, и хеттским царем, имя которого не сохранилось. Текст написан на аккадском языке, начало текста повреждено. Г. Р. Мейер и А. Камменхубер предполагают, что этот договор был заключен между Паддатишшу и хеттским царем Хаттусили II³². Предположение исследователей правдоподобно, если даже исходить из того факта, что до правления Суппилулиумы I в истории хеттов Хаттусили II — единственный правитель Хеттского нового царства, который, как было указано выше, подчинил своему влиянию обширную территорию между Киццуватной и Митаннийским царством. В таком случае Киццуватна, как всегда, добровольно могла находиться только на стороне Хеттского царства.

Следующий царь Киццуватны известен лишь предположительно. В одном документе более позднего времени два раза упоминается Талзу³³. В первом случае указано: «когда Талзу [стал царем...]»³⁴, во втором случае, автор текста упоминает ряд городов и населенных пунктов Киццуватны, а затем отмечает, что названия этих городов и пунктов он прочитал в «таблице Талзу». В этом же тексте далее упоминается Сунассура: «...и пришел Сунассура». На основании этого документа А. Гетце считает, что Талзу являлся царем Киццуватны и преемником Падлатишшу³⁵. С этим предположением согласен и Г. Оттен³⁶. Однако по мнению Аннелиз Камменхубер имеющиеся данные недостаточны для обоснования того, что Талзу был царем Киццуватны. Она также отмечает, что упомянутый в документе Сунассура, может быть, не имел отношения к Сунассуре II, царю Киццуватны³⁷.

Как можно судить по данным указанного текста, во-первых, Талзу имел свою таблицу, где упоминались города Киццуватны, а это указывает на то, что он, скорее всего, был персоной царского ранга. Во-вторых, исходя из текста можно предположить, что Талзу был предшественником Сунассуры. Эти факты делают более вероятным мнение А. Гетце. Однако, во всяком случае, пока невозможно с полной уверенностью считать Талзу царем Киццуватны.

В начале царствования Тудхалии III происходили крупные изменения в политической обстановке этого региона. Хеттское царство теряло почти все завоеванные ранее области³⁸. Преобладающую роль здесь стало играть государство Митанни. Примерно в это время на престол Киццуватны вступил Сунассура II. В первые годы своего правления Сунассура считался слугой митаннийского царя Тушратты³⁹. Однако, когда вновь усилилось Хеттское царство при Суппилулиуме I, взаимоотношения Киццуватны и Митаннийского царства обострились. Сунассура перешел на сторону хеттского царя Суппилулиумы и несомненно по инициативе последнего между Киццуватной и Хеттским царством был заключен равноправный договор⁴⁰. Этим договором Сунассура признавался законным царем Киццуватны, в его присутствии должны были вставать все хеттские предводители, расширяются

пределы его государства⁴¹. В этот договор был внесен особый пункт о взаимопомощи союзников⁴². По договору помощь оказывалась в двух случаях: 1. Когда один из союзников совершал захватнический поход на противника. 2. Когда противник вторгался в страну союзника.

В первом случае вторая сторона обязана была представить 100 всадников и 1000 пехотинцев в качестве помощи.

Во втором случае вторая сторона должна была представить основные силы государства под командованием царя, кроме моментов, когда стране самой угрожала опасность; при таких обстоятельствах главой войска назначался наследник престола или один из военачальников.

Государство, ведущее войну, использовало войска союзника для защиты границ своего государства. Эти войска направлялись на поле боя только с согласия союзника. Участвовавший в войне союзник становился хозяином захваченной им военной добычи, и это, несомненно, поднимало боевой дух воинов.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО	МИТАННИ	КИЦЦУВАТНА	АЛАЛАХ
Телепину (вторая пол. XVI в. до н. э.)	-----	← Ишпутахшу	-----
Алуванна ?	-----	←	-----
Циданта II (кон. XVI в. до н. э.)	Шуттарна I (кон. XVI—нач. XV в. до н. э.)	← Пиллия	→ Илимиллима I.
-----	Параттарна (нач. XV в. до н. э.)	←	→ Идрими
Тудхалия II	Сауссадаттар (сер. XV в. до н. э.)	Сунасура I	Никмепа
Хаттусилия II (кон. XV в. до н. э.)	Артадама I (кон. XV в. до н. э.)	Падда-тишшу	Илимиллима II
Тудхалия III (нач. XIV в. до н. э.)	Шуттарна II (нач. XIV в. до н. э.)	Талзу?	-----
Суппилулиума I (серед. XIV в. до н. э.)	Турратта (серед. XIV в. до н. э.)	Сунасура II	-----

Заключение такого равноправного договора между Суппассурой и могучим хеттским царем Суппилулиумой I объясняется тем важным стратегическим положением, которое занимала Киццуватна. Эта страна, удерживая Киликийские ворота, закрывала самую удобную дорогу для нападения хеттской армии на подвластную Митанни территорию Северной Сирии. Кроме того, как свидетельствуют документы, Киццуватна была богата высококачественным железом и известна производством оружия⁴³.

„ После заключения союза с царем Киццуватны, хеттский царь Суппилулиума совершил поход в Северную Сирию⁴⁴. Началась борьба между Митанни и хеттским царством. В результате Суппилулиума подчинил своему влиянию основную часть территории Сирии⁴⁵. Именно после этих военных успехов хеттский царь Суппилулиума назначил своего сына Телепину жрецом в городе Киццуватна⁴⁶. При этом Телепину, судя по сообщению Мурсили II, в Киццуватне имел своего военачальника Лупакку, под командованием которого находились военные отряды⁴⁷. Это свидетельствует о том, что Суппилулиума фактически дал своему сыну высокий военный пост в Киццуватне с целью постепенного подчинения этой страны своей власти. Поэтому не случайно, что впоследствии, может быть после смерти Суппилулиумы, в Киццуватне, как сообщает Мурсили, вспыхнуло восстание против хеттского царства⁴⁸. Однако попытка Киццуватны сохранить независимость оказалась безуспешной. Киццуватна больше не упоминается в документах как самостоятельное государство.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 *И. М. Дьяконов*, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, с. 40—41, *Г. М. Аветисян*, Государство Митанни, Ереван, 1984, с. 9—10.

2 *I. J. Gelb*, *Hittites and Subarians*. Chicago, 1944, с. 63; *A. Goetze*, *Kleinasiens*, München, 1956, с. 62; *И. М. Дьяконов*, указ. соч., с. 40—41, *Г. Г. Гиоргадзе*, Хетты и хурриты по древнехеттским текстам, ВДИ, 1969, № 1, с. 84—86.

3 Предполагается, что до появления хурритов население Киццуватны говорило на лувийском языке *A. Goetze*, *Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography*, New-Haven, 1940, с. 8.

4 Там же с. 1—85.

- 5 Река Сарос отождествляется с Самри хеттских источников, там же, с. 58, прил. 227.
- 6 Там же, с. 73.
- 7 По мнению А. Гетце, Парияватри—лувийское имя, а Б. Ландсбергер предполагает, что оно индоарийское. Об этом см. *A. Goetze, On the Chronology of the Second Millennium B. C., JCS, XI (1957) № 3, с. 73, прил. 217.*
- 8 И. Ж. Гелб—первый автор, который занимался расшифровкой иероглифов и клинописи этой печати: см. *Hetty Goldman, Preliminary Expedition to Cilicia, 1934 and Excavations at Gözlü Kule, Tarsus, 1935, AJA, 39 (1935) № 4, с. 535—536.* Впоследствии в расшифровке клинописи сделаны некоторые уточнения, см. *E. F. Weidner, AfO, XI (1936) № 1—2, с. 91; A. Goetze, Philological Remarks on the Bilingual Bulla from Tarsus, AJA, 40 (1936) № 2, с. 210—214; он же, Kizzuwatna . . . , с. 73.*
- 9 *H. Otten, Ein althethitischer Vertrag mit Kizzuwatna, JCS V (1951) № 4, с. 130.*
- 10 *H. E. Sturtevant, G. Bechtel, A Hittite Christomathy, Philadelphia, 1935, № 24.*
- 11 А. Гетце предполагает, что Пиллия—это хурритское имя: *A. Goetze, On the Chronology . . . , JCS, XI (1957) № 3, с. 73.*
- 12 *H. Otten, указ. соч., с. 129.*
- 13 Там же, с. 130.
- 14 *A. Goetze, On the Chronology . . . JCS, XI (1957) № 3, с. 72—73.*
- 15 *D. J. Wiseman, AT, № 3.*
- 16 *AT, с. 32.* А. Гетце не уверен в своем предположении и с сомнением пишет о том, что Пиллия алалахских текстов был царем Хурри и преемником Параттарны, также царя Хурри (*JCS, XI (1957), № 3, с. 72—73*). Однако, во-первых, отдельного от Митанни царства Хурри не существовало, во-вторых, Параттарна был царем Хурри-Митанни и предшественником Саусадаттара, середина XV в. до н. э., см. *Г. М. Аветисян, Военно-политические взаимоотношения между Митанни и Хеттским государством в середине XIV в. до н. э. ВОН, 1977, № 9, с. 108; его же, Политическая история Митанни в XVI—XV вв. до н. э., ВДИ, 1978, 1, с. 5.*
- 17 См. также *AT, с. 8.*
- 18 *A. Goetze, On the Chronology of the Second Millennium B. C., JCS, XI (1957) № 3, с. 72—73.*
- 19 *S. Smith, The Statue of Idrimi, London, 1949, с. 15—20.* В тексте стк. 43, 45 вместо ^mPa-ra-at-tar-na, ^mPa-ra-at-ar-na, С. Смит ошибочно читал: ^mba-ra Su-tar-na, ^mba-ra Su-ar-na, т. е. по его мнению, это был Шуттарна I, царь Митанни. Это ошибка послужила основой появления анахронизмов в представленной им хронологии.
- 20 Город Эмар находился на берегу Евфрата к юго-востоку от территории Халеба.
- 21 Как отмечает Идрим, Параттарна был его врагом. Судя по этому документу, Идрим заключил с Параттарной договор, когда еще находился в Эмаре, следовательно, до своего вступления на престол Алалаха, но тог-

да возникает вопрос—по какому праву он заключал договор с царем другой страны? Вообще, исходя из этой надписи, можно заключить, что, во-первых, бегство Идрими в Эмар было инспирировано именно митаннийским царем, во-вторых, во время переговоров с Параттарной Идрими просто обещал свою верность митаннийскому царю и только после этого он получил право на царствование в Алалахе.

22 *S. Smith*, указ. соч., с. 18, стк. 64—77.

23 Дедом Суппилулиумы был Хаттусили II. «До Хаттусили»—здесь имеется в виду время до упадка древнехеттского царства, когда Киззуватна и Хеттское царство находились в дружеских взаимоотношениях.

24 PDK, № 7, с. 90, кол. 1, стк. 5—7.

25 Имеются в виду Исува и города-государства Курталнсса, Араванна, Зазса (или Зазяса), Кяласма, Тимна (или Тиммина), Халива, Карна, Турмитта, Алха, Хурма, Харана, Тегарама, Тебурзия, Хазга, Армадана, находившиеся к востоку и юго-востоку от Хеттского царства. Они конкретно перечисляются в другом тексте (PDK, № 1, с. 4, стк. 10—13).

26 В данном случае имеется в виду период кризиса Хеттского царства.

27 PDK, № 7, с. 90, кол. 1, стк. 14—17.

28 АТ, № 14.

29 Об этом см. АТ, стр. 7, прим. 2.

30 О завоевании Исувы и городов-государств долины верхнего Евфрата конкретно не говорится, однако в документе PDK, № 1, с. 4 четко указано, что во время правления Тудхалии III, преемника Хаттусили II, они восстали против хеттов и перешли на сторону Митанни. Таким образом, они могли подчиняться хеттам только во время правления Хаттусили II, который, как будет указано ниже, завоевал ряд городов Северной Сирии.

31 PDK, № 6, стк. 15—33.

32 *A. Kammenhuber*, *Die Arter im Vorderen Orient*, Heidelberg, 1968, с. 98, прим. 297, *A. Goetze*, *On the Chronology . . .*, JCS, XI (1957), № 3, с. 72.

33 *A. Goetze*, *Kizzuwatna . . .*, с. 61—67.

34 Это трактовка («[стал царем...]») была дана А. Гетце, там же, с. 61.

35 *A. Goetze*, там же, с. 78, его же, *On the Chronology . . .* JCS, XI (1957) № 3, с. 72.

36 *H. Otten*, *Ein Altheititischer Vertrag mit Kizzuwatna*, JCS, V (1951) № 4, с. 131.

37 *A. Kammenhuber*, указ. соч. . . . , с. 99.

38 PDK, № 1, 1, стк. 10—13, № 7, 1, стк. 30—33.

39 PDK, № 7, 1, стк. 30—38.

40 PDK, № 7.

41 PDK, № 7.

42 PDK, № 7, II, стк. 29—63, IV, стк. 19—24.

43 *A. Goetze*, *Kizzuwatna . . .*, с. 28—30, стк. 20—27.

44 *Г. М. Аветисян*, *Государство Митанни в эпоху войн с хеттским царем Суппилулиумой I*, ИФЖ, 1978, № 1, с. 180—181.

- 45 Там же.
- 46 KUB XIX. 25, стк. 2—8; A. Goetze, *Kizzuwatna . . .*, с. 13; K. A. Kitchen, *Suppiluliuma and the Amarna Pharaohs*, Liverpool, 1962, с. 1; На основании данных документов была высказана исследователями точка зрения, что город Киццуватна это город Кумманни—Комана Катаонская на реке Сароса—один из главных религиозных центров страны Киццуватна: A. Ungnad, *Subartu*, Berlin-Leipzig, 1936, с. 123, прим. 2; A. Goetze, *Kizzuwatna . . .*, с. 10.
- 47 H. G. Güterbock, *The Deeds of Suppilul'uma as told by His Son Mursili II*. JCS. X (1956) № 2—4, с. 92, стк. 9—14.
- 48 A. Goetze, *Kizzuwatna . . .*, с. 79, прим. 322.

А. Б. АРАКЕЛЯН

«ДОМ ДЛЯ ОМОВЕНИЙ» ПО ДАННЫМ ХЕТТСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В хеттских клинописных документах, в частности в текстах, содержащих описания праздников, неоднократно встречается термин Étarpu (идеографическое написание É. HI. ÚS. SA), обозначающий „Дом для омовений“. Исследование соответствующих контекстов с указанным термином позволит определить функциональное назначение обозначенного термином Étarpu (É. HI. ÚS. SA) сооружения, его место и роль в системе религиозных верований хеттов. Многократное упоминание «дома для омовений» содержится в тексте многодневного хеттского весеннего праздника $\text{AN. TAŪ. ŠUM}^{\text{SAR}_1}$.

В продолжение всего праздника царь и царица совершали поездки по стране, посещали храмы и другие культовые сооружения, в которых проводили разные ритуальные церемонии. Согласно интересующему нас тексту, на рассвете второго дня праздника царь вместе с царицей прибывает в Хаттусу.

Здесь в доме для омовений они моются, после чего царь едет в халентуву², где созывается «большое собрание»³.

По описанию другого фрагмента царь во время весеннего праздника $\text{AN. TAŪ. ŠUM}^{\text{SAR}}$ едет из города Тахурпы в Хаттусу. По дороге он совершает жертвоприношение перед каменной стелой, после чего садится в колесницу и направляется к халентуве.

Когда он прибывает в дом для омовений, то восклицает „ tuplakešpa “, затем моется, берет ритуальное платье и золотые серьги⁴.

А в тексте весеннего ритуала KI. LAM⁵ после того как открывают халентуву, царь в „tuplakešpa“ дома для омовений одевается в ритуальное платье. Когда же он завершает облачение, выходит из дома для омовений и следует в халентуву⁶.

Таким образом, приведенные тексты констатируют тот факт, что во время весеннего праздника царь и царица посещали дом для омовений, где во внутреннем помещении, называемом «тунна-кесна», они совершали обряды омовения и облачения в соответствующий празднику ритуальный наряд, что являлось обязательным элементом праздника. Хотя в текстах не содержится подробного описания омовения, несомненно, что омовение носило очистительный характер. Следует также отметить, что обряд омовения, совершенный весной, знаменовал начало нового года, избавление от грехов и напастей старого года.

Подобно пробуждающейся весной природе, царь и царица, избавляясь от грехов и напастей старого года, как бы получали новую жизненную силу, иными словами—обновление.

Хеттский праздник, как правило, начинался на рассвете, когда открывали халентуву.

По описанию текста зимнего праздника, посвященного бо-жеству Солнца, когда халентуву утром открывают, царь и царица идут в дом для омовений, где царь берет торжественный наряд, золотые серьги и белые туфли, а царица берет свое ритуальное платье⁷.

А по данным осеннего праздника, после того как открывают халентуву, царь в доме для омовений одевается в праздничный наряд белого цвета, вдевает в уши серебряные серьги и обувается в обувь черного цвета⁸.

В связи с домом для омовений представляет особый интерес текст хетто-хурритского магического ритуала очищения. Целью таких магических обрядов являлось устранение «нечистоты», коими являлись болезни, эпидемии, отсутствие потомства, неурожай, злые духи и т. п.

В рассматриваемом нами тексте в доме для омовений над «хозяйном жертвы» (EN. SISKUR) совершается обряд очищения. Старая женщина (хеттская SAL ŠU. GI), т. е. ворожея, льет воду на камень и говорит слова заклинания⁹.

Из-за плохой сохранности текста остается неясным, от какой «нечистоты» очищается «хозяин жертвы». В другом фрагментарном тексте, называемом ритуалом Муваланни, обряд очищения водой совершается над царем. С этой целью в дом для омовений приносят (ритуально) чистую воду¹⁰ (*šeḫelliyas watar*).

По свидетельству некоторых текстов, дом для омовений мог находиться в лесу или же в священной самшитовой роще.

В тексте одного хеттского праздника описывается, как на рассвете статую божества выносят из храма, устанавливают на разукрашенной повозке и везут ее в лес через «Тавинийские ворота» (КА. GAL-TIM^{URU} Tawlniya), т. е. ворота, ведущие в г. Тавичию.

Когда статую привозят к дому для омовений, маг берет воду, по-видимому для того, чтобы совершить обряд очищения над статуей бога, после чего следует магический обряд хождения со статуей вокруг дома для омовений. Наконец, статуя божества устанавливается в доме для омовений. Текст заканчивается фрагментарным описанием обряда жертвоприношения божеству: в доме для омовений устанавливают жертвенный стол и на него ставят хлеб и сосуды с вином¹¹.

А в тексте весеннего праздника AN. TAḪ. ŠUM^{SAR} упоминаются стела бога Грозы и жертвоприношения, совершаемые в доме для омовений, который находится в священной самшитовой роще. По данным текста, еще до начала ритуала маг в вечернее время идет в дом для омовений к каменной стеле бога Грозы.

А на следующий день в дом для омовений идет царь и перед каменной стелой бога Грозы совершает жертвоприношение¹².

По всей вероятности, посещение дома для омовений в священной самшитовой роще непременно входило в программу весеннего праздника.

Имеется сообщение царя Тудхалия о том, что весной он совершает в самшитовой роще вблизи дома для омовений праздник AN. TAḪ. ŠUM^{SAR} для бога Грозы Хатти. А каменная стела,

символизирующая бога Грозы Хаття, стоит в помещении для омовений, которое находится в самшитовой роще¹³.

Обратим внимание еще на одно свидетельство.

Согласно тексту инструкции для начальника постов, каналы¹⁴ домов для омовений надлежало регулярно чистить и вода в них не должна была застаиваться¹⁵.

Таким образом, проанализированный фактический материал приводит нас к следующему заключению.

Центральное место в доме для омовений занимает вода и связанные с нею ритуалы.

Посещение дома для омовений и проведение в нем обрядов (омовение, облачение в ритуальный наряд, жертвоприношение) являлись составной частью хеттского праздника.

Далее, как выяснилось из текстов, дома для омовений могли находиться на территории сооружения халентува, в священной роще или в лесу. Особо следует отметить дома для омовений лесов и священных рощ. В них обычно устанавливалась каменная стела бога Грозы и это не случайно, если принять во внимание, что бог Грозы соотносится с небесной влагой, оплодотворяющей землю, и в конечном счете способствует богатству и процветанию страны.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Основная часть текстов многодневного праздника AN.TAḪ. ŠUM^{SAR} опубликована г. Гютербоком (*H. G. Güterbock, An Outline to the Hittite AN. TAḪ ŠUM Festival. JNES, vol. 19. 1960, № 2, p. 80—89.*)
- 2 Г. Гютербок считает, что É ḫalentuwa—наименование дворца, заимствованное хеттамн из хаттского языка (*H. Güterbock, The Hittite Palace. Actes de la XIX Rencontre assyriologique Internationale, Paris, 1971, p. 305—314.*)
- 3 KBo, X, 20, I, 19—23.
- 4 KUB, X, 17, I, 13—17.
- 5 О празднике KI.LAM см. В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982, стр. 28—47.
- 6 KBo, X, 23, I, 6—8, 18—19.
- 7 KUB II, 6, III, 21—30.
8. KBo XI, 43, 12—16.
- 9 KUB XXVI, 29, I, 21—26.

10 KUB XI, 5, IV, 26—28.

11 KUB, X, 91, I.

12 KBo, X, 20, II, 27—31.

13 KUB. XX. 42. I. Ср. KUB, XX, 63, I; XI, 22, I.

14 В Богазкёе обнаружено помещение из пяти комнат, в одной из которых находится бассейн величиной 3×1,3 м, который, по мнению Ф. Хааса и М. Вефлера, мог служить для купания. Помещение, как полагают далее упомянутые авторы, соответствует Ё tagpi хеттских текстов и непременно должно было находиться рядом с проточной водой. Не исключено, что вода из бассейна отводилась посредством канала, который, по свидетельству текста «Инструкции для начальников постов», надлежало регулярно чистить.

15 KUB XIII, 2, I, 21—23.

КЛАУС ВИЛЬКЕ

ТИ'АМАТ-БАШТИ И БОГИНЯ ША(В)УШ(К)А
НИНЕВИЙСКАЯ

Эта заметка является откликом на стимулирующий общий обзор пантеонов различных групп хурритов на всем Ближнем Востоке в течение тысячелетий, опубликованный И. М. Дьяконовым¹. Мне приятно опубликовать нижеследующую дополнительную информацию в настоящем периодическом сборнике.

В конце III тыс. до н. э. имя хурритской богини Ša(w)uš(k)a встречается неоднократно в архивах III династии Ура как часть теофорных собственных имен типа Gēme-^dŠ., Lú-^dŠ., Ur-^dŠ.²

Имя божества орфографически передается как ^dŠa-u₁₈-ša (u₁₈=ÜLU), ^dŠa-ü-ša или ^dŠa-u-ša, т. е. с различными написаниями для передачи глайда между [a] и [u], но без всякого следа [k]³; в Мари также имя богини писалось ^dŠa-ü-úš-a-an¹. Люди, носившие подобные имена, засвидетельствованы из Ура, Гирсу (Лагаш) и Пузриш-Дагана.

Эта богиня (вернее, ее статуя из серебра) упомянута в недатированном инвентарном списке HSM 7058, опубликованном в транслитерации Т. Фишем в MCS 1, 56 (ср. автографию Д. Ай. Оуэна в MVN 11, 157), стк. 1: 1 ^dŠa-u₁₈-ša kú-babbar.⁵ Упоминания о жертвах этой богине, как кажется, встречаются весьма редко. Н. Шнейдер (AnOr 13 s. v.) отметил лишь одно жертвоприношение: в издании М. В. Никольского, Nik. 11, 316 (из Уммы: очень скромное приношение—по литру тонкой муки eša и муки zī-dub - dub - bu в 5 месяце 5 года царя Шу-Сина)⁶. С тех пор

опубликованы две таблички из Дрехема, упоминающие жертвоприношения этой богине в связи с lukig (т. е. женщиной гарема) царя Шу-Сина, по имени Ti'amāt-bāšti (A.AB.BA-ba-aš-ti).

Документ BIN 3, 328 (датированный 17. IX 9-го года АмарСу'эна, т. е. вскоре после восшествия на престол царя Шу-Сина), 1, стк. 8—10: 1 udu-ni^dga Ša-u₁₈-ša / tu-A.AB.BA-ba-aš-ti-šè/ На-ab-gu rá-gaba maškim „1 откормленного барашка для Шауши ради Ти'амат-башти; чиновник-распорядитель Хабру, посыльный»⁷.

Документ Kang, SACT, 1, № 172, 1, стк. 16 сл. (дата: 1 год Шу-Сина): 1 sila₄ Ša-u₁₈-ša A.AB.BA-ba-aš-ti / En-lil-zi-šà-gál maškim / šà é-Puzur₄-iš - Da-gan „1 ягненок (для) Шауши (ради) Ти'амат-башти; чиновник-распорядитель Энлиль-зишагаль. В доме (храме) г. Пузриш-Дагана»⁸. Перевод, данный здесь по аналогии с BIN 3, 328, не вполне надежен, так как Ša-u₁₈-ša A.AB.BA-ba-aš-ti можно было бы перевести „Шауше (женщины) Ти'амат-башти“, что означало бы наличие такого же отношения между этим божеством и наложницей царя, какое выражено в обозначениях типа Geštin-an-na-SI.A-tum „богиня Гештинанна (царицы) SI.A-tum“, Geštin-an-na-ama-lugal „богиня Гештинанна матери царя“, Geštin-an-na-ni^d „богиня Гештинанна царицы“, Geštin-an-na-lugal „богиня Гештинанна царя“, Gil-ga-mes-lugal „Гильгамеш царя»⁹. Во всех случаях речь идет не об отождествлении (по типу: Гештинанна—мать царя“, „Гильгамеш—царь“): Гильгамеш здесь рассматривается как брат царя, Гештинанна названа его сестрой; Гештинанна царицы SI.A-tum, матери царя Шульги, почиталась в месте возлияния (ki-a-paš')¹⁰ в честь умершего царя УрНамму, и я полагаю, что она рассматривалась как божественная сестра царя, участвующая вместе с царицей в оплакивании его.

Таким образом, возможно, Ша(в)уша женщины Ти'амат-башти (если такой перевод верен) могла бы быть богиней, разделяющей любовь одной из жен Шу-Сина к этому царю.

Независимо от того, правильно ли это предположение или нет, достоин внимания тот странный факт, что из четырех¹¹ упоминаний

имени Ти'амат-башти в хозяйственных архивах III династии Ура два связывают ее с богиней Ша(в)ушей. Не была ли она чужеземной принцессой из страны, где богиня Ша(в)уша играла роль, соответствующую роли Иштар/Инанны в Вавилонии? Поскольку есть много свидетельств о выдаче замуж вавилонских принцесс за чужеземных властителей, можно считать вполне возможным, что и цари III династии Ура, в свою очередь, женились на иностранных принцессах¹².

Весьма вероятно, что в данном случае эта страна принадлежала к числу хурритских. Единственный топоним, упоминаемый в архивах III династии Ура в связи с Ша(в)ушей, это Ниневия: AnOg 7, 79 (дата: 9. XII 46 год Шульги) упоминает двух откормленных барашков для Энлиля, двух для Нинлиль и «1 откормленного ягненка для Ша(в)уши Ниневийской»: 1 sila₄-pi₃ga / ^dŠa-u₁₈-ša- / Ni-ni-a-kaš¹³. К сожалению, причина жертвоприношения не указана. Но если позволить себе некоторое предположение, то оно, быть может, было вызвано прибытием иноземной принцессы ко двору в Ур, чтобы стать невесткой царя Шульги (Шу-Син был братом царя Амар-Суэня и сыном Шульги—*прим. ред*).

Ти'амат-Башти не стала главной женой царя Шу-Сина. Эта функция досталась другой его супруге, а именно, как недавно показал П. Штейнкеллер, некоей Кубатум¹⁴. Но Ти'амат-Башти была второй по рангу после нее, как видно из документа BIN 3, 558 (см. прим. 9). Если Ти'амат-башти, действительно, была родом из Ниневии, она, видимо, должна была быть дочерью или, что более вероятно, сестрой Тишатала Ниневийского, посетившего Ур в IX месяце 3 года Шу-Сина¹⁵, по всей вероятности, с целью заверить Шу-Сина в своей преданности, но возможно также, чтобы удостовериться в благосостоянии своей сестры (дочери).

Остается отметить еще один вопрос: из AnOg 7, 79 явствует, по-видимому, что Ша(в)уша Ниневийская тождественна позднейшей Иштар Ниневийской. Но мы знаем из ниневийской надписи Шамши-Адада I (R. S. Thompson, AAA 19, [1932] p. 105—107 и табл. LXXXI—LXXXIV), что этот царь восстановил храм и стелы, возведенные для Иштар Ниневийской еще староаккадским

царем Маништишу. Были ли они посвящены Иштар или Ша(в)уше? Меняла ли богиня свое имя в ходе истории, или же в ранние периоды истории она была просто известна как под своим аккадским, так и под своим хурритским именем?¹⁶

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 *I. M. Diakonoff*, Evidence on the Ethnic Division of the Hurrians, in: *M. A. Morrison, D. I. Owen* (eds.), „Studies in the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians in Honor of E. R. Lacheman, Winona Lake 1981, p. 77—89. На стр. 87 автор замечает: „Обращает на себя внимание различная роль, которую играет Ша(в)ушка. Она отсутствует на севере и востоке (в Урарту и Аррапхе). Но среди хурритов Вавилонии она возглавляет пантеон . . . “. Впрочем, Иштар Ниневийская была хорошо известна в Аррапхе.
Собранные здесь свидетельства не совсем новы: об этой богине писал уже Т. Флш (MCS 1 [1951], p. 56); Р. Д. Уайтинг (R. D. Whiting) упомянул ^dŠa-u₁₈-ša в JCS 28 (1976), p. 174, а Ш. Т. Канг включил ее в индексы к BIN 1 и SACT 1. Цель настоящей заметки состоит в том, чтобы привлечь внимание к этому вопросу исследователей в области хурритологии.
- 2 См. *T. Flsh.*, ук. соч.,; *I. J. Gelb*. MAD 2¹, p. 54 f., № 24; *H. Limet*, Anthropolomé, s. vv. Большинство носителей этих имен—сельскохозяйственные работники, но в Уре некий Ur-^dŠa-u₁₈-ša—отец писца (UET 3, 970-1359, в печати); в Пузриш-Дагане другое лицо того же имени получает жалование для наемных рабочих (BIN 3, 355; PDT 503). Но в Гирсу (Лагаш) две девушки по имени Pa₄-pa₄-ha-ma-t(i) и Géme-^dŠa-u₁₈-[ša], работающие в прядильных мастерских, названы dumu-ama-tu-me „детьми рожденного в доме раба“ (HSS 4, 49 III 20—22); если только ama-tu не следует рассматривать здесь как имя собственное (так, согласно Лиме, ук. соч. с. 200; 404). Имя царской lukur (Nik. II 484,2), которое пишется PU. ŠA. Ū. ŠA, как нам кажется, сюда не относится и должно читаться Pu₂guša.
- 3 Это объясняется, очевидно, тем, что -k/ga в этом имени (-ka после глухого согласного) является известным хурритским показателем уменьшительности или ласкательности, ср. Simi-ga «бог солнца», букв. «Солнышко».—*Прим. ред.*
- 4 *F. Thureau-Dangin*, RA 36, 1939, 2, № 1, 16; комментарии, с. 10.
- 5 Не следует ли увязать это с тремя Ša-u₁₈-ša из бронзы, упомянутыми в списке приданого, выделенного Белетум, жрице-надитум Мардука согласно СТ 45, № 119, 15, а также к ša-u₁₈-ša za₁ba₁g (вариант [š]a-uš za₁ba₁g),

записанном в MSL 7, 231, стк. 7 (старовавилонский предшественник словаря Харра-хубулла XII)? В обоих случаях упоминается—среди домашней утвари.

6 Другие жертвы, упомянутые в этом тексте, предназначались Инанне г. Забалам, [. . .], *ki-x-é* и „гостинице“ (*é-éš-dam*).

7 В этом тексте перечислены также жертвы Инанне Урукской и провиант для жертв в связи с установкой ложа для невесты правителя (*epší*), г. Хамази, а также провиант для аморея Напланума.

8 Перед этим текст перечисляет жертвы для следующих божеств: *A[n(?)]*, Ишкур, Эялиль, Нинлиль, Нинхурсага, Энки, Нанна; жертвоприношение называется *siskur ki-^dlškur lugal ku₄-ra* „жертвы *Ki-lškur*, внесенные царем“ (или „для царя“, стк. 11—12); также перечислены ягнята для статуи царя Шу-Сина в доме „великого посланца“ (*sukkal-maḥ*) и для *^dGeštín-an-pa-ra₃-Nín-pi-pa*. Жертвы, перечисленные после упоминания Ша(в)-уши, были принесены в Ниппуре.

9 О *^dGeštín-an-pa-Si.A-tum* и *^dGeštín-an-pa-ama-lugal* см. недавно: *P. Steinkeller, Acta Sumerologica (Hiroshima)*. 3 1981, p. 77f. Автор предполагает, что «когда *Si. A-tum* умерла, Шульги установил ее официальный культ, в котором она почиталась как одна из ипостасей Гештинавны». (Ср. также *Jean Ch., ŠA XXXIII 1—2* [30 XII, 42 год Шульги: *IGI. KAR-Si. A-tum*]-*BIN 3, 491, 45* [V, 43 год Шульги: *Kišib ^dEn-lil-zí-gu₁₀ lú-Si.A-tum*]; *PDT 573 III, 2* год Шу-Сина). О *^dGeštín-an-pa-nín* и *^dGeštín-an-pa-lugal* см. *Steinkeller*, там же, с. 82, прим. 15 (текст ранее опубликован в *Or 20* p. 80 № 113). О *^dBil-ga-mes-lugal* см. *TCL 5, 6053, 17* (30. V, 41 год Шульги, г. Умма).

10 См. *Steinkeller*, там же, с. 78, прим. 7.

11 Третий текст—*BIN 3, 558* (X, 2 год Шу-Сина), перечисляющий жертвы или поставки *sa-du₁₂* для Шульги (стк. 5), Амар-Суэны (стк. 10), Аби-сямти (стк. 12), Харшитум (стр. 14) и затем, после лакуны, для [...]х-п[а]-tum (об. 1'). Кубатум (об. 3'), *A.AB.BA-ba-aš-ti* (об. 5'), *Ú-pa-ba-tal* (хурритянки, об. 6'), жертвы-*siskur* для „дома страусов“ (*é-ga-nu₁₁^{mušen}*, об. 7') и поставки-*sá-du₁₁* для *ZI-lí-ll* (об. 9') и *MAN-ni-is*, человека г. *Rí-mu-uš^{kl}* (об. 11'). Функции Харшитум, Унабатая и *ZI-lí-ll* мне не известны.

PTS 655 (šs 8 IV 7) 5 udu-ni-ga 15 máš-gal-ni-ga gu₄-e-ús-sa, é-kurušda-A.AB.BA-ba-aš-ti-šè. Rs. ki-^dŠul-gi-lí-ia, ^dŠul-gi-ba-ni, l-dab₃, lli u₃-bí-kú, mu ^dŠu-^dSin lugal-Úr^{kl}-ma-ke₄ imá-gur₃-[maḥ ^dEn-lll ^dNín-líl mu-ne-dím «5 откормленных барашков (и) 15 откормленных взрослых козлов... качества -g для стойла откорма Ти'амат-башти, взятые Шульгибачи у Шульги-или. (Дата)!» (Я искренне признателен П. Михаловскому

- за то, что он обратил мое внимание на этот текст, и А. В. Шёбергу за разрешение опубликовать его).
- 12 Однако мне известно лишь, что у УрНамму была невестка из Мари; см. *M. Cloll*, RA 56 (1962) p. 213.
- 13 См. *И. Е. Гельб*, согласно Р. Д. Уайтнгу, JCS, 28, p. 174.
- 14 См. *Steinkeller*, ук. соч., с. 80, прим. 7. (Дальнейшие тексты, относящиеся к «царским женщинам», будут опубликованы и прокомментированы П. Михаловским в *Acta Sumerologica* (Хиросима). Ср. также текст FLP 400, упомянутый в неопубликованной диссертации Е. В. Smick, *Cuneiform Documents of the Third Millennium . . .*, под № 60, это пока самый ранний документ, упоминающий Кубатум (II. IX, г. 9, Амар-Суэна); Кубатум упоминается здесь в контексте, явно параллельном с царем (стк. 25: *mu-GU-ba-tum-še*, стк. 19: *mu-lugal-še*).
- 15 См. *R. D. Whiting*, ук. соч. (прим. 1), см. особенно стр. 177 слл., где автор связывает этот визит с восстанием северо-месопотамской страны Симанум и победой Шу-Сина над восставшими.
- 16 В заключение комментарий следует упомянуть богиню Аллатум, неоднократно выступающую в документах III династии Ура; это имя может явиться аккадской формой хурритского аллае «госпожа»—это могла бы быть либо богиня Хепат, либо Ша(в)уш(к)а.

А. А. МАРТИРОСЯН

ТКАЧИ ХРАМА ЭАННА В УРУКЕ НОВОВАВИЛОНСКОГО ПЕРИОДА

В Эанне разводилось около 150 тыс. голов мелкого рогатого скота¹, значительное число которого шло на регулярные и нерегулярные жертвоприношения. Часть мяса жертвы позднее раздавалась храмовому персоналу и владельцам пребенды. В списках такого рода раздач не значатся ни ткачи, ни ювелиры². Стада, не предназначенные для жертвоприношений, паслись отдельно пастухами-арендаторами. При отдаче стада внаем указывалось количество скота, часть приплода и шерсти, которые обязан уплатить храму пастух. В 544 г. до н. э. храм по приказу царевича Бел-шар-уцура отдал в распоряжение Нанайа-ах-иддина, потомка Лакили 2050 голов мелкого рогатого скота для пастыбы. Начиная с месяца ду'узу следующего года он должен поставлять в храм по 66 ягнят и козлят с каждой сотни овец и коз, по 1,5 мины шерсти с овцы и по 5/6 мины—с козы. Кроме того, в распоряжении Нанайа-ах-иддина имеется 1000 овец, которых надо пригнать в хлев Эанны в нисане следующего года³. Примечательно вмешательство царевича, большое количество скота в распоряжении одного лица, малый настриг шерсти. Эти обстоятельства позволяют предположить, что скот выдан на откуп, часть шерсти и молочные продукты остаются откупщику. Нанайа-ах-иддин упомянут и в списке ахеменидского времени YOS 7 83 среди имен около сорока пастухов, сдающих шерсть главному над скотом (gab būl) Эанны. В его распоряжении 791 голова мелкого рогатого скота—наибольшее количество в этом списке, а сдал он храму 27 талантов (810 кг) шерсти. В целом от пастухов получено более 6,5 тонн овечьей шерсти.

YOS 7 39 от 535/4 г. до н. э. перечисляет 58 пастухов, сдавших Эанне в общей сложности около 10 тонн овечьей и козьей шерсти. От того же года сохранился отчет раба Гимиллу за шерсть, скот и финики Эанны⁴. Тот же Гимиллу принял с 5470 голов скота около 3,5 тонн шерсти⁵. (Фрагментированный VSnF 4 59—отчет за скот и шерсть с 20? по 34 годы правления Навуходоносора II не сохранил данных).

Храм получал шерсть и в виде десятины с частных стад⁶, за стрижкой которых следили храмовые чиновники и писцы⁷. Приведенные выше количества позволяют предполагать торговлю шерстью со стороны храма⁸. Это предположение подтверждается сведениями о выручке серебра от продажи шерсти за 559 г.— всего около 15 талантов (TCL 12 104). При цене 4—5 мин шерсти за сикль серебра⁹, на эту сумму можно было продать 135 тонн. Шерсть продавалась в кредит и за наличные: «5/6 мины серебра, остаток серебра, цены за шерсть, которая за Табией, градоначальником» (YOS 6 95). При продаже в кредит нередко на остаток цены растут проценты. Согласно TCL 12 53¹⁰, частновладельческий раб купил шерсти на 1 мину 8 сиклей серебра, уплатив только 0,5 мины. За остаток цены он обязался уплатить в месяце ду'uzu 90 кур 2 пан ячменя—«цену серебра». При цене 1 кур ячменя за сикль, раб должен уплатить еще 1,5 мины вдобавок к уже уплаченной сумме. Таким образом на остаток серебра в 38 сиклей выросло 52 сикля процентов. Сходно содержание Pohl 1 16¹¹: 5 сиклей серебра—цену 20 мин шерсти следует уплатить в месяце аддару. Если должник не уплатит в срок, то отмерит меркой Белет Урукской 22 кур ячменя. В большинстве случаев документы оговаривают, что в случае просрочки должник обязан отмерить по 2 кур ячменя за сикль серебра. (GC 1 233, 236, 261, 262)¹² YOS 7 164¹³—взымание недоимки за шерсть и скот с двух братьев-должников Эанны. Вместо серебра они передали храму двух малолетних рабов. Должники—Набу-мукин-апли и Бел-шаруцур, сыновья Ахия-алиду упоминаются в YOS 7 83 среди пастухов, сдавших шерсть главному над скотом. В их распоряжении соответственно 144 и 135 голов скота. Вдвоем они сдали храму более 180 кг шерсти. Продажа шерсти зафиксирована и в GC 2 30, 143, 354, 401.

Часто шерсть продается партиями не менее одного таланта. В таких случаях покупатели, возможно, ткачи, продукция которых позднее вывозится на продажу. Согласно YOS 7 76, составленному в Вавилоне, 2 лица получили по письменному распоряжению (pašratu) управляющего Эанны 15 талантов шерсти. О выдаче шерсти и денег, вероятно, на ведение торговли, содержатся сведения в GC 1 188¹⁴, BIN 1 149.

Значительное количество шерсти использовалось на производство домотканой одежды для рабов¹⁵, выдачи пребенды и натурального довольствия персоналу, уплату наемным работникам и ремесленникам¹⁶. По данным YOS 17 332, некий Набу-шум-укин «унес» 6 мин шерсти; YOS 17 339—рабы получили 12 мин шерсти ценой в 3 сикля; YOS 17 352—выдача 4 мин шерсти ценой в 1 сикль, что равно цене 5 сут горчицы и 5 мин шерсти, частновладельческому рабу. Шерсть различалась по качеству—«хорошая» шерсть упомянута в письмах¹⁷. В списке выдач натурального довольствия YOS 17 356 указано, что «люди» (šābē) получили 1 талант 40 мин шерсти. Сходно содержание письма¹⁸, где сообщается о выдаче шерсти пекарям и пивоварам. В 557 г. до н. э. 21 человек получил от Эанны 88,5 талантов шерсти (2655 кг) (YOS 6 1), а через 10 лет два лица получили по письменному распоряжению главного над скотом (gab abulli) от царского контролера Эанны 205 талантов (6150 кг) шерсти и 4 мины серебра (YOS 6 87). Цель выдач не указана. Один из получателей—потомок прачечника, свидетели—потомки прачечников и ткачей. Если допустить, что в Уруке VI в. до н. э. существовала потомственная передача профессии¹⁹, можно предположить, что получатели и свидетели—прачечники и ткачи, а серебро—плата за труд. Не исключено однако, что шерсть и деньги переданы для организации торговли. Выдачи шерсти зафиксированы также в GC 2 178, 295, 325, 360; BIN 2 121.

Остановимся на важной группе документов, дающих сведения о различных красителях и пурпурной пряже, ввозимых купцами из Сирии и Ливана. Среди товаров купца Надин-ахи (YOS 6 168, TCL 12 84)²⁰ красители inzaḥurētū²¹ и сумах (Ūḫūratu), придающие тканям различные оттенки красного пурпурного цвета,

NA₄.ZA.OIN (uqnu), окрашивающий пряжу в темно-синий (лазуриновый) цвет²², в большом количестве квасцы для отбеливания и закрепления краски²³, полотно-šimānu²⁴, синяя пурпурная шерсть (takiltu) и можжевельная смола (bugāšu)²⁵. О ввозе из Сирии перечисленных товаров свидетельствуют и YOS 6 61, YOS 7 63²⁶. По надобностям Эанны посланы в Сирию купцы соответственно с 10 и 16 минами серебра в целях доставки в Вавилон металлов, меда, вина, красной и синей пурпурной шерсти. Для сравнения отметим цены на металлы, красители и синюю пурпурную шерсть: 1 талант меди—21 сикль серебра; 1 талант железа—16 сиклей; 1 мина олова—1,5 сикля; 1 мина квасцов—1/3 сикля, 1 мина сумаха—6 сиклей; 1 мина синей пурпурной пряжи—8 сиклей.

О постоянной потребности Эанны в красителях свидетельствует ряд данных об их приобретении и выдаче: YOS 6 74—отбельщику (LÚ rušaya) выдано 15 мин сумаха и растения-qināta; YOS 6 133—выдано довольствие сборщикам сумаха, вероятно, культивировавшегося на земле Эанны, Мушезиб-Мардуку и его

людям (ana PN и šābešu ša ittišu ana muḫḫi ḫūrātu). GC 2 358—закупка красителя—inzaḫurētu, квасцов и теребинта (^{ŠIM}kukku).

Сведения о красителях, квасцах и мирре содержатся также в BIN I 57²⁷, 162; BIN 2 128; GC 1 321; GC 2 193; Nbd 413: 836; Camb 155²⁸. Различные виды пряжи—SĪG geštu (королевский пурпур), šundu, qinpinētu упомянуты в GC 2 361, 381.

Возможно, тюки синей алой и багровой пурпурной пряжи поступали в Вавилонию в виде дани с Запада²⁹. В отличие от Ассирии, предпочитавшей получать готовую одежду³⁰, вавилоняне наряду с одеждой получали пряжу и красители, необходимые для производства тканей на месте.

Данных о жертвоприношениях разноцветной пряжей в храме нет, однако в ритуале закладки ворот в 551 г. до н. э. использовали белую, алую (tabaggu) и синюю пурпурную пряжу, можжевельную смолу и ячмень³¹.

Красители и квасцы выдавались не только отбельщикам, но и ткачам. В 611 г. до н. э. ткач Нанайа-иддин получил 3 мины квасцов BIN 2 128, в 602 г.—Нанайа-иддин, сын Набу-ушаллима

и Кудурру получили 40 мин квасцов и 10 мин синей пурпурной пряжи на изготовление накидки (¹ TUG paḫlartu) и платья (lubagu) для богини Нанайа. Кроме того Икише выдано 16 5/6 мины квасцов YOS 17 305. В том же году Нанайа-иддин получил 1 мину 33 сикля пряжи на изготовление большой накидки и балдахина (^{KUŠ} zaratu). В 601 г. он же вместе с Кудурру, сыном Бел-упахира, получили 4,5 мины синего ионийского пурпура (YOS 17 253). В следующем году Нанайа-иддину было выдано 31,5 мины белой ткани на изготовление 6 «больших» и 2 «малых» сакральных нарядов TUG.MAŠ и платья-lamaḫuššu³² (YOS 17 249). В то же время ткач Икиша, потомок ткача получил от Эанны 10 мин красителя-ḫaḫurētu, придающего тканям различные оттенки пурпурно-красного цвета (argamappu)³³, на изготовление наряда для богини Ашка'иту YOS 17 252. Он же получил 1/2 мины красной пурпурной пряжи на изготовление бахромы-supu (YOS 17 254) в 588 г. В последний раз ткач Нанайа-иддин упоминается в 585 г. при получении 12 сиклей королевского и 5,5 сиклей синего пурпура, предназначенного на починку какого-то наряда (YOS 17 104). Со следующего года заказ на изготовление праздничного наряда для первого и 16-го дней месяца симану получает ткач по имени Надин (YOS 17 112).

В связи с деятельностью ткачей и отбельщиков в храме важны данные сводных списков о выдаче довольствия ремесленникам, в числе которых разного профиля кузнецы, плотники, кожевники, птичники, экипаж процессионного корабля одежды, ткачи, ювелиры, граверы. Заметно, что группа, занятая изготовлением одежды, по количеству продовольствия уступает только ювелирам и граверам. Количество выдач позволяет подсчитать число ремесленников, работавших на храм, поскольку известно, что дневной рацион составлял 1 ка-литр ячменя³⁴. Половину продовольствия в списке Pohl 1 26 получили ткачи и ювелиры. Ткачи, производящие пестрые ткани (iṣrag biḡti), получили 1 сут 3 ка ячменя, т. е. их 9 человек от Иннин-шум-уцура. 1 сут 4 ка ячменя получили 10 ткачей от Иннин-зер-иддина; 1 сут 3 ка—9 ткачей от Эребшу, сына Нанайа-иддина, возможно, упомянутого выше; 3 сут—18 отбельщиков. По данным этого списка, 46 чело-

век, занятых производством одежды, делились на 4 группы. Часть имен вышеприведенного списка встречается в Pohl 2 9³⁵—выдаче дневного рациона пива, составлявшего 2 ка на человека. В YOS 7 4³⁶ фигурирует, по-видимому, тот же Эребшу, но на этот раз он получает продовольствие для ткачей, производящих пестрые ткани (LÜ išrag bīṣu ša qāte ṁ Erebšu), в количестве 33 человек. Кроме того, выдано довольствие 19 ткачам и 18 отбельщикам. Обратите внимание на увеличение числа ткачей по пестрым тканям, в то время как число простых ткачей и отбельщиков осталось прежним. Среди получателей месячной выдачи довольствия YOS 6 229³⁷—103 ювелира, 30 членов экипажа процессионного корабля одежды, две группы отбельщиков и группа ткачей. За первую группу отбельщиков 30 человек получает довольствие Шамаш-шум-укин, за вторую—его сын, Илу-данну-аххешу-ибни, под началом которого 6 человек. Шум-уцур, см. выше, получает довольствие для 6 ткачей. Списки выдач показывают, что ткачи, как и ювелиры³⁸, работали группами, под началом людей, ответственных за доставку продовольствия. В списках прослеживается передача профессии от отца к сыну. Увеличение числа ткачей по пестрым тканям и отбельщиков в храме, вероятно, связано с прочным вхождением в обиход крашеных и набивных тканей западного образца, заменивших бытовавшую до этого в Вавилонии монохромную одежду³⁹. Согласно Nbd 783, 908, Dag 281⁴⁰, ткачи получали довольствие также мукой и серебром. Не исключено, что купцы и ткачи платили храмовую десятину одеждой или тканями.

В некоторых случаях шерстяная, льняная и хлопчатая пряжа, синяя пурпурная шерсть и нитки распределяются храмом в три места: ткачам, работному дому и целле, либо ткачам, работному дому и складам, причем ткачи получают при каждой выдаче наибольшие количества пряжи⁴¹. YOS 6 113 фиксирует выдачу ниток (GADA timṣu) ткачам, работному дому и целле (bīt rarāḫl) за 549/548 гг. до н. э. Ткачи получили соответственно 6 1/4 мины и 7 1/6 мины ниток: «Нитки, выданные ткачам, седьмой год Набонида, царя Вавилона. 5/6 мины 5 сиклей ткачу, ... сиклей целле. 1 день месяца... 1,5 мины ткачам, 10 сиклей целле.

16 день месяца улулу. 1 мина ткачу, 10 сиклей целле. 1 день месяца аддару. 1,5 мины на покрывало (taḥarṣu).

Пряжа, которая в восьмом году ткачам отдана: 1,5 мины ткачу, 1/3 сикля работному дому, 1 мина ткачу, 15 день месяца ду'узу. 1 мина ткачу, 1/3 сикля работному дому и целле. 6 день месяца... 1 мина ткачу, 1/3 сикля целле. 6 день месяца кислиму. 1,5 мины ткачу, ... сиклей работному дому. 25 день месяца шабату. 10 сиклей целле. 1 день месяца аддару. 1/2 мины на покрывало». Цель выдач не указана. В связи с этими документами любопытно сообщение письма YOS 3 58 о побеге ткача⁴².

В храме хранились не только наряды богов, но и одежда, предназначенная для повседневного пользования: YOS 17 255—некто взял из храма покрывало вместо своего. В конце правления Навухородоносора II храм выдал одежду четверем стражникам, отправляющимся в Тир⁴³. Согласно GC 2 349, девять пятидесятников (LU gabMEŠ 50MEŠ) взяли у Эанны 135 платьев-mušiptu с условием возврата. TCL 12 114—стражникам выданы две темного цвета одежды-riḫata и прочие вещи. TCL 9 83—кража рабом одежды и его бегство⁴⁴ YOS 6 207—установление цены шерсти, предназначенной на изготовление двух покрывал.

Перейдем к рассмотрению данных об изготовлении сакральной одежды. Сохранилась группа заказов, датируемая 543—522 гг. до н. э. и упоминающая ткача по имени Бел-иддин. Согласно TCL 12 107, от 543 г., он получил белую ткань на изготовление одного платья для Белет Урукской и по 2 сакральных наряда-MAŠ и 10 поясов для Белет Урукской и богини Нанайи. Всего должно быть изготовлено 5 платьев и по 5 «маленьких» поясов для Белет Урукской и Нанайи. Богине Уцур-амассу предназначалось 10 поясов. Через год TCL 12 109 Бел-иддин и Ремут, также ткач, получили заказ на изготовление 2 сакральных нарядов-MAŠ из белой ткани и 10 поясов. Из синей пурпурной ткани они должны изготовить 4 головных платка-raḡṣigu, 1 вуаль-kuḫ ūlu и одну ленту для головы egū⁴⁵. Кроме того, получены белые и синие пурпурные нитки и тесьма (guḥalṣu) на украшение платьев.

В 525 г. до н. э. Бел-иддин вместе с ткачом Набу-апли-иддином получили заказ на изготовление 5 поясов из 25 сиклей белой

ткани, 1 головного платка из 50 сиклей красной ткани, окрашенной *inzaḥugetu*, по 10 сиклей красных ниток и тесьмы, 5 сиклей белых ниток. Все перечисленное предназначено для бога Нергала (GS 2 105). В том же году Бел-иддин получил в общей сложности 2 мины 45 сиклей белой ткани на изготовление поясов для Владычиц, богини Ашка'иту и Нергала, 1 мину красной тесьмы, 45 сиклей красных и 39 сиклей белых ниток (GS 2 365). В тот же период Бел-иддину было выдано 37 сиклей красной полотняной тесьмы (GS 2 319).

Через год Бел-иддин получил 2 заказа, составленных соответственно 24-го и 25-го шабату. GS 2 121: «1 5/6 мины—10 поясов; 50 сиклей красной ткани, окрашенной *inzaḥugetu*,—1 головной платок. Итого: принадлежит богине Ашка'иту.

2 2/3 мины белой ткани для сакральных платьев-*MĀŠ*; 15 сиклей—6 поясов; 1/3 мины красной ткани, окрашенной, *inzaḥugetu* 2 головных платка. Итого: принадлежит Владычицам.

50 сиклей—5 поясов; 50 сиклей красной ткани, окрашенной *inzaḥugetu*,—1 головной платок. Итого: принадлежит Нергалу.

25 сиклей белых ниток, 55 сиклей красных ниток *geš*—царского пурпура, 50 сиклей полотняной красной тесьмы—всего: Бел-иддин, ткач получил».

YOS 7 183 от следующего дня дает наиболее полное представление о предметах туалета богинь «20 мин белой шерстяной ткани—2 сакральных платья-*MĀŠ*; 1 5/6 мины белой ткани—10 поясов; 4 5/6 мины белой ткани—1 шарф (*TUG mezēb*); 5 мин красной шерстяной ткани, окрашенной *inzaḥugetu*,—12 головных платков; 10 сиклей того же—1 пояс; 5 мин 45 сиклей синей пурпурной ткани—1 вуаль, 1 лента для головы;... сиклей тесьмы с золотой нитью и красные шерстяные нитки. Всего: принадлежит богине Белет Урукской.

5 мин белой ткани—1 сакральное платье-*MĀŠ*; 6 мин красной ткани—1 платье-*ṣarū*; 4 мины 50 сиклей синей пурпурной ткани—1 вуаль, 1 головная лента, 4 головных платка, 1 темная тесьма. Всего: принадлежит богине Нанайе.

1 5/6 мины белой ткани—1 платье-*lubāgu*; 1 1/3 мины того же—2 сакральных платья-*MĀŠ*; 25 сиклей—5 поясов; 10 сиклей того же—1... 14 сиклей—... (разрушено 3 строки, очевидно, речь

идет о красной ткани), 1 головная лента. Всего: принадлежит богине Белет-ша-реш. 13 мин белой ткани — ... сакральных одежд-МАŠ; 1 5/6 мины того же — ... поясов. 1 5/6 мины красной шерстяной ткани, окрашенной inzaḫurētu—2 головных платка. Всего: принадлежит богине Уцур-амассу.

50 сиклей белой ткани—5 поясов; 50 сиклей красной ткани, окрашенной inzaḫurētu—1 головной платок. Всего: принадлежит богине Гуле.

1 5/6 мины белых ниток, 1 мина красных ниток, 2 1/3 мины темной тесьмы из синего пурпура, 2 мины красной ткани, окрашенной inzaḫurētu, 1 платок штандарта (TUC paḫšīgi ša DUriḡal-um) Белет Урукской.

1 2/3 мины того же принадлежит штандарту Уцур-амассу.

Всего: Бел-иддин, ткач получил».

В следующем, седьмом году правления Камбиза, Бел-иддин получил в месяце ду'uzu 1/2 мины белой ткани, бахрому, белые, красные и синие пурпурные нитки для наряда бога Думузи (GS 2 108).

Продолжительность деятельности Бел-иддина до конца правления Камбиза позволяет предположить, что YOS 17 301, датированный первым годом правления Навуходоносора, следует отнести к 522 г. до н. э., т. е. ко времени правления Навуходоносора III: «20 мин белой шерстяной ткани—одно платье: 40 мин того же—4 сакральных платья-МАŠ; 1 2/3 мины того же—10 поясов; 10 сиклей красной шерстяной ткани, окрашенной inzaḫurētu—1 пояс. Всего: принадлежит Белет Урукской.

12 мин белой ткани—2 сакральных платья-МАŠ; 1 2/3 мины того же—10 поясов. Всего: принадлежит Нанайе.

1 2/3 мины того же—1 платье; 1 1/3 мины того же—2 сакральных платья-МАŠ; 35 сиклей того же—7 поясов. Всего: принадлежит Белет-ша-реш.

1 2/3 мины—10 поясов, принадлежит Уцур-амассу.

1 мина 45 сиклей белых ниток, 5 сиклей ниток из синей пурпурной шерсти, ... сиклей красных шерстяных ниток, окрашенных сумахом; 1,5 мины красной полотняной тесьмы, 50 сиклей пур-

пурно-синей полотняной тесьмы; 50 сиклей—5 поясов, принадлежащих Гуле.

Итого: Бел-иддин, потомок Апкаллу и Набу-апли-иддин, потомок Набу-зер-лишира, ткачи получили. 15 улулу первого года правления Навуходоносора, царя Вавилона».

Обратите внимание на количества белой ткани, предназначенной на сакральную одежду. На 4 наряда Белет Урукской уходит 40 мин ткани, на 2 наряда Нанайи—12 мин, а на 2 наряда Белет-ша-реш—всего 1 1/3 мины. Разница в весе платьев одинакового покроя и из одной и той же ткани может быть обусловлена только размерами статуй богинь.

В деятельности ткачей привлекает внимание следующее обстоятельство: в годы правления Навуходоносора II и его предшественника Набопалассара заказы на изготовление сакральной одежды получают всего 3 ткача, среди которых чаще всего упоминается Нанайа-иддин. Позднее, начиная с 543 г. до н. э. заказы на изготовление сакральной одежды получает ткач Бел-иддин чаще всего в одиночку.

Здесь документы о выдачах и контракты об изготовлении сакральной одежды вступают в противоречие. С одной стороны, имеется большое число ткачей и отбельщиков, деятельность которых не засвидетельствована, с другой—красители и ткани для производства священной одежды получают одни и те же лица, не фигурирующие в списках выдач как главы групп, ответственные за получение довольствия. О том, что последние не были случайными людьми, говорит регулярность упоминания их имен в списках. Возможно, среди ткачей выделялось два ответственных лица—по снабжению и по исполнению. В таком случае ткачи-контрагенты были главами ткацких мастерских по изготовлению одежды для богов.

Воплощавшаяся в одежде и украшениях магическая сила богов⁴⁶, вероятно, превращала саму одежду в предмет поклонения. Этим обстоятельством можно объяснить документы времени правления Навуходоносора II об отправке покрывал в другие святилища с условием возврата (GS 2, с. 22). В 502 г. до н. э. прачечники получили красную пряжу, 4 сакральные одежды-MAŠ и накидку-paḫlartu для передачи одному из святилищ бога Нерга-

ла (YOS 17 307). Согласно YOS 17 329, два корабельщика повезли в Вавилон I (тук?)⁴⁷ красной шерсти (I SÍG pabāsu) и накидку, возможно, для передачи в Эсагилу, так как малые количества товара, как будто, исключают торговлю. Платье богов умащалось первоклассным маслом⁴⁸ (šamni geštu), ввозившимся на корабле одежды из Эсагилы на причал Эанны TCL 13 124.

Одежда богов могла быть отправлена в другие святилища по приказу царя и с разрешения объединенного собрания вавилонян, урукитов, высшей администрации, жреческой коллегии и «входящих во внутренние покои храма». Согласно YOS 6 71/72⁴⁹, собрание отказало требованию царевича Бел-шар-уцура прислать платье-kusītu, мотивируя отказ тем, что платье вывозилось из Эанны только раз по приказу Навуходоносора II. Позднее цари Навуходоносор, Нериглиссар, и Набонид, отец царевича «не говорили: «отдайте!» и платье оставалось в Эанне.

Во всех приведенных выше документах примечательна неравномерность распределения одежды между богами. Платье Белет Урукской почти вдвое превосходит по весу и по количеству одежду Нанайи и во много раз одежду других богинь. Иерархия прослеживается и в количествах тканей, и в их цвете. Наибольшие количества белой, красной, синей пурпурной тканей принадлежат Белет Урукской, за ней следует Нанайа, а после—три младшие богини урукского пантеона. Только двум верховным богиням ткнут платки, вуаль и ленты из синего пурпура, а платья обшиваются тесьмой с золотой нитью. Головы прочих богинь покрываются красными и белыми платками и лентами. Платье подпоясывалось красными и белыми поясами у низших богинь, белыми, красными и синими пурпурными поясами у высших. Трехцветные нитки и тесьма служили для окантовки монохромных платьев⁵⁰. Таким образом верховные богини, во всяком случае в определенные дни, одеты в три цвета—синий, красный и белый, младшие—только в два, красный и белый. Еще четче прослеживается иерархия на иконографическом материале—верховные боги носят одежду иного покроя и длины, отличающуюся количеством складок⁵¹, в то время как остальные боги одеты проще. Одежда у богов, как и у людей, показатель ранга и статуса. Древ-

невосточные изображения процессий богов, в которых верховные божества выделяются большими размерами, кажется, подкрепляют наше предположение о разных размерах статуй богов в урукском пантеоне.

К нарядам богинь прикреплялись золотые аппликации в виде чередовавшихся звездочек и бутонов, розеток и квадратиков с геометрическим орнаментом, вес которых достигал 4,5 кг⁵². Отдельно упомянуты различные подвески, большие и малые золотые разъяренные львы с одежды-*kusītu*⁵³. Золотые украшения, по-видимому козлиные рога (*da ššū*), прикреплялись к штандартам богинь (YOS 17 245).

Для богинь Иштар и Нанайи ювелиры изготавливали одинаковые украшения из золота, серебра и самоцветов: ожерелья, венцы, серьги, украшения «грудь». Возможно, подобия таких украшений были на нисходящей «С великих небес к великим недрам» Инанне, лишившись которых богиня потеряла свою магическую силу. Цвет украшений, сделанных в основном из лазурита и сердолика, дублирует цвета одежды верховных богинь. Цветовая символика одежд Иштар и Нанайи, как будто, означает, что верховные богини урукского пантеона охватывали все три сферы по вертикальной оси мира—небо, землю и преисподнюю, в то время как остальные богини функционируют только в двух сферах—на земле и на небе. Однако говорить об этом с большей определенностью трудно за неимением достаточного материала.

Наличие одинакового набора одежд, украшений и цветов у Иштар и Нанайи, вероятно, является показателем возрастания роли Нанайи в пантеоне Вавилонии и перекрытия ею функций других богинь.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин, Культура и экономика древнего Ирана, М., 1980, с. 344.
- 2 YOS 6 106; J. Ranger, Notes on the Goldsmiths, Jewelers and Carpenters of Neobabylonian Eanna, JAOS, vol. 91, № 4. 1971, p. 497; G. McEwan, Distribution of Meat in Eanna, Iraq, XLV/2, 1983, p. 187—198.
- 3 YOS 6 155; M. San-Nicolò, Materialien zur Viehwirtschaft in den Neubabylonischen Tempeln, Or. 18, s. 292.

- 4 М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии VII—V вв. до н. э., М., 1974, с. 312.
- 5 Там же.
- 6 М. А. Дандамаев, Храмовая десятина в поздней Вавилонии, ВДИ, 1965, № 2, с. 21; E. Salonen, Über den Zehnten im Alten Mesopotamien, Helsinki, 1972, 52—54.
- 7 М. А. Дандамаев, Вавилонские писцы, М., 1983; с. 107—108.
- 8 A. L. Oppenheim, Trade in the Ancient Near East, p. 10. V International Congress of Economic History.
- 9 M. San-Nicolò-H. Petschow, Babylonische Rechtsurkunden aus dem 6 Jahrhundert v. Chr., München, 1960, 62.
- 10 Рабство в Вавилонии, с. 196.
- 11 M. San-Nicolò-H. Petschow, указ. соч., с. 70.
- 12 Там же, с. 61—65.
13. Рабство в Вавилонии, с. 280; Вавилонские писцы, с. 71, 102.
- 14 Вавилонские писцы, с. 112.
- 15 Рабство в Вавилонии, с. 204.
- 16 Вавилонские писцы, с. 105—106, 115.
- 17 Там же, с. 106.
- 18 D. B. Welsberg, Neo-babylonian Temple Report, JAOS, vol. 87, № 1 1967, p. 9—10.
- 19 Вавилонские писцы, с. 134; M. A. Dandamaev, Kūmmel H. M., Familie, Beruf und Amt im spätbabylonischen Uruk..., Orientalische Literaturzeitung, 40.
- 20 A. L. Oppenheim, Essay on Overland Trade in the I M. B. C., JCS XXI, p. 236—238.
- 21 Там же, с. 243.
- 22 Там же.; E. Leichty, A Collection of Recipes for Dyeing, AOAT, B. 203, p. 18.
- 23 Overland Trade, там же; A Collection..., p. 17—18.
- 24 Overland Trade, p. 251.
- 25 Там же, с. 243.
- 26 Там же, с. 240; E. Salonen, Neubabylonischen Urkunden Verschiedenen Inhalts, B. II, Hels., 1976., 64—65.
- 27 Вавилонские писцы, с. 113.
- 28 E. Salonen, указ. соч., с. 19, 41, 112.
- 29 D. J. Wiseman, A Late Babylonian Tribute List? BSOAS, XXX, p. 34.
- 30 Overland Trade, p. 246.
- 31 E. Salonen, указ. соч., с. 70—71.
- 32 B. Waetzold, Kleidung, RLA, 22.
- 33 E. Leichty, указ. соч., с. 17—18.
- 34 J. Renger, указ. соч., с. 497.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Там же.

- 38 Там же, с. 498—499.
39 *Overland Trade* p. 247—248, 251.
40 *E. Salonen*, указ. соч., с. 96, 98, 110.
41 *Overland Trade*, p. 255.
42 Вавилонские писцы, с. 106.
43 GC 2, с. 22.
44 Вавилонские писцы, с. 115.
45 *A. L. Oppenheim*, *The Golden Garments of the Gods*, JNES, VIII, p. 175.
46 Там же, с. 179.
47 Следуя Д. Уайзману, указ. соч., с. 34.
48 *A. L. Oppenheim*, apud ANET, p. 310.
49 *The Golden Garments...*, p. 180.
50 Там же.
51 *R. Voehmer*, *Götterdarstellungen in der Bildkunst*, RLA, 466—469.
52 *The Golden Garments...*, p. 172—177.
53 Там же, с. 177.

Г. Х. САРКИСЯН

МАНУМИССИИ В СЕЛЕВКИДСКО-АРШАКИДСКОМ УРУКЕ

Сведения о рабстве в Вавилонии эллинистического периода по сравнению с нововавилонским периодом¹ очень скудны² и происходят почти исключительно из одного города—Урука. Из нескольких сотен известных в литературе частноправовых контрактов этого времени лишь три десятка относятся непосредственно к сделкам с рабами, фиксируя их продажу, дарение, отдачу в приданое, распределение при разделе имущества, посвящение храму.

Для обозначения рабов продолжает применяться несколько терминов, функциональное различие которых для эллинистического времени не устанавливается: *ardu* и *qallu*—для рабов, *amtu*, *qallatu* для рабынь, *amēlūtu* и *aštarīru* для обоих полов. Храмовые рабы—иеродулы, по-прежнему назывались *širku*.

Общую численность рабов в Уруке по наличным данным трудно установить даже приблизительно. Имеются контракты по разделу имущества, в которых разделу подлежат 2-4 раба. Однако имеются и такие, в которых рабы вовсе не упоминаются. С другой стороны, известен контракт, фиксирующий продажу одновременно шести рабов (ВДИ, 1955, 4, 1—296 г. до н. э.). По подсчетам Т. Доти одна из семей Урука в раннеэллинистический период в течение лишь нескольких лет приобрела, согласно известным нам документам, 25 рабов³. Имеется случай продажи половины раба (САНУ, с. 176, 303—292 гг. до н. э.). Возможно, среднее число рабов в урукской семье достигало 2—4⁴.

Цена на рабов колебалась между $\frac{1}{3}$ и 1 миной серебра и в среднем составляла $\frac{3}{4}$ мины⁵.

Данные нововавилонского времени показывают, что рабы имели некоторые права⁶. Наш скудный материал не позволяет добавить к этому что-либо для эллинистического времени.

Рабская семья как таковая—отец, мать, дети, объединенные в одной семье—в наших документах не отмечена. В трех контрактах выступают матери-рабыни вместе со своими детьми-рабами (BRM II 24, САНУ, с. 251 и 87, соответственно—229, 204 и 188 гг. до н. э.), что само по себе еще ничего не доказывает, но в двух других случаях появляются рабы-отцы вместе со своими детьми-рабами (САНУ, с. 176 и А 3689—соответственно 302 и 143 гг. до н. э.), что уже показательно. Далее, имеются сведения о рабах-домовладельцах (VS XV 12—181 г. до н. э.). Судя по этим косвенным данным, рабы в Уруке эллинистического времени имели право и возможность составлять семьи.

Ряд контрактов показывает, что рабский труд применялся в домашнем хозяйстве. Другой сферой его применения было сельское хозяйство (контракт САНУ, с. 172—MLC 2200, 295 г. до н. э.).

Особую категорию составляли храмовые рабы *širki*. Наиболее раннее их упоминание в Вавилонии эллинистического времени встречается в протоколе судебного заседания в Уруке (САНУ, с. 15—MLC 2202, 302 г. до н. э.). Здесь говорится о рабе одного умершего бездетным человека, который был посвящен его также уже покойным братом богу Ану в храмовое рабство (*širkiutu*). Этот брат оставил трех сыновей. Был, однако, и третий брат, который оставил одного сына. Этот сын обратился в суд с требованием выделить ему часть раба, находящегося в положении *širki*. Суд постановил выделить ему 1/3 этого раба-*širki*, а остальные 2/3 оставить его трем кузенам. Из этого следует, что храмовый раб-*širki* представлял известный интерес для своих бывших посвященных. Этот интерес несомненно носил экономический характер, т. е. раб-*širki* продолжал в какой-то мере обслуживать своих бывших хозяев или же последние получали за него какие-то блага из храма.

Следующее свидетельство о храмовом рабстве в Уруке относится к 219 г. до н. э. В контракте по продаже недвижимости

в качестве свидетеля выступает некто, титулованный как *lú-gab širke^{meš}* — „начальник храмовых рабов“ (ОЕСТ 30, 31 = ОЕСТ 31, 31). Это должен был быть свободный человек: рабы или *širki* в контрактах из Урука в качестве свидетелей не отмечены.

Немного раньше, в 225 г. до н. э., в одном документе из Селевкии на Тигре упоминается факт посвящения нескольких рабов *lú qal-⟨la⟩^{me}* в храмовое рабство *lú zeš* (ошибка, вм. *šir*)-*ki-ú-tú*.

Кроме этих конкретных данных об институте *širkûtu* в эллинистический период, он многократно упоминается в формуляре контрактов. Продавец раба гарантировал, что раб не принадлежит к определенному ряду социальных категорий и в перечне этих категорий под номером один выступает именно *širkûtu* — храмовое рабство. Продавать *širki* строго запрещалось.

Факт упоминания *širkûtu* в стандартном формуляре позволяет сделать вывод, что интересующий нас институт, как ни мало о нем сохранилось данных, продолжал существовать и играть свою роль в обществе также в эллинистический период. В этом смысле интересен также факт продолжения применения теофорных имен с компонентом *širki*.

Ознакомление с данными о храмовом рабстве в Вавилонии эллинистического времени вплотную подводит нас к основной теме настоящей статьи. Дело в том, что помимо приведенных данных о *širkûtu* имеется еще одна серия документов, фиксирующих акты посвящения храму рабов, в которых, однако, термины *širki/širkûtu* не упоминаются. В нашем поле зрения пока имеется четыре таких документа из Урука. Один из них — BRM II 53 (132 г. до н. э.), хорошо известен исследователям; другой, SANU c. 87 (YBC 11633), с несохранившейся датой (видимо, 189—187 гг. до н. э.), издан недавно в транслитерации и в переводе. Остальные два хранятся в коллекции Восточного института Чикагского университета (под номерами A 3689 и A 3690) и пока не изданы; в моем распоряжении имеются их фотографии, любезно предоставленные руководством упомянутого института. Документы относятся соответственно к 132 и 127 годам до н. э. Исходя из важности этих документов, мы в конце настоящей работы приводим их транслитерацию и перевод, с необходимыми комментариями⁹.

Новые документы указывает на регулярность явления, которое, известное ранее лишь из акта BRM II 53, могло быть сочтено эпизодическим, а именно, что в селевкидско-аршакидский период (II в. до н. э.) рабы посвящались храму, как правило, в малолетнем возрасте. Если в упомянутом акте BRM II 53 рабыня—пятилетняя, то в двух актах из Чикаго (A 3689 и A 3690), фиксирующих посвящение двух пар рабов, им, соответственно, 4 и 5 лет и 10 и 6 лет. В акте САНУ, с. 87 речь идет о посвящении матери с двумя детьми, возраст которых не указан. Итак, из восьми посвященных семь были детьми. Такой возрастной состав не может быть случайным и требует объяснения.

В формуляре актов обсуждаемой серии имеется пункт, гласящий, что посвяtitель не имеет права распоряжаться рабом иначе как в пользу храма, т. е. он не должен их продавать, дарить, отдавать в приданое или закладывать никому другому. Это может только означать, как правильно заметила У. Левентон, что посвяtitель продолжал сохранять возможность распоряжения посвященным рабом⁹, иначе упомянутый запрет был бы бессмысленным. Это мнение подтверждается тем обстоятельством, что за нарушение запрета назначался очень большой штраф—целая мина золота.

Нововавилонские документы, более обильные, содержат ряд вариантов посвящения рабов в храм: непосредственную передачу, передачу после смерти посвяtitеля, частичную передачу, с сохранением прав посвяtitеля на использование раба¹⁰. С случаем сохранения таких прав даже у наследников посвяtitеля мы столкнулись выше (с. 42), при рассмотрении судебного протокола по делу *širku*.

О. Крюкман склоняется к мысли, что при посвящении малолетних детей действительная передача имела место после смерти посвяtitеля¹¹. Г. Печов опирается на мнение Кошакера, который в подобных случаях видел собственность, разделенную между посвяtitелем и храмом, которая переходит полностью к храму лишь после смерти посвяtitеля¹².

Имея в виду, с одной стороны, возраст посвящаемых рабов, а с другой—записанный в формуляре актов фактический запрет

распоряжения ими посвятителем, можно с достаточной уверенностью заключить, что непосредственной передачи рабов храмам в подобных случаях действительно не имело места. Далее, поскольку срок передачи в актах не указывается, остается думать о естественном сроке—после смерти посвятителя.

Все это, однако, не объясняет специфическую черту состава посвящаемых—их малолетство. В конце концов они могли бы посвящаться на тех же условиях и в более зрелом возрасте. Причину этой специфики, как нам кажется, подсказывает значительно более пышная, чем в нововавилонский период, формулировка мотивов посвящения: «Ради здоровья царя, ради здоровья себя самого, ради здоровья урукцев, ради здоровья своих сородичей и своих детей». В нововавилонских посвящениях выступает лишь мотив «ради здоровья своей жизни». Как мы видим, здесь прибавляются верноподданнические чувства, а также патриотизм в отношении своего города, своей гражданско-храмовой общины. По-видимому, официальное и подтвержденное деянием выражение этих чувств приносило какие-то моральные преимущества, почему и граждане спешили заблаговременно совершить акт посвящения.

Отметим еще одну интересную особенность рассматриваемых актов. Посвятителями в них выступают в двух из четырех случаев греки (в том числе—одна женщина), в одном—вавилонянин и в одном—эллинизированный вавилонянин с греческим именем. Здесь характерно включение греков в гущу жизни урукской гражданско-храмовой общины¹³. Кроме того, этот состав явно свидетельствует о высоком социальном положении посвятителей.

Разобравшись, по мере возможности, в вопросе положения посвященных храму рабов до момента их фактической передачи храму, попытаемся выяснить, что в действительности могла означать такая передача.

У. Левентон особо подчеркивает, что в известном ей акте (BRM II 53) речь идет о совершенно определенной работе, для которой посвящается храму рабыня: на нее возлагается только «выполнение работы по глине храма богов Урука» (erūš^{us} dul-lu šá bīt ilāni^{meš} šá Uruk^{kl})¹⁴. Отсюда следует, что право

распоряжения храма этими рабами было ограниченным, они могли быть использованы только для определенной работы.

Из трех новых актов в одном повторяется та же формулировка, а в двух других к стандартной уже «работе по глине» (т. е., по-видимому, к работе по изготовлению сырых кирпичей) прибавляется работа „по гипсу“ (gašši—САНУ, с. 87, стк. 6) и по „записям(?) кладовой инвентаря“ (^{kúš}šaṭāru, (??)^{ru} šá ašlukkatl—A 3689,7). Столь далеко заходящая конкретизация сфер работы посвященных храму рабов, скорее всего подтверждает мнение об ограниченности права распоряжения этими рабами храма: храм распоряжался ими лишь частично.

Разумеется, «работой по глине» можно было бы загрузить раба полностью. Но вопрос стоит иначе: почему храм не мог использовать его для других целей, как это обычно для рабского статуса. Очевидно, потому, что раб не был полностью в его распоряжении, т. е. фактически, да и юридически, он не был храмовым рабом, а находился в каком-то другом статусе.

Здесь следует вспомнить, что во многих контрактах из Урука 170—140 гг. до н. э., т. е. по времени вполне укладывающихся в хронологические рамки посвячительных актов (ок. 190—130 гг. до н. э.), упоминаются лица, обозначенные как ^{lú}e-reš (вар. ^{lú}eruš^{uš}) dul-lu ṭiṭṭ^{bá} šá bit ilāni^{meš} šá Uruk^{ki} „исполнитель работы по глине храма богов Урука“ или šá ultu ^{lú}e-reš^{meš} (вар. ^{lú}eruš^{uš.meš} . . . , т. е. „который из числа исполнителей...“ и т. д.¹⁵.

Эти лица выступают в контрактах в различных ролях—контрагентов, а именно—продавцов недвижимости, в том числе также и обозначенной как takkūr d Anu — «имущество (бога) Ану», партнеров по обмену недвижимого имущества, домовладельцев, гарантов сделки, т. е. в ролях, обычных для свободных.

С другой стороны, однако, в генеалогии этих лиц не упоминаются родоначальники; каковое упоминание было признаком полноправного урукского гражданина. Далее, они не встречаются в качестве продавцов или покупателей прав на «довольствие» (išqu) из храма, что тоже было, очевидно, привилегией граждан. Они, видимо, не встречаются и в перечнях свидетелей в контрактах.

Если это отсутствие не является результатом случайного стечения обстоятельств, то перед нами определенная социальная группа, категория людей (вспомним выражение *ša ultu* «из числа», приведенное выше), члены которой, не укладываясь в представление о рабах (они никогда и не называются ни рабами—*ardu*, *qallu* и т. п., ни храмовыми рабами—*širku*), не являются также полноправными гражданами.

Если сравнить их определение с определением цели посвящения рабов храму *a-na erūš^{uš} dul-lu 𒌷𒌷𒌷^{bā} šá bīt ilāni^{meš} šá Uruk^{ki}* — «для выполнения работы по глине храма богов Урука», то они оказываются идентичными (за исключением естественного наличия детерминатива должности-профессии-сословия *lu* при обозначении лиц и отсутствия его при обозначении цели), что ведет к заключению об идентичности определяемых ими явлений, если этому не мешает что-либо существенное. Мы полагаем, что рабы, посвященные в актах «для выполнения работы по глине храма богов Урука» включались в состав упомянутых в контрактах «исполнителей работы по глине храма богов Урука».

Выше мы могли убедиться, что посвященные храму рабы с наступлением срока их передачи храму превращались не в храмовых рабов—*širku* (каковой термин в связи с ними, как было отмечено, и не упоминается), а в людей какого-то иного статуса, характеризующегося строго определенными обязательствами перед храмом. Предложенная идентификация дополняет характеристику этого статуса до представления о людях фактически и юридически свободных, но не являющихся полноправными гражданами. Напрашивается вывод о том, что это—вольноотпущенники, особая группа вольноотпущенников.

М. А. Дандамаев, упомянув о скудости нововавилонского материала по отпуску рабов, выделяет все же засвидетельствованные в нем две формы: отпуск раба с условием службы хозяину пока тот жив и усыновление свободным раба—своего или чужого¹⁶. Храмы в практике манумиссий не участвовали. Напротив, для храмового раба путь к свободе, в отличие от частного раба, был закрыт¹⁷.

В эллинистический период отпуск рабов на волю повсеместно, вероятно, также в Вавилонии, увеличивается. Возможно, здесь сохраняются и его прежние формы, хотя в доступном нам материале они не зафиксированы. Впрочем, рассмотренные акты в определенной степени напоминают первую из указанных форм. В эллинистический период отмечается участие, прямое или косвенное, храмов в практике манумиссий. Достаточно упомянуть массовые акты из Дельф, в которых освобождение раба оформлялось в виде его продажи богу Аполлону (хотя цену уплачивал сам раб)¹⁸, или немногочисленные акты на греческом языке из Суз, в которых освобождение рабов производилось под видом их посвящения богине Нанайе¹⁹.

Последние документы особенно близки к рассмотренным урукским актам. Они относятся к тому же времени—к 140—130 гг. до н. э., манумиссоры в них греки, как и часть манумиссоров в Уруке, а рабы, как и в Уруке, посвящаются вавилонскому божеству. (Кстати, эта черта в определенной мере выводит интересующие нас акты из чисто религиозной сферы и вводит в сферу социально-экономическую). Кроме того, наблюдается явное материальное сходство в формулярах.

Все это подтверждает вывод о том, что в рассматриваемых нами урукских актах посвящения рабов храму мы, по всей видимости, сталкиваемся с манумиссиями, результатом которых было возникновение в Уруке II в. до н. э. особой группы вольноотпущенников, объединенной названием «исполнителей работ по глине храма богов Урука».

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 См. М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. (626—331 гг.), М., 1974.

2 Отчасти это объясняется тем обстоятельством, что в нововавилонский период все сделки фиксировались лишь в клинописной системе нотарната, а в эллинистический в значительной мере перешли в ведение греческого нотарната. От документов последнего, написанных на пергаменте (папирусе) до нас дошли лишь скреплявшие их глиняные буллы с отпечатками перстней-печатей. См. М. Rostoutzeff, Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions, „Yale Classical Studies“, 3, 1932.

- 3 T. Doty, *Cuneiform Archives from Hellenistic Uruk* (Yale University Dias. 1977), с. 175. Далее в тексте—САНУ.
- 4 См. G. Ch. Sarkislan, *Die Sklaven in Uruk der hellenistischen Zeit*, "Archiv für Orientforschung", Beiheft 19, 1982, с. 139.
- 5 См. там же, с. 138.
- 6 Дандамаев, с. 265 слл.
- 7 G. J. P. McEwan, *Priest and Temple in Hellenistic Babylonia*, „Freiburger altorientalische Studien“, Bd. 4, Wiesbaden, 1981, с. 59.
- 8 В моей статье (G. Ch. Sarkislan, *Von der Tempelsklaverel im hellenistischen Babylonien*, „Iraq“, Vol. XLV, Spring 1983, с. 135) к этой серии документов был причислен и рассмотрен с приведением частичного перевода еще один документ из Чикагского собрания, сохранившийся в виде четырех фрагментов (A 3655 и др.). Однако сверка с оригиналом, сделанная д-ром И. Эльснером (Университет Иены, ГДР), показала, что в начале стк. 4 оборотной стороны сохранились следы знаков, неразличимые на фотографии, имевшейся в моем распоряжении, которые скорее всего надо читать как ŠUK. 𒊕.𒌦 (kurummatu^{ba}) —«кормление», что подсказывает иную интерпретацию документа. Д-р И. Эльснер любезно сверял с оригиналами также мою транслитерацию двух документов из Чикагского собрания (A 3689 и A 3690), публикуемых в конце настоящей статьи, за что выражаю ему свою благодарность.
- 9 U. Lewenton, *Studien zur keilschriftlichen Rechtspraxis Babyloniens in hellenistischer Zeit*, Münster, 1970, с. 72.
- 10 См. H. Petschow, *Neubabylonischer Pfandrecht*, В. 1956, с. 134.
- 11 O. Krückmann, *Babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen*, Weimar, 1931, с. 44.
- 12 Petschow, указ. соч., прим. 161.
- 13 Ср. Г. Х. Саркисян, *Греческая ономастика в Уруке и проблема Ггаесо-Babyloniaca*, „Древний Восток“, 2, Ереван, 1976, с. 207, слл.
- 14 Lewenton, с. 72. Вместе с тем У. Левентон полагает, что в случае нарушения посвятителем условий контракта он не только платил штраф, но и посвящаемая рабыня полностью, уже не только для «работы по глине», а вообще, переходила в собственность храма. Мне представляется, что здесь У. Левентон явно переоценивает значение следующей за требованием о выплате штрафа формулировки «и Арахуна принадлежностью храма богов является» (BRM II 53, 16—17: u [i^fA]-ra-ḥu-na-a' šá bit ilāni^{meš} šī-i-tu₄), являющейся в действительности лишь стяженным вариантом следующей за ним расширенной концовки акта „Арахуна для [выполнения] работы глины храма богов Урука его принадлежностью навсегда является“ (там же, 17—19: i^fA-ra-ḥu-na-a'-a-na' [epuš^{uš}] dul-lu₄ 𒌦𒌦𒌦𒌦^{ba} šá bit ilāni^{meš} šá Uruk[^{ki}a-na u₄-mu ša-a-tú] šī-i-tu₄). В первой фор-

мулировке цель посвящения рабыни просто опущена, ибо она (формулировка) приведена лишь в связи с упоминанием о штрафе в 1 мну золота за нарушение условий контракта. Смысл ее в том, чтобы подчеркнуть, что, наряду с выплатой огромной суммы, посвяtitель остается обязанным выполнять еще и условие контракта—передать рабыню храму.

То, что отсутствие указания на цель посвящения в первой формулировке не должно вести к каким-либо далеко идущим выводам, становится ясным при сопоставлении концовки данного акта с концовкой неизвестного тогда У. Левентон акта САНУ, с. 87 (YBC 11633), которая гласит: «Пана, ХатамАну и МинНама, ее сыновья, принадлежностью (богов)

Ану и Анту навсегда являются» (стк. 14—16: ^fPa-pa-a ^mHa-ta-am-^dAnu u ^mMi-in-^dNa-pa-a mēre^{mēš}-šú šá^dAnu u An-tu, a-na u₄-mi ša-a-tú šú-nu)

Тексты этих двух актов в целом не дают решительно никаких оснований для предположения возможности их принципиально разных концовок. Здесь имеет место нормальная с точки зрения сопоставления с другими царственными актами форма той же несколько расширенной концовки, которая приведена выше из акта BRM II 53.

Наше мнение подтверждается еще и тем обстоятельством, что выражению «кроме как для храмов богов Урука», включающему формулу ограничения распоряжения в акте BRM II 53 (стк. 12—13: e-lat a-na bīl ilāni meš šá Uruk^{ki}), в САНУ, с. 87 соответствует выражению «кроме как для работы по глине и гипсу храмов богов Урука» (e-lat a-na dūl-lu ilāni^{ba} u gaššil a-na bīl ilāni meš ilāni meš šá Uruk^{ki}), т. е. в первом случае слова «работа по глине», уже упомянутые в начале акта и упоминающиеся еще в его конце—просто опущены и подразумеваются.

15 Перечень см. *McEwan*, с. 53.

16 *Дандамаев*, с. 262.

17 Там же, с. 322.

18 См. *К. К. Зельин*, Дельфийские манумисии как источник по истории рабства в древней Греции, в кн. «Формы зависимости в восточном Средиземноморье в эллинистический период», М., 1969, с. 199 сл.

19 *F. Cumont*, Nouvelles inscriptions grecques de Suse, „Comptes rendues de L'Académie des inscriptions et des belles lettres“, 1932, juillet-septembre, с. 279; *L. Robert*, Études d'épigraphie grecque, „Revue de philologie, d'histoire et de la littérature ancienne“, 10, 1935, с. 137 сл.

ТЕКСТЫ

Предлагаемая транслитерация двух текстов из собрания Восточного института Чикагского университета выполнена мной на основе фотографий и све-

рена с оригиналами д-ром И. Эльснером (см. выше, прим. 8).

Сокращения: ЛС—лицевая сторона (таблички); ОС—оборотная сторона; ПР, ЛР, ВР и НР—соответственно, правое, левое, верхнее и нижнее ребра.

I (A 3689). Дата: апрель-май 128 гг. до н. э.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

ЛС ^mU^b-bu-lu māru₂ šá ^{md}Anu-balāt-su-iqbi māri₂ šá ^{md}Anu-abhe^{meš}-
iddin apil ^mAhu-u'-ú-tu
ina hu-ud lib-bi-šú ^mA-bi-im-mi-im lú arad-su šá i-tur-ru lú māru 10
šanāti₂^{<meš>} u ^{md}Il-lut-^dAnu lú aha-šú šá i-tur-ru lú māru 6
māre₂^{meš} šá ^mMat-ta-nit-a' a-na muh-hi bul-tu šá šarrāni^{meš} a-na
muh-hi
5 bul-tu šá ramāni-šú a-na muh-hi bul-tu šá Uruk^{ki} -a-a a-na muh-hi
bul-tu šá nišī-šú u DUMU.A.NI.MEŠ a-na epūš^{uš} dul-lu₄ titti^{na}
u ^{kuš}šatāru₃??^{ru} šá ašlukkati a-na ^dA-ni₇ ^dAn-tu₄ ^dŠin u
^dŠamaš a-na u₄-mu sa-a-tu it-ta-din ul i-šal-lat-tu-ma ^mU^b-bu-lu
šua^{ti}^{meš} u man-am gab-bi a-na muh-hi pa-ni-šú ^mA-b[i-im-mi-im]
10 šua^{ti}^{meš} u ^mIl-lut-^dAnu lú aha-šú māre₂^{meš} šá ^mMat-ta-nit-a' [a-na]
kašpi a-na re-mut-ú-tú a-na nu-dun-nu-ú a-n[a epūš^{uš} subūti]
a-na man-am šá-na-am gab-bi a-na DA.NI-š[ú u ki-i it-tan-nu]
[a-n]a man-'am' šá-na-am ul ú-šú-su u 'i-[nam-din šá la di-i-ni]
[u] 'la' ha-ra-r[a 1? ma-na h]urāsu a-na bī[t ilāni^{meš} šá Uruk^{ki}
amēlu-ut-ti].

15 [šua^{ti} šá bī]t ilāni^{meš} [šá Uruk^{ki} a]-na u₄-m[u sa-a-tú šú-nu]

ОС Несколько строк пустует

[^{lú}mu-kin]

^{md}Na-na-a-iddin māru₂ šá ^{md}Anu-zēra-'iddin' māri₂ šá ^{md}Anu-aba-[ušur
apil ^mxxx]

^mNi-ka-[nu]-'úr māru₂ šá ^dDi-[ip-pa]-'tu-su пусто ?

^mAn-ti-pa-ti-ru-su māru₂ šá ^mNidintu-^d[Anu?

20 ^mNidintu-^dAnu māru₂ šá ^{md}Anu-māra-ittannu^{nu} māri₂ šá ^{md}Na-na-a-
iddin [apil ^mxxx]

^{md}Anu-aha-ittannu^{nu} māru₂ šá ^mMan-nu-i-qa-pu māri₂ šá
^mNidintu-^dAnu apil [^mxxx]

^{md}Anu-uballit^{it} māru₂ šá ^{md}Anu-bēl-šú-nu māri₂ šá ^{md}Anu-aha-
ittannu^{nu} apil ^mAhu-[u'-ú-tú]

^{md}Anu-aba-utir māru₂ šá ^{md}Anu-aha-ušabši^{š1} māri₂ šá
^{md}Anu-abhe^{meš}-iddin apil ^mAhu-u'-ú-tu

^{md}Ki-din-^dAnu māru₂ šá ^dDannat₃-^dBēlti māri₂ šá ^{md}Šamaš-^dittannu^{nu}
apil ^mLu-uš-tan-m[ar-^dAdad]

25 ^{md}Anu-ahh^{meš}-iddin ^{lu}tupšarru₂ māru₂ šá ^{md}Nidintu-^dAnu ar₁₁
^{md}Sin-leqi-unnim₁ Uruk^{ki} it_u nisannu ūmu [x kām]
šattu 120 šá šī-it 184 ^{md}Ar-šak-a' šarru u ū-zar-na [xxx]
IP un-qa [^{md}U^b-bu-lu] ^{lu}na-din-na [amēlu-ut-ti šuāti]
LP [un]-qa [^{md}Ki-din]-^dAnu un-qa ^{md}Anu-aha-ittan^{nu}
BP [un]-qa ^{md}Nidintu-^dAnu un-qa ^{md}Anu-uballiṭⁱ un-qa ^{md}ša-na-a-iddin
HP утрачено

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРАНСЛИТЕРАЦИИ

Стк. 3. Пропущенный указатель множественного числа восстанавливается на основании конца той же строки.

Стк. 4. Первый слог имени отца посвящаемых рабов может быть прочитан и как šat. Наше предпочтение объясняется наличием в текстах имени ^{md}Mat-ta-na-at-^dAnu (BRM II 20, 16, 19, 21 и др).

Стк. 6. DUMU. A. NI. MEŠ вместо ^{lu}māre meš-šu в тексте II, 7 и, вероятно, BRM II 53, 5, где знаки попорчены. Ср. также в тексте II, 4 mārat-A. NI. См. Borger, ABZ, с. 201.

Стк. 7. Чтение знаков SU.DU.RU не вызывает сомнения.

Стк. 11. Такое восстановление более вероятно, чем ana maškanpūtu (ср. SANU, с. 87—YBC 11633, 10).

Стк. 14. Цифра 1 восстановлена по аналогии с BRM II, 53, 15.

Стк. 18. При имени река в документах как правило упоминается только отчество, согласно греческому обычаю. Ср. текст II, стк. 20 и 26.

LP, имя свидетеля восстановлено согласно перечню свидетелей (стк. 24).

ПЕРЕВОД

(1) Уббулу, сын Ану-балатсуикби, сына Ану-аххенддина, потомок Ахуту,
(2) по своей доброй воле, Абиммима, своего раба, мальчика, которому исполнилось 10 (3) лет и ИллутАну, его брата, мальчика, которому исполнилось 6 лет,
(4) сыновей Маттаниты, ради здравия царей, ради здравия (5) себя самого, ради здравия урукцев, ради здравия (6) своих сородичей и детей, для выполнения работы по глине (7) и записей (??) кладовой инвентаря, (богам) Ану, Анту, Сину и (8) Шамашу навсегда отдал. И не станет распоряжаться У[ббулу] (9) упомянутый, а также никто другой от его лица, Аби[мимом] (10) указанным и ИллутАну, его братом, сыновьями Маттаниты, (отдав) [за] (11) серебро, в качестве дара, как приданное, во [исполнение (какого-либо другого) намерения] (12) кому бы то ни было в сво[ем... И если (окажется, что он) отдал] (13) [ко]му либо, (то) не будет оставлено (так), и он о[тдаст без суда] (14) [и] без иска [1 ? мну зо]лота храму [богов Урука. Рабы (15)

[упомянутые принадлежностью хра]ма богов [Урука] навс[егда являются].

(16) [Свидетели:]

(17—24—имена и генеалогия 8 свидетелей).

(25) Ану-аххеиддин, писец, сын НидинтуАну, потомок Синлекуннинни. Урук, (месяц) нисанну, день [х], (26) год 120, который соответствует 184-ому. Аршака, царь и Узарна, [...]

(Ребра—остатки имен и отпечатков перстней посвяителя и свидетелей)

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ И РЕАЛЬНЫМ КОММЕНТАРИИ

Стк. 6. А. NI—шумерская форма посессивного местоимения третьего лица «свой», «его». См. примечание к транслитерации, стк. 6.

Стк. 7. Перевод группы знаков SU.DU.RU весьма условен.

Стк. 12. Непонятное выражение. В BRM 11 53 издатель А.Т. Клей в переводе текста эти слова обходит (с. 34), а У. Левентон отмечает их как «неясные слова» (с. А 47, пр. 267). И. Эльснер предположительно предлагает усматривать в а-па DA.NI-šú стяженную форму выражения а-па па-da-ni-šú — «в своем дарении».

Стк. 27. Речь идет о разнице между селевкидской эрой (в Вавилонии—начало в 311 г. до н. э.) и аршакидской эрой (начало в 247 г. до н. э.), составляющей 64 года.

Стк. 27. Имя с детерминативом женского рода Узарна принадлежало жене или матери упоминаемого в колофоне Аршака VIII—Артабана II (128—122 гг. до н. э.). Ср. BRM II 53, 28—«Аршака и Ри[...]ну, его мать, цари», где упомянут предшествующий парфянский царь Аршак VII—Фраат II (139—129 гг. до н. э.).

Ребра. На правом ребре записывались имена и давались отпечатки перстней контрагентов, на прочих—свидетелей.

II. (A 3690). Дата: 15 июня 133 г. до н. э.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ.

LC [xxx-da-mu]-su māru₂ šá m^mDi-ip-ra-tu-su māri₂ šá m^m[xxx]
[apil m^mAhu-u'-ú-]tu ina hu-ud lib-bi-šú še-kur-ti-i' mārtā šá
[xxx]x.GA.MA.LU₄.Ú.A. šá ta-tur-ru mārtu šá HI? 4
[šaneti]^{mes} ú m^mNa-hi-tu₄ mārtā-A.NI šá ta-tur-ru mārtu šá
5 [HI?] 5' šanēti^{mes} a-na muh-hi bul-tu šá m^mAr-šak-a' šarri
a-na muh-hi bul-tu šá ramāni-šú a-na muh-hi bul-tu <šá Uruk^{ki}-a-a>
muh-hi <bul-tu> šá nišē^{mes}-šú u mārē₂^{mes}-šú it-ta-din a-na ep^uš^u
dul-šū.
[tiṭti]^u šá bit ilāni^{mes} šá Uruk^{ki} a-na m^mA-nu u An-tu₄ u ilāni^{mes}
[rabūti]^{mes} gab-bi šá Uruk^{ki} a-na u₄-mu sa-a-tú ul i-šal-laṭ-ṭu-ma

10 [xx] [x¹-de-wu-su šuāti^{mes} Še-kur-ti u Na-bi-tu⁴ šuāti^{mes}
 [a-n]a kaspi a-na re-mut-ú-tu a-na nu-du[n-na-ú a-na]
 [epūš^u] su-bu-ú-tú a-na maš-kan-nu-ú-[tú a-na man-am]
 [ša-na-am] a-na DA.NI-šú e-lat a-na bit-ilāni[^{mes} šá Uruk^{ki}]
 [a-na] u₄-wu qa-a-tú ù ki-i it-t[an-nu ul ú-šu-su]
 15 [u i]-ham¹-din šá la di-i-ni u la [na-re-ra 1 ma-na hurāši]
 [a-na bit] ilāni^{mes} šá Uruk^{ki} [Še-kur-ti-i' u Na-bi-tu⁴]
 OC [šuāti šá bit ilāni^{mes} šá Uruk^{ki} a-na u₄-wu qa-a-tú šú-wu
 (или ší-na)]

Еще две строки утрачены

20 [Ni-ka-nu-úr māru₂] [šá Di-i]p-pa-tu-su пусто ?
 Anu-bēl-šú-nu māru₂ šá Anu-ahhe^{mes}-iddin māri₂ šá
 Na-na-a-[iddin apil xxx]
 Nidintu-^dAnu māru₂ šá Anu-zera-iddin māri₂ šá Nidintu-^dAnu
 [apil xxx]
 Anu-aba-ušur māru₂ šá Nidintu-^dAnu māri₂ šá Anu-aha-iddin
 apil šun-su-[ú]
 Anu-ahhe^{mes}-iddin māru₂ šá Nidintu-^dAnu māri₂ šá Anu-ik-šur^f
 apil Kur-i
 25 Anu-aha-ME māru₂ šá Anu-aha-ittannu^{nu} māri₂ šá Anu-aha-ME
 šá PA.ŠÚ.HI⁷[xx]
 A-ri-is-tu-uq-la-e māru₂ šá An-dar-ni-qu-su¹

Anu-ahhe^{mes}-iddin lu^u turšarru₂ māru₂ šá Nidintu-^dAnu apil
 š[an-leqi-waninni Uruk^{ki}]
 [itu] si-manu ūwu 4^{kan} šattu 115 Ar-šak-a' šarru šá [ší-it 179]
 PP [un-q]a [xxx-de-wu-su] lu^u na-din-a Še-k[ur-ti-i' u Na-bi-tu⁴
 I,5 строки пустуют šuāti^{mes}]
 LP [un]-qa [A-ri-is-tu]-uq-la-e un-[qa] Nidin[tu-^dA]nu
 BP un-qa¹ Ni-ka-nu-úr un-qa Anu-bēl-šú-nu un-[qa xxx]
 NP утрачено

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРАНСЛИТЕРАЦИИ

Стк. 1 и 10. Имя посвятителя, греческое, видимо, оканчивалось на-δτιος.
 Возможные варианты: -ti-wu₄-su=τιος и -te-wu₄-su=τιος.
 Стк. 3. Отбитые знаки в начале строки могли заключать имя отца или ма-
 тери рабыни: смысл дальнейших знаков, из коих кроме первого (ZIQ?, LU?), ос-

тальные читаются отчетливо, для нас непонятен, если только они не относятся к возможному в начале строки собственному имени.

Стк. 3. В конце строки **HI** читается довольно отчетливо. Соответствующий знак в BRM II 53,2 скопирован издателем с двумя нижними косыми клиньями (это не характерно для **HI**) и раскрыт как **šattu**; и то, и другое сомнительно. Значение знака остается непонятным.

Стк. 4. См. прим. к стк. 6 транслитерация и к переводу предыдущего текста.

Стк. 6—7. Два пропуска, вследствие небрежности писца, восстанавливаются по аналогии с текстом A 3689 (выше, I, стк. 5 и 6), написанным, кстати, тем же писцом.

Стк. 9. Восстановлено по аналогии с BRM II 53,6.

Стк. 10. Сохранившиеся в начале строки следы знака, предшествующего **de**, не поддаются идентификации.

Стк. 10. Имя первой из рабынь, в отличие от написания в стк. 2, дано здесь без заключительного алефа.

Стк. 12—13. Восстановлено по аналогии с BRM II 53, 11—12.

Стк. 15. Сумма штрафа восстановлена по аналогии с BRM II 53, 15. Ср. также I, 14.

Стк. 18. Предположительно эта строка содержала лишь слово **lūmu-kīn-swideteli**.

Стк. 19. Предположительно эта строка содержала имя первого по перечню свидетеля.

Стк. 24. Ошибка писца **GAL.ŠI** вместо **šug**.

Стк. 28. По поводу восстановления ср. BRM II 3, 28; VS XV 37, 37 а также предшествующий документ (I), стк. 26.

ПЕРЕВОД

(1) [...дем], сын Днофанта, сына [...], (2) [потомок Аху]ту, по своей доброй воле Шекурти, дочь (3) [...] ..., которой исполнилось ...4 (4) года и Нахиту, его (ее) дочь, которой исполнилось (5) [...] 5 лет, ради здравия царя Аршаки, (6) ради здравия себя самого, ради здравия урукцев, ради (7) здравия своих сородичей и своих детей, отдал для выполнения работы (8) [по глине] храма богов Урука (богам) Аву и Анту и (9) всем [великим] богам Урука навсегда. И не станет распоряжаться (10) упомянутый [...]дем указанными Шекурти и Нахиту, (11) (отдав) [за] серебро, в качестве дара, как придан[ное, во] (12) [исполнение] (какого-либо другого) намерения, в зало[г кому] (13) либо в своем..., кроме как в пользу храма бог[ов Урука] (14) на все времена. И если (окажется, что он) отд[ал, (то) не будет оставлено (так), и] (15) он отдаст без суда и без [иска 1 мину золота] (16) [храму] богов Урука. Ш[ебиту и Нахиту] (17) [упомянутые принадлежностью храма богов Урука навсегда являются].

(18—19—утрачены).

(20—26—имена в генеалогия 7 свидетелей).

(27) Ану-аххеиддин, писец, сын НидиятуАну, потомок Сии-[лекияуниния. Урук] (28) (месяц) симану, день 4-й, год 115 Аршака, царь, (год), который [соответствует 179-ому].

(Ребра—остатки имен и отпечатков перстней посвяtitеля и свидетелей и имен посвященных рабов).

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ И РЕАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Стк. 1. Посвяtitель и его отец носят греческие имена, но они вавилоняне, что явствует из наличия дальнейшей генеалогии—упоминания деда (имя-отбито) и, в следующей строке, родоначальника (сохранилось окончание имени). Судя по ряду данных, посвяtitель является внуком многократно упоминаемого в документах Ану-убаллита—Кефалона, правителя Урука на грани III—II вв. до н. э. Судя по отчеству (Диофант), одним из внуков Ану-убаллита—Кефалона является и один из свидетелей контракта—Никанор. Кстати, видимо, он же появляется в тексте I, в качестве второго свидетеля. Там же, в качестве третьего свидетеля появляется еще один вавилонянин с греческим именем—Антипатр. Последний свидетель комментируемого контракта—Аристокл, сын Андроника, судя по отсутствию дальнейшей генеалогии, является греком. О греках в Уруке и вавилонянах с греческими именами см. Г. Х. Саркисян. Греческая ономастика в Уруке и проблема Ггаесо-Babyloniaca, ДВ, 2, стр. 191 слл.

Стк. 8—9. Перечень богов, которым посвящаются рабы, в имеющихся актах несколько варьируется. Бог Ану, главное божество Урука в эллинистический период, и его супруга Анту упомянуты во всех четырех актах. В акте I (A 3689) к ним прибавлены Сии и Шамаш, в акте BRM II 53—«великие боги Урука», а в акте II (A 3690)—«все великие боги Урука». Можно предположить, что упомянутые добавления к обязательным Ану и Анту делались, возможно, по желанию посвяtitеля.

Стк. 29. Цар, упомянутый в колонфоне—Аршак VII—Фраат II (134—129 гг. до н. э.), который в отличие от BRM II 53, 28 упомянут здесь видимо один, без своей матери.

В. Н. ХАЧАТРЯН

МАРИЙА—ТИТУЛ ХАЙАССКИХ ЦАРЕЙ

В хеттских клинописных текстах, как известно, упомянуты имена четырех хайасских царей. Первый из них—Марийа, был современником хеттского царя Тудхалийаса III (вторая половина XV в. до н. э.). Каранни выступал против страны Хатти при правлении Суппилулиумаса I (1397—1348 гг. до н. э.). Хуккана был союзником Суппилулиумаса I. А Аннийа вел войны против хеттского царя Мурсилиса II (1347—1317 гг. до н. э.).

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с хайасским термином Марийа, который в хеттских текстах выступает в разных аспектах.

На основании анализа данных договора Суппилулиумаса I, заключенного с Хукканой царем страны Хайаса, Э. Форрер установил, что хайасский царь под именем Марийа в период правления Тудхалийаса III был приглашен в Хаттусу и казнен. Другая личность под именем Марийа, по сообщению указанного договора, являлась зятем Хукканы. Последний, однако, должен был взять обратно свою дочь, так как находился с ним в близких родственных отношениях. Этого второго Марийа Э. Форрер отождествляет с одноименной личностью, к которой, по сообщению указанного договора, хеттский царь Суппилулиумас I обратился как к партнеру. Этого последнего Марийа Э. Форрер считает полководцем Хукканы и отождествляет с его зятем¹.

Преемником Каранни Г. А. Капанцян справедливо считает Хуккану². И. М. Дьяконов, как и Э. Форрер, различает две личности, носившие имя Марийа. Первая являлась царем Хайасы при Тудхалийасе III, а вторую в отличие от Э. Форрера, И. М. Дьяконов считает соправителем Хукканы³.

Н. Адонц выражает сомнение по следующим вопросам: какие именно связи в действительности существовали между хайасскими царями Марийа, Каранни и Хуккана, как понять тот факт, что в конце договора Суппилулиумас I обращается к Марийе. Почему хеттский царь заключил договор с ним в то время, когда в действительности речь идет о договоре Суппилулиумаса I с Хукканой. Все это приводит его к мысли, что завершающая часть документа не является продолжением договора, заключенного с Хукканой⁴.

Если учитывать то обстоятельство, что в самом конце таблички наряду с Марийа упоминается и Хуккана, то не приходится сомневаться в целостности договора. Значит, конец договора вряд ли являлся частью другого документа, относящегося к хайасскому царю Марийа. Кроме того, Суппилулиумас I не был современником известного нам хайасского царя Марийи и, следовательно, не мог заключить с ним договор.

Далее, трудно согласиться с мнением, согласно которому Марийа, упомянутый Суппилулиумасом I в конце договора в качестве партнера, являлся полководцем Хукканы. Следует иметь в виду, что в хеттских договорах нигде нет сведения, согласно которому царь страны Хатти вместо имени своего партнера в конце договора ставил имя его полководца или соправителя. В случае же, если хеттский царь заключает договор не с одним лицом, то, как правило, в конце договора перечисляются имена всех партнеров.

В договоре в качестве партнера везде упомянуто имя Хукканы, царя страны Хайаса. Почти по всем пунктам договора хеттский царь обращается к нему.

В качестве примера приведем отрывок из договора, который гласит:

1. 8. Ты, Хуккана, признай только доброе владычество Солнца.

9. О моем сыне, когда я назначу царем, скажи, что его все пусть признают.

10. [Если] я его представлю в торжественных условиях, Хуккана, ты тоже

11. признай его⁵.

Однако тот же союзник Суппилулиумаса I—Хуккана в конце договора иногда выступает под именем Марийа.

Об этом отрывок из того же договора гласит:

IV, 41. Если вы, люди страны Хайаса, будете в грядущие дни дружелюбно

42. защищать меня, то я буду вас, людей страны Хайаса, Марийу

43. и других соплеменников страны Хайаса дружелюбно защищать⁶.

Кроме того, если бы упомянутый здесь Марийа в самом деле был полководцем, имена которых при заключении других хеттских договоров в качестве партнеров вообще не фигурируют, то имя Хуккана обязательно должно было стоять рядом с его именем.

В завершающей части договора Марийа опять упомянут в качестве партнера Суппилулиумаса I:

IV, 50. Вот эти слова, которые я вместе с вами внес в божественный договор.

51. Если [вы], люди страны Хайаса и Марийа,

52. их не сдержите, ...⁷

В приведенном отрывке Марийа опять-таки представлен в качестве царя страны Хайаса.

В этом аспекте представляет определенный интерес конец договора, который гласит:

IV. 57. Я

58. не буду замышлять зло по отношению человека страны Хайаса, по отношению Марийи и по отношению страны Хайаса

59. я не буду замышлять зло.

60. Конец.

61. Вторая табличка договора с Хукканой⁸.

Приведенный отрывок, где имя Хуккана заменено термином Марийа, подтверждает, что последний представляет титул, который подобно титулу хеттских царей Табарна (вар. Лабарна) в текстах снабжен детерминативом, обозначающим личное имя. Если к рассмотрению термина Марийа подойти в таком аспекте, тогда становится понятным его употребление в хеттских текстах для обозначения разных личностей, которые в таком случае обязательно являлись царями страны Хайаса. В приведенных выше

отрывках под титулом Марийа следует подразумевать Хуккану.

Однако в отличие от хеттских текстов, где титул Табарна почти всегда знаменует начало надписей и стоит впереди имени царя, хайасский титул Марийа хеттскими царями в таком порядке не употребляется; здесь хайасские цари обозначены указанным титулом.

В связи с именем хайасского царя Марийа следует заметить, что первый хеттский царь Хаттусилис I долгое время был известен специалистам как Табарна, дословно—«правитель». Термин Марийа сопоставлялся специалистами с разными корнями и личными именами древних индоевропейских языков⁹, как, например, с латинским словом паго—«начальник, правитель, глава»¹⁰. Это подтверждает, что термин Марийа со значением «правитель» мог выступать в качестве титула для хайасских царей.

В приведенных выше отрывках из договора Суппилулиумаса I, заключенного с хайасским царем Хукканой, титул Марийа употреблен вместо имени Хуккана. Однако, как известно, в этом же договоре о первом царе страны Хайаса написано следующее:

III, 53. Марийа, который был (до этого), по причине этого дела [умер].

54. Он не зашел к иеродуле. Он [глядел] на нее.

55. Мой отец же иногда через окно следил. [Его гнев] охватил.

56. Он сказал,—зачем ты смотрел на нее.

57. Он за это дело умер. [За такое] же [дело] человек погиб¹¹.

Как установлено в специальной литературе, упомянутый хайасский царь Марийа во время правления Тудхалийаса III был приглашен во дворец Хаттусы и приговорен к смертной казни. Если иметь в виду, что термин Марийа являлся титулом, который, как выше выяснилось, означает «господин, правитель», то в данном случае имя хайасского царя нам неизвестно. Он засвидетельствован под титулом Марийа.

В договоре Суппилулиумаса I, заключенного с Хайасой, кроме Марийи и Хукканы, титулом Марийа названо еще одно лицо, о котором приведенный отрывок гласит:

III, 65. ...Твою дочку отбери у Марийи.

66. Ее выдай замуж!¹²

В данном отрывке речь идет о зяте Хукканы, у которого Хуккана должен был взять обратно свою дочь, так как находился с ним в родственных связях. По-видимому, речь идет о предшественнике Хукканы на престоле. В этой связи вспомним, что хайасский царь, известный нам только под титулом Марийа, при Тудхалийасе III был приглашен в Хаттусу и приговорен к смертной казни¹³. После этого против Тудхалийаса III, царя страны Хатти, вел ожесточенные войны Каранни, царь страны Хайаса.

Как известно, Каранни очень успешно продолжал свои военные действия против страны Хатти и при Суппилулиумасе I. Эта война страны Хайаса против Хатти закончилась, когда престол страны занял царь Хуккана. Значит, лишенным власти хайасским царем, который при Хуккане был еще жив, являлся Каранни.

Таким образом, в приведенном выше отрывке из договора именно Каранни мог выступить под титулом Марийа.

В фрагментарной части из договора Мурсилиса II, заключенного с хайасским вождем Аннийа, еще раз упомянут термин Марийа в качестве имени предшественника Аннийи на хайасском престоле¹⁴. Видимо, в данном случае опять имеется в виду Хуккана.

Таким образом, рассмотрение термина Марийа в качестве титула уточняет список имен хайасских царей. Выясняется, что никакого соправителя при Хуккане не было, а Хуккана занял трон еще при Каранни. Он же, возможно, был предшественником Аннийи, который также в договоре Мурсилиса II выступает под титулом Марийа.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 E. Forrer, "Hajaza-Azzi,"—"Caucasica", Fasc 9. Leipzig, 1931, стр. 1—24.

2 Г. А. Капанцян, Хайаса—колыбель армян, Ереван, 1947. стр. 69.

3 И. М. Дьяконов, ПАН, с. 91—92.

4 Ы. Улабг, Հայաստանի պատմություն, Երևան, 1972, с. 36—37.

5 КВо, V, 3.

6 Там же.

7 Там же.

- 8 Там же.
- 9 Г. Б. Джаукян, Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам, Ереван, 1964, стр. 35—37; В. В. Иванов, «Переднеазиатский сборник», М., 1979, с. 101—102.
- 10 Г. Б. Джаукян, указ. соч., с. 37.
- 11 КВо, V, 3.
- 12 Там же.
- 13 КУВ, XIX, 11.
- 14 Hittite texts in the cuneiform character from tablets in the British museum, London, 1920, №85, стк. 1—5.

В. А. ЯКОБСОН

ЗАМЕТКИ О СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ ЛАРСЫ

(*Старовавилонский период*)

Брачные контракты принадлежат к числу весьма редких документов клинописного права. За всю историю клинописного права их набирается едва ли несколько десятков. Во всяком случае, число их гораздо меньше, чем число дошедших до нас документов об усыновлении, хотя ясно, что этот последний акт совершался куда реже, чем бракосочетание. Число же актов о продаже недвижимости превышает число известных нам брачных контрактов во много раз. Между тем, дело должно было обстоять наоборот: в брак вступали все, а недвижимость продавали или покупали лишь немногие. Единственное возможное объяснение этого факта заключается в том, что *giksatum*, предусмотренный § 128 ЗХ, был не письменным, как обычно считается¹, а устным договором. Письменные же договоры заключались лишь в особых случаях (для обеспечения, раздельности имущества супругов, прав второй жены или, наоборот, первой² жены и т. п.). Вопросу о сущности термина *giksatum*, а также ряду других аспектов старовавилонского брака посвящена специальная работа С. Грингаса. В ней весьма убедительно доказывается, что *giksatum*—контракт или соглашение, заключаемое в устной форме. Однако он упускает из внимания такой важный довод в пользу его точки зрения, как малочисленность брачных «контрактов»³. Нередко документ, принимаемый за брачный контракт, в действительности является лишь распиской в получении *терхатума*, т. е. «брачного выкупа», или каких-либо иных выплат со стороны жениха, либо приданого невесты.

Именно такой характер носит дошедший до нас из Ларсы документ, связанный с браком.

YOS VIII, 154

(1) 17 сиклей серебра, цена рабыни (2) по имени Нанайя-экалли (3) которую Уратум (4) у Аплума, сына Зинатума, (5) и Беле-тум, жены его, (6) купил, (7) серебряный [браслет?] в 1/3 мины (8) золотой перстень в 1 сикль, (9) 2 головные повязки—(10) то, что Син-кашид (11) Ирцийе, дочери своей, (12) при «развязывании ее ног» (13) дал, (14) а Уратум, свекор ее, (15) принял (16) (Все) это—то, что в табличку приданого (17) не записано (Свидетели, дата, печать одного из свидетелей и еще одна неразборчивая печать).

В этом документе речь идет о дополнительном подарке, который отец дает своей дочери и который «не вписан в табличку приданого». Подарок весьма богатый, и, надо полагать, приданое было еще более значительным, т. е. речь идет о людях весьма состоятельных⁴. Юридический и бытовой смысл этого подарка остается не вполне ясным и зависит от истолкования строки 12. Предположения тут можно строить разные. Подарок мог быть сделан, например, по случаю фактического совершения брака, в момент которого малолетняя жена живет в доме своего мужа (ср. § 156 ЗХ о связанных с этим злоупотреблениях свекра). Он мог быть сделан также по случаю благополучных родов и т. п. Так или иначе, указанное в документе имущество теперь тоже будет входить в состав приданого (к сожалению, первая табличка до нас не дошла). Любопытен и способ, каким делается этот подарок. Из текста явствует, что свекор купил для своей невестки рабыню, а отец невестки возместил ему ее стоимость—17 сиклей серебра.

В нашем распоряжении имеется еще один документ, регулирующий имущественные дела в связи с браком. К сожалению, он плохо понятен, и наш перевод остается во многом спорным.

YOS VIII, 141

(1) Когда неразделенные собственники (2) дома отца (3) (женщины) Буртум явились и (4) к Талимуму предъявили иск (?)

(5) Буртум дом отца своего покинула, (6) (а) затем Цилли-Ахуа (7) пришел и (8) Цилли-Ахуа взял ее (в жены), — (9) (тогда) 1/3 мины серебра для рук ее, (10) 1/2 мины серебра для ног ее⁸, (11) 10 сиклей серебра—пектораль, (12) 2 сикля золота для ушей ее, (13) 1 рабыня по имени [... ла] масси, (14) 1 раб, [брат?] ее, (15) по имени Абум-или, (16) 1 бронзовый... (17) 5 медных... (18) 1 сар постройки (19) рядом с [...] (20) и рядом с [...], (21) сыном Нуннакиа, (22) который Цилли-Ахуа (23) после отца своего дважды (?)⁷ (24) забрал согласно царскому указу⁸ (25) — а брат его ничего за ним (26) не имеет — (27) 1 ику пальмового сада (28) рядом с садом Ку [...] ани—(вот) (29), то, что когда Буртум (30) Цилли-Ахуа взял в жены и (31) «К дому отца своего она не имеет претензий»—(32) они сказали—и Цилли-Ахуа (33) Буртум (все) это отдал. (34—39—список свидетелей). (40) Брат его и сын его...⁹
(Далее следует дата: 11/1; 35-й год Рим-Сина, утром).

Хотя этот документ касается дел имущественных, он, возможно, является памятником бескорыстной любви. Если мы правильно поняли текст, некая женщина по имени Буртум покинула дом своего отца, неразделенные собственники которого (т. е., вероятно, ее братья) вели некий судебный процесс. Цилли-ахуа женился на ней, подарив ей при этом мину серебра, два сикля золота, двух рабов и солидную недвижимость, не считая разных мелочей. При этом молодожены отказались от претензий к «дому ее отца», т. е., видимо, от приданого. Почти рождественская история: бесприданница выходит замуж за богача и получает от него в дар весьма значительное имущество (ср. § 150 ЗХ; последняя строчка нашего текста, возможно, имеет сюда прямое отношение). Но, разумеется, наш текст не может быть признан «брачным контрактом». Буртум была, по-видимому, жрицей и не находилась под чьей-либо властью. В противном случае ей не удалось бы по своему желанию уйти из отцовского дома. Параграфы 180—182 ЗХ предусматривают случай, когда отец при жизни не дал приданого своей дочери-жрице и устанавливают, что братья в этом случае обязаны выделить ей определенную часть наследства. От этого-то права Буртум и отказывается. Наш

Именно такой характер носит дошедший до нас из Ларсы документ, связанный с браком.

YOS VIII, 154

(1) 17 сиклей серебра, цена рабыни (2) по имени Нанайя-экалли, (3) которую Уратум (4) у Аплума, сына Зинатума, (5) и Белетум, жены его, (6) купил, (7) серебряный [браслет?] в 1/3 мины, (8) золотой перстень в 1 сикль, (9) 2 головные повязки—(10) то, что Син-кашид (11) Ирцийе, дочери своей, (12) при «развязывании ее ног» (13) дал, (14) а Уратум, свекор ее, (15) принял. (16) (Все) это—то, что в табличку приданого (17) не записано. (Свидетели, дата, печать одного из свидетелей и еще одна неразборчивая печать).

В этом документе речь идет о дополнительном подарке, который отец дает своей дочери и который «не вписан в табличку приданого». Подарок весьма богатый, и, надо полагать, приданое было еще более значительным, т. е. речь идет о людях весьма состоятельных⁴. Юридический и бытовой смысл этого подарка остается не вполне ясным и зависит от истолкования строки 12. Предположения тут можно строить разные. Подарок мог быть сделан, например, по случаю фактического совершения брака, до момента которого малолетняя жена живет в доме своего мужа (ср. § 156 ЗХ о связанных с этим злоупотреблениях свекра). Он мог быть сделан также по случаю благополучных родов и т. п. Так или иначе, указанное в документе имущество теперь тоже будет входить в состав приданого (к сожалению, первая табличка до нас не дошла). Любопытен и способ, каким делается этот подарок. Из текста явствует, что свекор купил для своей невестки рабыню, а отец невестки возместил ему ее стоимость—17 сиклей серебра.

В нашем распоряжении имеется еще один документ, регулирующий имущественные дела в связи с браком. К сожалению, он плохо понятен, и наш перевод остается во многом спорным.

YOS VIII, 141

(1) Когда неразделенные собственники (2) дома отца (3) (женщины) Буртум явились и (4) к Талимуму предъявили иск (?)⁵,

(5) Буртум дом отца своего покинула, (6) (а) затем Цилли-Ахуа (7) пришел и (8) Цилли-Ахуа взял ее (в жены), — (9) (тогда) 1/3 мины серебра для рук ее, (10) 1/2 мины серебра для ног ее⁶, (11) 10 сиклей серебра—пектораль, (12) 2 сикля золота для ушей ее, (13) 1 рабыня по имени [... ла] масси, (14) 1 раб, [брат?] ее, (15) по имени Абум-или, (16) 1 бронзовый... (17) 5 медных... (18) 1 сар постройки (19) рядом с [...] (20) и рядом с [...], (21) сыном Нуннакиа, (22) который Цилли-Ахуа (23) после отца своего дважды (?)⁷ (24) забрал согласно царскому указу⁸ (25) — а брат его ничего за ним (26) не имеет — (27) 1 ику пальмового сада (28) рядом с садом Ку [...] ани—(вот) (29), то, что когда Буртум (30) Цилли-Ахуа взял в жены и (31) «К дому отца своего она не имеет претензий»—(32) они сказали—и Цилли-Ахуа (33) Буртум (все) это отдал. (34—39—список свидетелей). (40) Брат его и сын его...⁹

(Далее следует дата: 11/1; 35-й год Рим-Сина, утром).

Хотя этот документ касается дел имущественных, он, возможно, является памятником бескорыстной любви. Если мы правильно поняли текст, некая женщина по имени Буртум покинула дом своего отца, неразделенные собственники которого (т. е., вероятно, ее братья) вели некий судебный процесс. Цилли-ахуа женился на ней, подарив ей при этом мину серебра, два сикля золота, двух рабов и солидную недвижимость, не считая разных мелочей. При этом молодожены отказались от претензий к «дому ее отца», т. е., видимо, от приданого. Почти рождественская история: бесприданница выходит замуж за богача и получает от него в дар весьма значительное имущество (ср. § 150 ЗХ; последняя строчка нашего текста, возможно, имеет сюда прямое отношение). Но, разумеется, наш текст не может быть признан «брачным контрактом». Буртум была, по-видимому, жрицей и не находилась под чьей-либо властью. В противном случае ей не удалось бы по своему желанию уйти из отцовского дома. Параграфы 180—182 ЗХ предусматривают случай, когда отец при жизни не дал приданого своей дочери-жрице и устанавливают, что братья в этом случае обязаны выделить ей определенную часть наследства. От этого-то права Буртум и отказывается. Наш

документ—дарственная, упоминание же об отказе от доли наследства попало туда, скорее всего, как объяснение причин столь богатого дара.

Документы об усыновлении, как было уже сказано, встречаются в общем гораздо чаще, но среди наших документов их немного. Зато эти документы не совсем обычны. Первые два из них зафиксировали деятельность некоей Ламассум (жрицы?). Дважды, с интервалом в 10—11 лет она удочеряет девочек.

YOS VIII, 149

(1) (Девочку) по имени Имиртум, (2) дочь Ублатум (3) и Шеп-Сина (4) у Ублатум, ее матери, (5) и Шеп-Сина, ее отца (6) Ламассум, дочь Иниб-шаррима, (7) получила в дочери, (8) наследником¹⁰ своим она ее назначила. (9) Если (10) Имиртум (11) Ламассум, дочери Иниб-шаррима, (12) скажет «Ты мне не мать!»—(13) за серебро ее продадут. (14) А если (15) Ламассум, дочь Иниб-шаррима, (16) Имиртум, (своей) дочери, (17) скажет «Ты мне не дочь»—(18) все, что (у нее) есть, (19) она потеряет. (Свидетели, дата, печать).

Десятилетием позднее составлен другой документ.

YOS VIII, 152

(1) (Девочку) по имени Шат-Нанайа, (2) дочь Арбитурама, (3) у Арбитурама, ее отца, (4) и Ахатум, ее матери, (5) Ламассум, дочь Иниб-шаррима (6) получила в дочери. (7) 5 1/3 сикля серебра (8) и 2 головные повязки (10) за ее воспитание¹¹ (11) она дала. (11) В будущем когда бы то ни было (12) (если) Шат-Нанайа (13) Ламассум, (14) дочери Иниб-шаррима (15) «Ты мне не мать» (16) скажет—(17) за серебро ее продадут. (18) А если (19) Ламассум, (20) дочь Иниб-Шаррима (21) Шат-Нанайе (22) «Ты мне не дочь» (23) скажет— (24) дочь свою <и плату?> (25) она потеряет¹². (26) Во имя Наннара, Шамаша (27) и Рим-Сина-царя она поклялась. (Свидетели, дата и печать).

Приведенные тексты различаются как по форме, так и по содержанию. В первом случае удочеряется, скорее всего, дочь «почтенных» родителей. Возможно, ее родная мать—жрица, почему имя матери и стоит в этом документе впереди имени отца.

Удочеренная назначается наследницей, и предусматривается суровая ответственность обеих сторон за нарушение договора. Совсем иначе обстоит дело во втором случае. «Удочеряемая» фактически куплена у ее родителей за сумму, равную примерно одной трети нормальной цены рабыни. Ни о каком наследстве тут нет и речи. И обязательства сторон далеко не одинаковы. За отречение от своей приемной матери удочеряемой грозит продажа в рабство. Приемной же матери за отречение от своей приемной дочери грозит:... «потеря дочери»—вежливая формула, означающая, что она вольна выгнать свою «дочь» в любой момент. Заметим, что §§ 185 слл. ЗХ предусматривают лишь особые случаи усыновления, но в ЗХ ничего не говорится об усыновлении «нормальном» и, тем более, об удочерении. Поэтому условия такого усыновления и удочерения зависели, видимо, от соглашения между кровными и приемными родителями. Но само наличие такого соглашения показывает, что юридическое содержание понятия «усыновление» отличается здесь от того, которое имеется в современном праве. В наше время усыновление (при живых кровных родителях) означает полную передачу всего комплекса родительских прав и обязанностей. Усыновление в Вавилонии не разрывало полностью связей усыновляемого с кровными родителями, которые остаются стражами его интересов. С другой стороны, родительские права усыновителя не являются полными. В противном случае не было бы нужды оговаривать право приемного родителя продать усыновляемого «за серебро»—право, которое для кровных родителей было само собой разумеющимся, а усыновителю присваивается лишь на основе соглашения¹⁸.

Приведенные выше два документа демонстрируют два различных по своей экономической (и, отчасти, юридической) природе типа усыновления. Один из них—«настоящее» усыновление, с помощью которого бездетный человек приобретает ребенка, т. е. предмет любви, кормильца в старости, наследника, наконец, осуществителя его заупокойного культа и продолжателя рода. Нередко такое усыновление практиковалось жрицами, принадлежавшими к тем категориям, которые не имели права выходить замуж или рожать детей. Такие жрицы были, как правило,

весьма богаты и без труда находили в «своем кругу» желающих отдать им своих детей.

Второй тип—«усыновление», скрывающее за собой фактическую покупку, приобретение если не рабыни, то служанки. Кровные родители в этом случае—бедняки, для которых несколькосиклей серебра—целое богатство. Усыновление без права наследования, т. е. без «причисления к своим сыновьям» специально предусмотрено § 190 ЗХ.

Удочерение могло, разумеется, иметь и иные цели (для кровных и для приемных родителей), но в любом случае кровные родители стараются, по возможности, охранять интересы своих детей. Интересен в этом смысле текст YBC 10884. Он не содержит клаузул на случай отказа от удочерения, но удочеритель обязуется выдать приемную дочь замуж под страхом уплаты 2/3 мины серебра¹⁴.

Объектом усыновления мог быть не только ребенок, но и взрослый, самостоятельный человек. На особенности такого усыновления проливают некоторый свет имеющиеся у нас два документа:

YOS VIII, 120

(1) (Человека) по имени Или-гимланни (2) у него самого (3) Шеп-Син (4) в сыновья себе получил. (5) В наследники себе он его назначил. (6) В будущем, когда бы то ни было, (7) если (8) Или-гимланни (9) Шеп-Сину, отцу своему, (10) «Ты не отец мне!»—(11) скажет, (12) за серебро его продадут. (13) Если же (14) Шеп-Син (15) Или-гимланни (16) «Ты мне не сын!» скажет—(17) дом и имущество он потеряет. (18) Во имя Наннара, Шамаша и Рим-Сина-царя (20) они поклялись. (Свидетели, дата: 20/IX, 40-й год Рим-Сина).

Около двух месяцев спустя был составлен второй документ (.../XI, тот же год).

YOS VIII, 118

(1) 6 сиклей серебра—Цилли-Шамашу, гонцу, (2) 3 сикля серебра—Аплуму, сыну Цилли-Ишума, (3) 3 сикля—Куррудуму, (4) 1 1/2 сикля—Аплуму, воину, (5) (всего)—12 1/2 сикля серебра.

(6) которые вместо Или-гимланни (7) Шеп-Син, отец его, (8) уплатил. (9) Если будет предъявлен иск, (10) Или-гимланни (11) серебро это (12) Шеп-Сину (13) возместит. (Свидетели, дата).

Усыновление здесь—результат сделки между усыновителем и усыновляемым. Сам контракт составлен в стандартных выражениях и позволяет лишь установить, что усыновляемый—взрослый и самостоятельный человек и что данное усыновление принадлежит к первому из указанных выше типов. Однако второй текст позволяет установить кое-какие любопытные подробности. Из текста следует, что приемный отец уплатил «вместо» своего сына четырем лицам различные суммы от 5 до 1 1/2 сикля серебра. Авторы CAD (1, 191) считают, что речь идет об уплате неких платежей, связанных с административной деятельностью Или-гимланни. Однако, если принять во внимание предшествующий документ, можно скорее полагать, что Шеп-Син уплачивает долги своего приемыша. Последний же обязывается в случае предъявления еще какого-либо иска возместить «это серебро» приемному отцу. Отсюда следует, что усыновляемый сохраняет известную самостоятельность в распоряжении своим имуществом (т. е. находится как бы на положении выделенного сына?). Так как в самой сделке по усыновлению эта самостоятельность никак не обусловлена, можно полагать, что таково было общее правило. Следует еще отметить, что существование юридического института усыновления и его довольно широкое применение на практике показывает, что реальное кровное родство имело в глазах жителей древней Месопотамии не слишком большое значение. Не очень важным было и происхождение усыновляемого—он мог иной раз быть подобран буквально под забором, быть вообще без роду и племени¹⁶. Этот факт—еще одно доказательство, что в древней Месопотамии (и вообще в древнем обществе) сословные границы, в отличие от общества средневекового, определялись не столько рождением, сколько фактическим состоянием лица.

В заключение несколько слов о языковых особенностях рассмотренных текстов.

Документы об усыновлении почти полностью составлены из готовых шумерских формул и в целом практически стандартны. Это указывает на хорошую разработанность этого типа контрактов и на

его давнее происхождение. Документы, связанные с браком, показывают, напротив, большое фразеологическое разнообразие, не-которая стандартизация намечается лишь к концу династии Хам-му-рапи. По этой причине они допускают лишь ограниченное ис-пользование готовых шумерских формул самого общего характе-ра, употребляемых в контрактах различного рода. Это обстоя-тельство еще раз подтверждает, что в связи с браком письменные документы составлялись редко и лишь по особым обстоятель-ствам. Почти каждый такой акт был результатом «самостоятель-ного творчества» писца и контрагентов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Ср. ЗВАХ, ВДИ 3, 1952, стр. 242, а также комментарий к этому параграфу.
- 2 Ср. HG VI, № 1420.
- 3 См. *S. Greengus, The Old Babylonian Marriage Contracts*, JAOS 89 No 3, p. 505 sqq.
- 4 О расходах, связанных со свадьбой в богатой семье см. *S. Greengus, Old Babylonian Marriage Ceremonies and Rites*, JCS XX, No 2, p. 55 sqq.
- 5 it—ḫu—ma
- 6 Букв. «для руки», «для ноги».
- 7 ḫi-ni-i-ḫu
- 8 Этой проблеме посвящена другая наша работа, находящаяся в печати.
- 9 Написано: *mi an ib(?) ku(?)*. По смыслу должно быть что-либо вроде «не предъявит претензий».
- 10 Sic *l Nam dumi—nitaḫ*. «Наследниц, клинописное право не знает».
- 11 Ср. HG VI, № 1422. Конъектура, предложенная Б. Ландсбергером (ср. там же прим. 1), представляется более обоснованной.
- 12 Ср. HG VI, № 1422, где переведено: “. . . so geht sie des Geldes für ihre Tochter verlustig», однако в этих строках текста упоминания о деньгах нет.
- 13 Соглашением могло быть установлено и иное наказание для строптивого приемьша, например, лишение наследства—ср. HG VI, № 1425. Кровные родители могли лишать своих детей наследства лишь за двукратную «тяжкую вину», да и то только с разрешения суда (§§ 168—169 ЗХ).
- 14 См. *S. D. Simons, Early Old Babylonian Contracts from Hama and Elsewhere*, JCS XV, № 2, 1961, p. 56.
- 15 Ср. ЗХ, § 185: «Ана Ittiḫu» (MSL I).

Н. Б. ЯНКОВСКАЯ

КОНТРАБАНДА В ТОРГОВОМ ОБЪЕДИНЕНИИ КАНИША

(архивы Кюль-тепе, Малая Азия XIX в. до н. э.)

Коллективная работа над клинописной дипломатикой, задуманная и в значительной степени выполненная И. М. Дьяконовым, дала ключевые тексты всех периодов и жанров эрмитажной коллекции, в главной ее части собранной Н. П. Лихачевым. В итоге этой, пока еще не опубликованной работы, обнаружилось явление, представляющее общий интерес: документация никогда не шла равномерно, переживая расцвет, сокращение и полное исчезновение. Возник соблазн найти движущие силы этого потока — разумеется, сообразуясь с его особенностями. Отличительной чертой потока документов ашшурского квартала в торговой общине Каниша являются сведения о контрабанде.

Канишская организация обслуживала более ста городов Малой Азии, Сирии и Месопотамии¹. Центр ее находился на Кюль-тепе (др. Каниш—Неша) в Малой Азии близ нынешней Кайсери (Турция). Все клинописные архивы найдены в частных домах карума—торгового пригорода Каниша, расположенного ниже цитадели, на расстоянии примерно 200 м от нее. Архивы имелись не в каждом доме. Есть «безмолвные» дома торговцев² и, как правило, они солиднее имеющих документацию³. Домов с архивами полторы сотни. От периода расцвета организации (II археологический слой) найдено более 15 тысяч табличек⁴. После пожара и запустения поселка, вероятно, через поколение⁵, документация снова появилась, сократившись, однако, в сто раз (слой I⁶).⁶ Затем в слое I^а она полностью исчезла. Карум продолжал существовать в безмолвии как до появления документации в слоях IV и III.

Переписка торговцев велась на ашшурском диалекте аккадского языка и была заведена, несомненно, ашшурцами⁷. Тем не менее, организация как таковая в целом не принадлежала ашшурцам: она существовала до них и продолжала жить после их ухода; кроме того, и при них состав ее был этнически пестрым⁸, казначеями были не только они⁹.

Сведения о контрабанде возникают на гребне самой высокой волны деловой переписки торговцев. Примеры из опубликованной части архивов собраны в фундаментальном исследовании Клааса Веенхофа¹⁰. Рассмотрим наиболее важные для нашей темы—раскрытия сил, управлявших потоком документов.

Термины канишской контрабанды получили признание не сразу и до сих пор не всеми учеными признаны. Тем не менее, благодаря исследованию Веенхофа они уже вошли в оба словаря аккадского языка¹¹. Это два слова от одной основы: *razzigim/razzigtum* букв. «спрятанное, укрытое» и *pirazzigim*—«укрывающий», т. е. «контрабандист»¹². Оба встречаются в текстах с глаголами: «идти, давать, доверять, вводить, оставлять, проводить, проносить»¹³, т. е. при всех возможных манипуляциях с товарами.

Классическим доказательством существования контрабанды стало письмо публикации Кинаста № 62¹⁴. В нем речь идет о Пушукене, ашшурском оптовике:

... «сын Эрры отослал свою контрабанду Пушукену, но его контрабанда была захвачена, дворец арестовал Пушукена и бросил в тюрьму! Охрана сильная! В Лухусаттию, Хураму, Шалахшую и в свою страну—пока (не найдут) все, что спрятано, правительница разослала (контролеров). Всюду соглядатаи! Пожалуйста, ничего не прячь!».

Далее отправитель письма советует оставить метеоритное железо (*ašim*) у слуги «надежного, как твоя собственная голова». Это товар запрещенный в свободной продаже. Проводники, перевозчики и слуги были местными гражданами. В их домах обыск, видимо, менее вероятен. В конце письма добавлено:

... «если кто-нибудь, чтобы заработать сикль серебра, станет уговаривать тебя—«доверь мне олово или ткани—я их припрячу, я могу это устроить»—ты не давай, с поличным тебя накроют!»¹⁵.

Из записки KTS 59^d выясняется, что сикль серебра платили за мешок контрабанды¹⁶.

В другом письме тех же компаньонов рекомендуется вовсе остановить перевозки и ничего не прятать¹⁷. Усиление контроля сворачивало торговлю.

Размах контрабанды был значителен. В письме КТН 13 рекомендуется спрятать 212 тканей хорошего качества, если же это не удастся, то провести их через контроль местного дворца с выплатой пошлины (*nishātum*)¹⁸. Другими словами, вся партия товара могла быть укрыта полностью. Письмо ССТ I 25 показывает, что из 304 тканей 163 в разных партиях шли контрабандой¹⁹.

Контрабандный текстиль придерживали до появления большой партии товара, проведенной через досмотр во дворце, а затем смешивали с этой последней²⁰.

Перевозчики, пряча контрабанду среди товаров, умудрялись в самый момент досмотра подсунуть ее в проверенные пакеты²¹.

Механизм контрабандной перевозки раскрывает письмо BIN IV 48²²: отправитель письма сообщает о возможности выгодно сбыть олово в Шалатуваре, на юге Малой Азии²³. Товар надо либо послать тропой *ḥaḡgān suqīnīm* (см. ниже), либо пронести тайком. Если обе возможности сорвутся, то придется все переправить через Хураму (на востоке, в северной Сирии²⁴). Там пастух-хурамаец (*nuwā'im ḥuḡama'u*)²⁵ по одному таланту (30 кг, очевидно, в мешках скарба) ввезет товар в город, или же персонал каравана спрячет по 10—15 мин (5—7 кг) в своих набедренниках (*išš upātīm*). Рекомендуется нести не все сразу, а отдельными ношами не больше таланта, дожидаясь благополучного прибытия каждой. Затем из города Хурамы все должны идти дальше ближайшим караваном, т. е., видимо, смешивается с проверенным товаром.

Веенхоф выделил в особую главу все случаи упоминания *ḥaḡgān suqīnīm* и пришел к выводу, что речь идет о тропе в обход застав²⁶. Этимология слова неясна. Предложенная Веенхофом от аккадокого *sūq*. «торговая улица» по признаку ее узости²⁷ кажется мне малоубедительной. Все-таки на такой улице лотки, помещаются с обеих сторон—следовательно, едва ли можно считать

ее узкой. Скорее *suqīppim* это местный термин, как и считал Эмин Билгич²⁸. Как бы то ни было это обозначение трудной и кратчайшей дороги. Видимо, горной тропы, возможно, специально ведущей к базару. Тем самым у аккадцев, в порядке народной этимологии, она могла ассоциироваться с термином *suq-*. Так, в Осетии из верхнего Цея женщины шли с тканями на продажу в Грузию базарной тропой напрямик через ледник—так было раз в пять короче и в стороне от застав на Военно-осетинской дороге, которая вела туда же.

Приведем наиболее яркие контексты термина *ḥaggān suqīppim*.

Элведаку пишет ПузурАшшуру: «..сердце мое содрогается (при мысли) о товаре, отправленном *ḥaggān suqīppim*! Расспроси, отправился ли с ними еще кто-нибудь, и пришли мне сообщение первой же почтой»²⁹. Другое письмо от него же: «.. в письме моего брата упомянуто 2 таланта 16,5 мин (около 70 кг) опечатанного олова, 60 тканей хорошего качества, 35 обычных тканей и 6 ослов. Если вам кажется, что *ḥaggān suqīppim* не опасна и действительно чьи-то товары по ней идут ..., то Абум первым доставит вам олово и ткани...»³⁰.

Объем перевозок по этой тропе не так велик, как та контрабанда, которая идет обычной дорогой. Письмо ТС II, 52 отмечает, что из 238 тканей, проведенных через досмотр, удалось утаить 21 ткань, отправленную затем *ḥaggān suqīppim*³¹.

По-моему, самое важное об этой тропе содержится в письме kt a/k 405: «...если мой отец, ЭнАнум, прибудет сюда *ḥaggān suqīppim*, то я не смогу сделать ему депозит (*šaddu'atum*) в ка-руме Қаниша, а меня заставят платить»³².

Регистрация товаров в торговой конторе Қаниша—и тем самым их легализация—подразумевала надбавку пошлины (*nišḫatum*) для дворца и выплату *šaddu'atum* (очевидно, подорожных!) торговой конторе³³. Значит, заставы были под контролем торговой общины. Если так, то она не могла быть иноземной. Контрольно-охранная служба находилась в руках местных властей.

Отчисления *šaddu'atum* шли, по всей видимости, в страховой фонд общины³⁴. Он, несомненно, был в обороте, как все деньги торговцев³⁵. Общество, накопившее двойной пай в коллективном

фонде, получало всю кассу и могло торговать за всех до 12 лет кряду, получая треть прибыли. Известен капитал кассы, достигший 15 кг золота³⁶. Сокращение пая в коллективных предприятиях, очевидно, подводило всех компаньонов.

По общему мнению исследователей канишской перелиски, самое замечательное и загадочное в ней—это договор на контрабанду³⁷. Содержание его таково: «9 (тканей) kutapū, 2 аккадских ткани, 54 мины (27 кг) олова под моей печатью и черный осел с упряжью—все это я доверил ПузурИштару для контрабанды (и) дал ему мину олова на карманные расходы. В присутствии Илнашранни, Ирмашшура, Илуйи, Идиади. Потом я послал ему отсюда 10 сиклей серебра в присутствии Узуа и ИдиАдада».

Взята обычная форма акта-поручения на предъявителя³⁸. Такого рода акты широко использовались как векселя. В случае ареста веритель контрабанды остается неизвестным. Сумма карманных денег невелика—это переброска внутри Анатолии³⁹. Груз меньше обычного⁴⁰—вероятно, для трудной дороги напрямик. Плата за контрабанду составляет полтора процента стоимости груза⁴¹, т. е. более чем втрое ниже пошлины.

Веенхоф видит в поддержке контрабандных перевозок местными гражданами доказательство их корыстолюбия и политической неразвитости⁴². Напомню, однако, момент, обычно остающийся в тени—содержание ашшурской присяги торговому обществу⁴³. В ней главный смысл—это не сказать лишнего (qābi watartim)⁴⁴ на mušlālum. Mušlālum, как известно, был местом правительского суда в цитадели Ашшура. Это пространство между святилищем семерки божественных судей, перечисленных в тексте, и воротами царского выхода на лестницу⁴⁵. Тому, кто не скажет там лишнего, обещан лучший адвокат, праведные судьи и все житейские блага. Но тот, кто пойдет на mušlālum, чтобы сказать там лишнее,—будет уничтожен: судьи будут неправедными, дом его разрушат, голову проломают, родичей рассеют «как черепки разбитого сосуда»⁴⁶.

Текст присяги, найденный в Канише, имеет два варианта: один начинается с родословной царя Ашшура, Эришума, затем

следует описание святынь цитадели и, наконец, смысл присяги; другой начинается прямо с описания святынь с отбрасыванием царских предков и его самого⁴⁷.

Нам кажется, что все станет на свое место, если мы примем, что для торговцев Каниша действительной властью были не царь Ашшура, самого Каниша и любого другого города, где они имели семьи, а мужской союз карума—народное собрание «от мала до велика» (*ṣaḫer gabi*)⁴⁸. Именно к нему отсылали правительских послов в остро конфликтных ситуациях⁴⁹. Текущими делами карума управлял совет⁵⁰. Он состоял из 48 человек, разделенных на шестерки недельных дежурств⁵¹. Совет был интернационален⁵².

Договор о контрабанде, заверенный обычным порядком при свидетелях, видимо, мог быть предъявлен совету. С нашей точки зрения, он свидетельствует о независимости торговой организации от государственных властей.

Выкуп арестованных осуществлялся из пая в страховом фонде⁵³. Тем самым контрабанда шла на собственный страх и риск контрабандиста. Для Пушукена арест вылился в последующую ликвидацию дела⁵⁴.

Резкое сокращение документации канишского карума слоя I^в шло на фоне следующих нововведений: Ашшур утратил свою независимость и подпал под власть кочевнической династии аморея ШамшиАдада I⁵⁵; Каниш, напротив того, стал центром первой малоазийской державы Питханы и его сына Анитты⁵⁶. Таким образом, независимая торговля канишского объединения оказалась между двух огней. В цитадели Каниша завелась административная документация на ашшурском диалекте, и контроль переписки стал реальной угрозой. Она сократилась до минимума как в старых центрах Двуречья. Возникли письменные договоры правителей разных городов с торговой общиной, главным условием которых был запрет контрабанды⁵⁴, и переписка вовсе угасла.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Н. Б. Янковская, КТК, с. 24 сл.

На стр. 205—210 приведена важнейшая литература вкл. 1966 год. Более поздние работы см. здесь в примечаниях.

- 2 Например, дом, расположенный в секторе T—U/17—18 (см. T. Özgüç, КК, 1959 р. 24, fig. 26), O—P/18—19 (р. 29 fig. 36), и другие (перечислены в КК, 1959, р. XXIII).
- 3 Т. Эзгюч отмечает временный характер построек ашшурцев в отличие от более солидных домов местных торговцев (Hittite Art and Antiquities of Anatolia, London, 1964)—см. КТК с. 22.
- 4 Количество табличек исчисляется примерно (см., например, АОАТТ, р. XXII) поскольку почти все находки экспедиций Т. Эзгюча не опубликованы и не сделано даже попытки дать самое необходимое—именной указатель к текстам. Индекс Стивенса (Personal Names of Carchadocia by Fergus J. Stephens. New Haven, 1928) давно отстал от публикаций.
- 5 Из-за существенных отличий в находках слоя II и двух фаз I слоя, Т. Эзгюч склонен удлинить разрыв между ними, хотя, возможно, разница объясняется нарушением прежних контактов поселка.
- 6 В КК, 1959, р. XIX Т. Эзгюч определил их число в полторы сотни.
- 7 Первым определил принадлежность переписки ашшурцам В. С. Голенищев, публикуя тексты своей коллекции (Vingt-quatre tablettes carchadociennes, St.—Pb, 1891).
- 8 Соотношение этнических групп по сведениям северной окраины поселка населенной ашшурцами и вскрытой до систематических раскопок, приведено у Поля Гарелли в его книге Les Assyriens en Carchadocce. Paris, 1963, р. 164. Дополнения см. КТК с. 15 сл.
- 9 Состав совета и списки казначеев реконструированы в статье N. B. Jankowska, A System of Rotation of Eponyms of the Commercial Association at Kanis̄ (Asia Minor XIX B. C.)—Archiv Orientalni, 35, 1967, р. 527 sqq по материалам списка g/k 118, изданного К. Balkan, The Old Assyrian Week (Studies in Honor of Benno Landsberger, Chicago, 1965). В переводе текста KTS 60^b, содержащего перечень шестерки недельного эпонимата при наборе выпали два имени—АлАхума и Амуррубани. Надо: "belonging to Nab-Suln the ḥamuštum, also his own,—registered; belonging to AlAḥum, belonging to Amurrubāni—registered; belonging to AmurAššur, my own and (that of) Ememe—registered; 7. 3, 45, 50 ḥamšūtum".
- 10 Часть IV, главы XIV, XV и XVI, pp. 305—342 книги K. R. Veenhof, АОАТТ.
- 11 CAD, M. р. 210 (1977), ANw, Lief. 8 (1967), S. 674, 9 (1969), S. 852.
- 12 Несмотря на форму причастия, характерного для обозначения профессии, в данном случае Вееenhoф, предлагает понимать его как прозвище перевозчика, который попутно занимается контрабандой (АОАТТ, р. 313).
- 13 АОАТТ, с. 310 слл.
- 14 В. Kienast, Altassyrische Texte des Orientalistischen Seminars der Universität Heidelberg und der Sammlung Erlenmeyer-Basel- Berlin 1960—Kienast
- 15 Для более отчетливого представления о контексте, в котором упоминается контрабанда, приводим текст письма полностью: («Говорят) ИмдЭль, ЭкнамБелум и Ашшуршулули—скажи ПузурАшшур: «из 245 тканей,

включая (те, что) принадлежат связному, фрахта АмурИштара—среди (них) 3 аккадских ткани я оставил в Хаххуме, в доме сына твоего тестя, и 3 ткани лахупутум он сюда пришлет. Остаток твоих тканей—240 минус одна ткань—пошел во дворец. Из них—12 пошлиной, 23 десятиной дворец сразу приобрел. 38 тканей тебе зачтется в торговой конторе. Остаток твоих тканей вместе с принадлежащими связному—166 тканей фрахта АмурИштара свободны (для рынка), они имеются. Из 11 [0+x] тканей фрахта ИдиАдада, вошедших во дворец—5 1/2 тканей пошлиной, 5/6 сикля серебра ты должен уплатить, 11 1/2 тканей десятиной дворец сразу приобрел, 18 1/2 сиклей серебра—пропажа, ты должен (ее) оплатить; 2 ткани оплатили в торговой конторе. Остаток твоих тканей—92 ткани фрахта Иди-Адада, вместе с принадлежащими связному свободны (для рынка), они имеются», (Далее как в цитате в тексте статьи).

Транскрипция текста:

₁um-ma _{1m}-dī-illum ₂En-nam-be-lum ₃u A-sūr-su-lu-li-ma ₄a-na
₅Puzur₄-a-sūr qí-bi-ma ₆i-na ₇2 me-at ₈45 subāti^{na} ₉qá-dī ša ka-sa-ri
₁₀ša šé-er A-mur-Istar ₁₁lib-ba ₁₂3 subātī ša a-ke-dè-e i-na ₁₃Ha-hi-im
₁₄bit mer'i e-mī-ka e-zi-ib ū ₁₅3 subātī la-hu-pu-tim a-ni ú-šé-ri-
₁₆ba-am ₁₇ší-ti sū-ba-ti-ka ₁₈2 me-at ₁₉40 LA ₂₀1 subātū ₂₁a-na ekallim^{lum}
₂₂e-ru-bu lib-ba ₂₃12 ni-is-ha-tum ₂₄23 subātū isrātum^{tum} ₂₅ia-[t]e-en
₂₆ekallum^{lum} a-na ší-mī-im ₂₇il₅-qé ₂₈38 subātū i-na bit k[a-r]i-im
₂₉i-na-pu-lu-ni-ku[m] ší-ti sū-ba-ti-ka ₃₀qá-dī ša ka-sa-ri ₃₁1 me-at
₃₂66 subātū^{na} ₃₃ša šé-er A-mur-Istar ₃₄i[z-k]u-ú-nim-ma ₃₅i-ba-ší-ú i-na
₃₆1 me-at ₃₇1 [0+x] subātī^{na} ₃₈ša šé-er I-dī-^dAdad a-na e[kal]lim^{lum}
₃₉e-ru-bu ₄₀5 1/2 subātū ni-is-ha-tum ₄₁20 5/6 šiqil kasram ta-na-pá-al
₄₂11 1/2 subātū ₄₃isrātum^{tum} ₄₄ia-te-en ekallum^{lum} ₄₅a-na ší-mī-im ₄₆il₅-qé
₄₇18 1/2 šiqil ₄₈23 kasram hu-lu-qá-e ta-na-pá-al ₄₉24 2 su[bā]tī i-na bit
₅₀ka-ri-im i-na-pu-lu ₅₁ší-ti sū-ba-ti-ka ₅₂92 subātī ₅₃ša šé-er I-dī-
₅₄^dAdad qá-d[ī š]a ka-sa-ri ₅₅iz-ku-ú-ma i-ba-ší-ú ₅₆28 pá-zu-ur-tù-šu
₅₇mera Er-ra-a a-šé-er ₅₈29 Pu-šu-ke-en₆ ú-šé-ri-am-ma ₅₉30 pá-zu-ur-tù-šu
₆₀i-ší-bi-it-ma ₆₁31 Pu-šu-ke-en₆ ekallum^{lum} ₆₂ia-ba-at-ma ₆₃32 a-na ki-ší-ir-
₆₄ší-im i-dī ma-sa-ra-tum[!] ₆₅33 da-na a-na Lu-hu-za-ti-a Hu-ra-ma ₆₆34 Ša-lá-
₆₇'ab-šu-a ū a-na ma-ti-ša a-dī ša ₆₈35 pá-zu-ur-tim ru-ba-tum ta-šš-pur-ma
₆₉36 e-na-tum na-ad-a a-pu-tum mī-ma ₇₀37 lá tū-pá-za-ar šu-ma a-na Ti-me-
₇₁el-ki-a ₇₂38 te₉-ti-qam a-ší-a-ka ₇₃39 ša tū-šé-ti-qá-ni i-na bi₄-tim
₇₄damqim ₇₅40 i-na Ti-me-el-ki-a e-zi-ib-ma ₇₆41 ū i[š-t]e₉-en i-na sū-ba-ri-
₇₇ka ₇₈42 ša ki-(ma) qá-qá-dī-ka e-zi-ib-ma ₇₉43 ū a-ta it-qam-ma a-na-kaš lu
₈₀ni-im-lik ₈₁44 ū šu-ma ma-ma-an a-dī-i kasrim ₈₂1 šiqim ma-la₅ ti-šu ₈₃45 ū
₈₄ma-ga-ar-ka um-ma šu-ut-ma lu anšam lu subātī^{na} ₈₅46 dī-nam-ma l(u-pl)š-
₈₆zi-ir-šu(!) a-na-ku ma-sa-a-ku ₈₇47 lá ta-('i)-id-m[a] qá-tum i-
₈₈-tim a
₈₉ma(-kam) ša-ak-na-at-kum

Особенно важны имена обоях фрахтовщиков, упоминающиеся в письме: АмурИштар—это компаньон Пушукена, который по документу передачи кассы карума (см. прим. 36 и 54) получил ее на 12 лет; другой—ИдиАдад появляется среди свидетелей договора о контрабанде (см. прим. 37).

16 «1 сикль за мешок укрытого израсходовано из его карманных». Транскрипция:

3¹ šiqli 4 a-na-gu-qi-im pa-su-ri-im 5 iš-tù ša qa-ti-šu 6 gam-gu
(J. Lewy, KTB 59^d).

17 Речь идет о перевозках на Эльбистане—наиболее оживленной территории (КТК, с. 27). В письме говорится: «...пожалуйста, будь внимателен к распоряжениям моего письма. Ничего не прячь! Охрана сильна! Если ты хочешь отделиться от каравана, (то) задержись там, в Тимелкии» (A. ATT p. 308).

Транслитерация 14 a-pu-tum a-ma-la [a-wa-a[t] 15 [tup]-pi-a i-bi-ld-um
16 ni-ma la tu-pa-za-ar ma-ša-ra-[tum] 17 [d]a-na ù šu-ma(!) iš-ti
18 [ellat]im^{1im} ta-pa-ra-as-ma 19 [a-m]a-kam i-na Ti-ni-il₅-ki-a
20 ki-la-[š]u

(S. Smith, Cuneiform Texts from Cappadocian Tablets in the British Museum London 1927 = CT IV, 18_a).

18 Буквальное значение «šh atum—«исторжение» (АНW, 9, S. 794; CAD, N II, p. 269). В Ассирийской державе свои подданные платили этот налог зерном (РЗОА, с. 127). ШамшиАдад запрещал брать зерном, если налог предполагался в серебре (ARM, XV 193). Более полный перевод текста см. КТК, с. 49.

Проликаяция: Lewy, KTH.

19 ССТ I London, 1921.

20 Кунили пишет Пушукену и РабиАшшур (его перевозчику—ТС II, 16, 14): «...как только товар выйдет (из дворца после досмотра)—ткани, которые вошли (в город) контрабандой и все, что прошло (через досмотр во) дворце, слуги и Кунилим заберут из Абрума». (Это место переправы через Евфрат в районе Малатьи).

Транслитерация: ... ki-ma 4 ù-nu-tum ús-a-ni 5 subāti^{šá} ša i-na
pa-su-ur-tim 6 e-gu-bu-ni-ni 7 ú ma-l[a] i-na škallim^{1im} 8 úš-ú(!)-ni
šú-ša-gu ù Ku-n[i]-lim 9 ša Ab-ri-im li-it-bu-lu-nim (Cuneiform
Texts from Cappadocian Tablets in the British Museum, part IV by
S. Smith, London 1927, No. 29^a).

21 Шуми Абна пишет Маннумки Ашшур: «...ткани целы! Когда я их спрятал, (то) они их схватили! (Но) когда отпразднили (их) во дворец и пересчитывали, (то) я успел спрятать среди караванных 2 тонкие ткани, 1 ткань такиштаум и 1 ткань намашшухум».

Языковые сложности перевода этого письма отмечены в АОАТТ, с. 320.

Транслитерация: ... 3 subātū^{bi.tu} [é]a-al-mu 4 ú-pá-zi-ir-ma
5 i-na-ab-tù-šu-nu 6 a-na ékallim^{lim} 7 ki-ma i-du-ni-ni 8 im-ta-nu
[su-nu] 9 iš-tí ša e-li-tí-ma 10² subātēn ra-qi-tí-in 11^ú ta-ku-uš-
ta-a[m](!) 12^ú 1 (!) subātū na-ma-šu-ha-am 13^ú-pá-zi-ir

P. Garelli, *Tablettes cappado-ciennes de collections diverses*, *Revue d'Assyriologie*, t. 58, 1964, p. 113, Sch. 15).

22 Письмо написано Бузазу, сыном Пушукена, который находился в районе Шалатувара (BIN IV 2; TC III/1,13—см. АОАТТ, p. 312).

Транслитерация: 10 a-šé-er lu-qi-tí-a a-na tí-mi-il₅-ki-a 11 li-tí-
qi-ma šu-ma ha-ra-an 12 sú-qi-nim šál-ma-at ha-ra-an 13 sú-qi-nim-ma
annakī^{ki} u subātī^{bi} 14 damqāti ma-lá ú-šé-tí-qa-ni 15 iš-tí a-li-ki
li-li-ku-nim 16 šu-ma ha-ra-an sú-qa-nim 17 lé na-tu annakī a-na šu-
ra-ma 18 lu-ub-lu-ni-šu-ma lu nu-a-ú 19 hu-ra-ma-i-ú kúl(!) annakī
20¹ GÚ.TA lu-šé-ri-bu-nim 21^ú-la ri-ik-sí 10 ma-na TA 22^ú 15 ma-na
TA li-pu-šu-ma 23^ú-ha-ru i-sú-na-tim 24 lu-šé-ri-bu-nim 1 GÚ^{tan}
25 lu-ša-li-šu-nim-ma ǔ li-tù-ru-ma 26¹ GÚ-ma lu-šé-ri-bu-nim annakā
27 pá-ni-um-ma ša i-ša-li-ma-ni 28 iš-tí a-li-ki pá-nim-ma 29 šu-té-
bi₄-lá-nim

Текст издан *A. T. Glay*, *Letters and Transactions from Cappadocia* (Babylonian Inscriptions in the Collection of James B. Nies, Yale University vol. IV), New Haven 1927 = BIN IV.

23 Местоположение города определяется приблизительно. Известно, что он подчинялся Вахшущане и находился в стороне от дороги, связывавшей Каниш с Месопотамией (см. КТК с. 28 со ссылкой на *P. Garelli*, *Les Assyriennes en Cappadoce*, Paris, 1963, p. 122 sqq. См. также *M. T. Larsen*, *Old Assyrian City State and its Colonies*, Copenhagen, 1976, pp. 240, 266 268).

24 О расположении города, см. КТК, с. 27.

25 Термин *puwā'u* в форме *pa-wi-pu* встречается в текстах из Мари, где он, по мнению Д. О. Эдварда, определяет часть племени, кочующую со стадами в степи (ZA XXII, 1964, S. 146). Толкование термина применительно к текстам из Каниша дано в КТК с. 33 слл.

26 АОАТТ, p. 323, 329 sq.

27 АОАТТ, p. 322, sqq.

28 E. Bilgic, Die Einheimischen Appellativa der kappadokischen Texte und ihre Bedeutung für die anatolischen Sprachen (TTK basimevi, DTCE № 96. Sumeroloji enstitüsü yayınlari, № 3), Ankara, 1954, p. 43.

29 OCT, IV (см. прим. I7) 38^a: 16^a-na lu-qu-tim ša ha-[ra-an] 17^{su}-qi-nim li-bi₄ 18^{pa}-ri-id a-ma-kam 19^{lu} ma-ma-an a-ḫi-um 20^{iš}-ti-šu-nu li-li-ik 21^{ša}-il₅-ma iš-ti 22^{pa}-ni-im-ma a-li-ki-im 23te-er-ta-kà li-l [i-kam]

30 G. R. Driver, Cappadocian Texts of Oxford (Analecta Orientalia VI, Roma 1932) № 18.

Транслитерация: 3ta-šš-pu-ra-am 4um-ma a-ta-ma tu-p-pi 5^{ša} a-ḫi-kà šī(|)-ta-me-ma 6^{mī}-li-ik lu-qu-ti-kà 7^{mī}-li-ik a-ta-a 8^a-ma-kam wa-šš-ba-ti-ma 9^a-na-ku mī-li-ik 10^{lu}-qu-tim a-ma-li-ik 11ⁱ-na tu-p-pi-im ša a-ḫi-a 12² GU 16 1/2 ma-na 13^{anna}ki ku-nu-ku 14⁶⁰ subāti^{b1} danqāti 35 subāti^{b1} 15^{ša} qā-tim 6 imēru 16^{ša}-lā-šu šu-ma a-ma-kam 17ta-da-gal-ma ha-ra-an 18^{su}-qi-nim la ni-ša-ḫu-ut 19ma te-er-ti ma-ma-an 20ⁱ-la-ak ù a-ta 21te-er-ta-kà a-še-er 22ma-si-im ù A-bu-ša-lim 23^{li}-li-ik-ma 24^A-bu-ša-a iš-tē-on 35 annakū ù subāte^{b1}-kà 26ⁱ-pa-ni-tim(!) lu-še-ti-iq 27^a-na-ma a-li-bi₄ 28ma-tim i-ma-qu-tū ù ša-ni-um 29^{subāte}^{b1} danqāti lu-še-ri-ib 30ⁱ-nu-mi te-er-ta-kà i-lu-ku 31na-šš-pé-er-ti a-ni-tam 32^{še}-bi₄-il₅-šī

31 С поправками к изданию см. АОАТТ, р. 327.

Транслитерация: 1ⁱ-na 2me-at 3[8 subāte^{b1}] 2^{ša} šé-ep i-dí-^dAdad 3^a-na NI-ša a-na ekallim^{lim} 4e-ru-bu-ni ŠA.BA 21 subātū danqātu 5^{ha}-ra-an su-qi-nim a-na 6^{Du}-ur-ḫu-mi-id i-tal-ku

32 ki a/k—полевой шифр неизданных текстов из находок при систематических раскопках Т. Эзгюча. Текст приведен в статье Х. Леви „Neša“ JCS 1963, № 17, р. 164). Транскрипция: šu-ma a-bi₄ En-A-nim 15^{ha}-ra-an su-ū qi-nim 16e-ta-ar-ba-am 17^{ša}-du-a-tam 18^{ša} ká-ri-im Kà-ni-iš 19^{la} ú-ša-da-l-kà-ni-iš uš-ta-zi-zu-ni.

Вееenhoф предположил, что последнее слово надо переводить «заставят платить», как в документе публикации И. Гельбля (OIP, 27, 62, 42). Перевод Х. Леви «они заставят меня отвечать (за это)» он считает невозможным (АОАТТ, р. 325). При любом толковании связь между прибытием тайной тропой и невозможностью оделать депозит в торговой конторе Каниша остается, чем бы это ни кончилось для отправителя пись-

ма. Обращение «отец мой» говорит, что речь идет о главе торгового дома, равных компаньонов называют братьями.

- 33 Вееenhoф рассматривает šaddū'utum — побор торговой конторы (bit kārī m Kanīša параллельно с dātum — подарочным фондом общины (АОАТТ, part XII, p. 270 sqq). Среди нетипичных контекстов термина šaddū' ut um есть и случай выплаты частному лицу за поддержку (p. 288 — TC. I, 18, 24 sq.), т. е. полная аналогия прямого использования подарочного фонда. Отмечая возможность разных обозначений одного и того же побора, Вееenhoф справедливо предостерегает от поспешных отождествлений до предварительного всестороннего исследования, пока еще не проведенного (г. 287).
- 34 Вееenhoф (АОАТТ, p. 219 sq.) склоняется к первоначальному суждению Б. Ландсбергера относительно отчислений dātum в торговую контору Каніша как источнике паев на счету каждого торговца, обязанного увеличивать вклад (АНК, S. 23).
- 35 См., например, письмо ССТ V (Cuneiform Texts from Cappadocian Tablets in the British Museum by S. Smith and D. J. Wiseman, London, 1956) № 6 — письмо кассира Апшуриди с просьбой разрешить ему взять на свои нужды мину (0,5 кг) серебра. За тридцать лет он накопил в своем пае 37 мин серебра и грозит, что не станет далее служить и за половину прибыли, если ему не разрешат взять эти деньги (см. КТК, с. 63 сл.).
- 36 Документ подробно анализируется в статье Н. Б. Янковской «Торговая община Каніша и свободный рынок» (сб. «Анатолия», «Наука», М., 1982). Издан с обработкой В. Landsberger, Vier Urkunden vom Kūltēre (Türk Tarih. archeologia ve etnographia dergisi, 1940, № 3).
- 37 S. Smith and D. J. Wiseman, Cuneiform Texts from Cappadocian Tablets in the British Museum, part V, London, 1956, № 26d.

Транслитерация: 1 ku-ta-ni 2 šubātem 2^{ba} a-ki-de-e 3⁵⁴ ma-na
annaKI 4 ku-nu-ki-a 1 imēgam 5 pa-lá-za-an ú ú-nu-šú 6⁶¹ ma a-nim
a-na 7 Puzur-Ištar 8 a-na pá-zu-ri-im 9 ár-qi-ia 10¹ ma-na annaKI
11 a-na qá-ti-šu 12 a-dí-in maḡar 13 l-lí-še-ra-ni 14 maḡar Ir-ma-
a-šur 15 maḡar l-lu-a maḡar l-dí-a-dí 16¹⁰ šiqli kassiri ur-ka-mim
17 a-na-nim ú-še-bi 14-11 15-šu-um 18 maḡar ú-zu-a 19 maḡar l-dí-^dAdad

- 38 Образцы актов даны в книге G. Elsser, J. Lewy, Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kūltēre—MVAO 33/1—2, 1930=EL I.

Рассматриваемый текст относится к рубрике C III. „Verwahrung“ тип 2b Вееenhoф добавляет к перечисленным еще 14 документов того же типа (АОАТТ, p. 314).

39 АОАТТ, p. 314.

40 АОАТТ, p. 314.

41 АОАТТ, p. 315.

42 AOATТ, p. 341.

43 K. Balkan, B. Landsberger, Die Inschrift des Assyrischen Königs Irišum in Kültepe (Belleien Türk Tarih Kurumu 14, Ankara, 1948), p. 226 ff.

44 ANw 16 (1981) S. 1480: (w) ataitu (m)—Überschüssiges, Übertreibung" (2^a — „говорить лишнее“ со ссылкой на приведенный текст).

45 Это место от парадных ворот храма с портиком до открытой лестницы для царского выхода (W. Andrae, Das Wiedergeborene Assur, Leipzig, 1938).

46 Транскрипция выделенных строк: ³⁹ qābi watartim ina mušlāli
40 [x x] x ša haribim rū-šu ⁴¹ qinassu ipabbat kima karpittim
42 harētīm qaqqassu iherī ..... ⁴⁴ illukū qābi watartim ⁴⁵ ina
mušlāli kima ⁴⁶ haribim bit ⁴ bit ⁴ -it swī

47 Второй вариант начинается с 7-й строки, т. е. с того места, где кончается родословная Эришумы и его собственное имя (Bell. 14, S. 230).

48 Значение народного собрания в жизни торговой общины Каниша прокомментировано в книге И. М. Дьяконова «Развитие земельных отношений в Ассирии», Л., 1949, с. 19. Тема получила дальнейшее развитие в книге М. Т. Ларсена „Old Assyrian City State and its Colonies“, Copenhagen 1976 (=OACC).

Изложение в КТК, с. 87 сл. отличается от приведенных исследований. С моей точки зрения, неправомерно переносить обстановку торговой общины Каниша на положение в Ашшуре, недооценивая автономию Каниша.

49 Таковы, например, акты допросов по делу торгового дома Пушукена. Один из них (EL 338) приведен в КТК на стр. 63 (поиски 20 кг серебра, принадлежавших устраненному от дел старшему сыну Пушукена Синеа, и в связи с этим выявление властями контрабанды).

50 Реконструкция управления канишской сетью торговых общин в КТК, с. 65 слл. расходится с принятой М. Т. Ларсеном и К. Р. Вееenhoфом. Итоговое построение приведено Вееenhoфом в статье для Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie, Bd. V, 5—6 (1980) S. 369—378, Kaniš. kīrum, cf. N. B. Jankowska, Flashback upon Kaniš Studies (OLZ 76/6, 1981, S. 533—538).

51 Предполагаемый список совета g/k 118 издан К. Балканом (см. прим. 9).

52 В списке g/k 118, видимо, аморейские имена: Габрия, Даданум, Хананум; не аккадские и не аморейские—безымянные сыновья Папилима и Банага; Алили, Далаш, Агуза, Тужниш, Зизи, Хабвахшу, Кура, Урайя. Таким образом, почти треть совета заведомо не ашшурцы.

53 Текст Nesr. Bog. 2 (Анкара), цитируемый Вееenhoфом (AOATТ, p. 283), содержит просьбу стана (wabartum) Маммы о распоряжении города и торговой общины Каниша не брать šaddu'ūtum с караванов, следующих через Мамму, с тем, чтобы они могли собрать эти взносы для освобождения торговцев, посаженных в тюрьму местными властями. (транскрип-

ция строк 25 сл.: a-ba-ú-(ni) be-lu-ni ,²⁶a-tú-ли jup-pu-um iš-tù ,²⁷a-lim^{ki}
i-ii-kam ,²⁸ša ša-du-a-tim lā tū-ša-da-a ,²⁹ú tur-p]-e ša ka-ri-im ,³⁰[Ka-ni-
iš?] ša ša-du-a-tim [. . .]).

- 54 Один из актов ликвидации дела Пушукена—это распад общества Пушукен—АмурИштар. Опубликованный Кынастом (см. прим. 14) № 24—приведен в КТК, с. 59 сл.
- 55 Т. Эзюч приводит подтверждение длительности слоя I^b не более жизни одного поколения (печи на тех же местах, уровень пола не поднялся, фундамент стен тонкий и слабый, перестроек нет)—КК, 1959, с. XIX. Тем самым подтверждаются соображения К. Балкана, опирающегося на счет эпонимов этого периода из текстов Кюль-теле (трое) и синхронным текстов Богазкёя (семеро) и Алишара (пятеро). Два последних городища соответствуют древним Хаттуше и Амкуве. Хаттуша имела самоуправляющуюся торговую общину типа канишской (карум), Амкува располагала только временным лагерем (забартум).
- 56 К. *Balkan*, Letters of King Anum-ḫirbi of Mamma to King Waršama of Kanish (ТТК Yayınlarından, VII, seri, № 31^a), Ankara 1957—cf. Т. Özgüç, КК, 1959, р. XXI.
- 57 Эти договоры известны в основном по их упоминаниям (КТК, с. 44 сл.). Текст договора п/к 32, обнаруженного Б. Ландсбергером, до сих пор не издан, однако содержание его в общих чертах известно (см. АОАТТ, р. 305, прим. 428).

Н. В. АРУТЮНЯН

НОВЫЕ ДАННЫЕ В УРАРТСКИХ ПИСЬМАХ ИЗ БАСТАМА

До сих пор известно лишь весьма ограниченное количество урартских писем, обнаруженных при раскопках Топрах-кале, Кармир-блур¹ и Бастама. Скудость материала, естественно, создает определенные препятствия при выявлении не только общего их содержания, но и при установлении чтения и значения слов, даже тех или иных отдельных знаков. С этой точки зрения прав И. М. Дьяконов, когда заключает, что «... необходимо пока воздержаться от сколько-нибудь далеко идущих исторических или иных выводов...», так как даже незначительные поправки в чтении знаков и переводе отдельных слов могут привести к коренному изменению всего понимания смысла документа»².

Исходя из сказанного, в настоящей статье мы намерены коснуться лишь отдельных конкретных фактов урартских писем из Бастам-Бестама (к северо-западу от Урмийского озера, на реке Котурчай, притоке Аракса), которые, по нашему мнению, требуют несколько иного чтения и толкования, чем это предложено за последнее время их издателем, известным итальянским исследователем Мирйо Сальвини³.

1. НОВОЕ СОБСТВЕННОЕ ИМЯ ¹LUBŠUŠINI

Собственное имя ¹Lu-ub-šú-šl-pí в одном из бастамских писем упоминается трижды. Однако во всех случаях издатель его

М. Сальвини вместо этого предлагает несколько иное чтение: Lu-ub-šú-ia-pi⁴. Наше уточнение здесь, как видно, относится к чтению предпоследнего знака, который состоит из двух горизонтальных, затем трёх горизонтальных, а в конце двух вертикальных клиньев. Такое обозначение налицо и на фотоснимке таблички, и на автографии, составленной М. Сальвини. В таком случае, несомненно, мы имеем дело со знаком не ia, как думает М. Сальвини, а именно ší.

Знак ia, как известно, в урартских клинописных табличках имеет несколько другое обозначение, т. е. второй вертикальный клин значительно короче первого, в то время как в знаке ší оба вертикальных клина имеют одинаковую величину. Чтобы окончательно убедиться в этом, ší нашего текста можно сопоставить с тем же знаком в ¹ší-ra-a-pí и ^{LÚ} ší-ri-ka-a-pí других урартских писем⁵. Ср., однако, знак ia слова ka-ia-a-pí⁶.

К тому же собственное имя ¹Lubšušini в чтении опять ¹Lub-šú-ia-pí М. Сальвини склонен видеть также в другом урартском письме из Бастама⁷. Однако там в предложенной им транслитерации [¹Lu]-ub-šú-ia-pí-di вместо знака ub, как нам кажется, скорее обозначен детерминатив ^{LÚ}, а вместо ia — несомненно знак ta. Следовательно, это слово (название профессии?), очевидно, не имеет никакого отношения к собственному имени ¹Lubšušini.

В других урартских письмах встречаются немногочисленные собственные имена: Хука, Кутубили (УПД, текст № 1), Халдипура, Алуани, Муида (УПД, текст № 3), Курги (в УПД: Кулу), Тата (УПД, текст № 4), Абилиуку (УПД, текст № 5), Инушила, Алнауни, Урадини, Ципани (УПД, текст № 7), Иштаги (УПД, текст № 8), Шага, Акава-Акава, Убиаби (УПД, текст № 12), Ишпилиуку, Адиабди (Bastam, 1, текст № 1). К ним в настоящее время следует добавить также установленное нами имя Лубшущини, носитель которого, согласно тексту письма, был каким-то должностным лицом — «человеком крепости/дворца» (^{LÚ} É.GAL).

В дворцовом персонале оно упоминается наряду с «держателем печати».

^{LÚ} Na₄.DIB

2. НАРИЦАТЕЛЬНОЕ СЛОВО 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠

Это слово упоминается лишь однажды в строке 7 текста № 1 нового Бастамского письма в написании 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢. Однако издатель этой урартской таблички М. Сальвини вместо нашего 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢 предлагает чтение 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢.

Наше замечание здесь, как видно, относится лишь к неправильному восприятию знака па. И если данный знак слова 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢 сопоставить хотя бы со знаком та текста № 2 (строки 5, 8) из Бастама, где он выступает в неправильном глаголе тапи (та-пи, та-пи-ú-li), то станет вполне ясным, что возможность чтения 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢 исключается.

В этой связи следует обратить внимание на то весьма важное обстоятельство, что верхние горизонтальные клинья знака па слова 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢 (особенно средний клин) короче и тоньше нижнего. Что же касается знака та, то в нем, как известно, все горизонтальные клинья закономерно имеют одинаковую величину.

Наконец, чтобы полностью убедиться в справедливости чтения знака па слова 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢, можно его сопоставить с тем же знаком кармирблурских писем: ^{URU}𐎧𐎢-𐎧𐎢-𐎧𐎢 (УПД, текст № 1, стк. 5), ¹𐎧-𐎧𐎢-𐎧𐎢-𐎧𐎢-𐎧𐎢 (УПД, текст № 7, лиц. стор., стк. 3), па-ú-bi (УПД, текст № 7, лиц. стор., стк. 15), ú-па-ие (УПД, текст № 7, обор. стор., стк. 4) и т. д.

С другой стороны, нам кажется, что конечный знак gi слова 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢, по всей вероятности, является падежным окончанием (родительного или дательного падежа: ср. хотя бы EN-gi-e, TUR-gi и т. д.). Тогда 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢 Бастамского письма совпадает, по-видимому, с 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢 (здесь pi является, вероятно, послелогом) одного из кармирблурских писем (см. УПД, текст № 7, лиц. стор., стк. 15)^a.

3. НОВЫЙ УРАРТСКИЙ ГЛАГОЛ AŠN(U)-

В строке 7 текста № 1 нового Бастамского письма М. Сальвини, вслед за упомянутым выше 𐎧𐎢𐎥𐎢𐎠-𐎧𐎢, предлагает чтение та-пи-bi. Он думает, что в данном случае налицо известный урартский неправильный глагол тапи «быть», «существовать».

Однако первый знак упомянутого слова не может быть та по той простой причине, что в нем вертикальный клин пересекается всеми тремя горизонтальными клиньями. К тому же это довольно хорошо видно не только на фотоснимке письма, но и на его автографии, составленной М. Сальвини.

Следовательно, чтение данного знака как áš вполне закономерно. Здесь следует учесть и то обстоятельство, что этот знак по своему характеру начертания полностью отличается от знака та в та-пи и та-пи-á-li строк 5 и 8 текста № 2 другого Бастамского письма, опубликованного опять-таки М. Сальвини, где в обоих случаях абсолютно нет пересечений вертикального клина горизонтальными.

С другой стороны, чтобы окончательно убедиться в справедливости нашего чтения áš, можно сопоставить его с тем же знаком урартских писем из Кармир-блур и Топрах-кале в словах áš-ka-ṭè (УПД, текст № 5, стк. 10), ^{L^a}tar-da-áš-ḫi-e (УПД, текст № 12, лиц. стор., стк. 7).

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что в данном случае мы имеем дело не с давно известным неправильным глаголом тапи- «быть, существовать», как думает М. Сальвини, а с новым переходным глаголом аšп(и) - в 1-м л. ед. ч. пр. вр. (áš-пи-bi).

В настоящее время трудно сказать что-либо определенное о значении нового урартского глагола аšп(и)-⁹ согласно тексту Бастамского письма. К тому же ни в урартских письмах, ни в эпиграфике слова с корнем аšп-, к сожалению, до сих пор не засвидетельствованы.

4. НОВОЕ УРАРТСКОЕ СЛОВО ANAGI

Это слово в написании а-па-гi и а-па-гi-е выступает в строке 12 текста № 1 и в строках 3,11 текста № 2 новых бастамских писем. Однако издатель текста этих табличек М. Сальвини вместо знака па во всех случаях неправильно читает la, поэтому вместо действительного апагi получается мнимое слово alagi, с чем, естественно, трудно согласиться.

Дело в том, что во всех трех случаях в текстах писем налицо характерное начертание знака па, где верхние горизонтальные клинья короче нижнего. Это наглядно видно особенно в строке 11 текста № 2, где указанный знак сохранился вполне хорошо (в двух других случаях, к сожалению, имеется частичное повреждение). Однако знак па, судя по составленным им автографиям и транслитерациям текстов, М. Сальвини склонен неуместно воспринять в качестве la.

В справедливости нашего чтения па можно сразу убедиться при сопоставлении его с тем же знаком других урартских писем: URU^u Qu-du-na (УПД, текст № 1, стк. 5), ^lA-lu-na-ta-a (УПД, текст № 7, лиц. стор., стк. 15) и т. д. И, наоборот, сопоставление этого знака с la других урартских писем показывает, что между ними нет ничего общего (ср. хотя бы la глагола ú-la-li в строке 5 текста № 2 Бастамского же письма).

В засвидетельствованной форме а-па-гі-е, возможно, мы имеем дело с родительным или дательным падежом. К сожалению, контексты, в которых выступает интересующее нас слово апагі¹⁰, имеют много неясного, поэтому не способствуют установлению его значения.

5. НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ГЛАГОЛ ULALI

В строках 4—5 текста № 2 жовых бастамских писем М. Сальвини предлагает чтение: . . . ^{L^u} a-še-ri-e-šl ma-nu-ú-la-li : ar-di-li. При этом и шапуlali, и ardll он одинаково считает глаголами.

Однако глагольная форма шапуlali(?) нигде не засвидетельствована и по законам образования урартского глагола не поддается так или иначе убедительному толкованию. С другой стороны, неслучайно она легко раздробляется на тапи и ulali, которые уже давно известны из других урартских письменных источников. Поэтому нам кажется, что в данном случае мы имеем дело не с одним, а с двумя разными глаголами.

Неправильный глагол тапи- «быть, существовать», как известно, в урартской эпиграфике имеет весьма широкое распрост-

ранение. Он встречается также в кармирблурских письмах. Прослеживаются в них, например, контексты со словосочетаниями *aše maṣu*, *qīṣṣanī quldīnī maṣu*, *qīṣṣanī šṣṣabaē maṣu*, *URU LUGÁL-puṣī ḡuṣuṣuṣī maṣu* и т. д. и т. п. Приведенные примеры, как нам кажется, довольно убедительно показывают, что в интересующем нас контексте нового Бастамского письма неправильный глагол *ma-pu* выступает в 3-м л. ед. ч. пр. вр. (в других подобных текстах закономерна также форма *ma-pu-nī*). А это говорит в пользу того, что здесь *maṣu* относится, по всей вероятности, к предыдущему слову (названию профессии) ^{LŪ} *ašerīeši*.

Что касается имеющегося вслед за *maṣu* слова *ú-la-li*, то нетрудно видеть в нем уже известный непереходный глагол *ul(a)-«идти»* в 3-м л. мн. ч. пр. вр. В урартской эпиграфике обычно встречаются формы 1-го и 3-го лица ед. числа этого глагола: *uladī* и *ulabī*. Однако в кармирблурской большой надписи Русы II однажды выступает также интересующая нас форма *ulalī*: ^{KUR} *šú-ḡl-lī*, *ú-ú-la-lī*^Ч. В таком случае можно думать, что к *ú-la-lī* Бастамского письма имеет прямое отношение вслед за ним идущее слово *ar-dī-lī*. Как видно из приведенных фактов, в одном случае налицо ^{KUR} *šurllī ulalī*, а в другом — *ulalī ardlī*. Здесь замечается лишь несущественное разнообразие синтаксического оформления контекста: на первом плане выступают то подлежащее (^{KUR} *šurllī*, *ardllī*), то сказуемое (*ulalī*).

Подобная свобода синтаксического оформления предложения в урартской эпиграфике встречается сплошь и рядом. Ср., например, *ašaštubī KUR-nī* (УКН, 28, верхн. стор., стк. 4 = Нchl, 16, верхн. стор., стк. 7) и ^{KUR} *ebanī ašaštubī* (УКН, 36 = Нchl, 23, стк. 9), *uluštubī* ^D *ḡaldīnī* (УКН, 30 = Нchl, 21, стк. 7) и ^D *ḡaldīnī uluštubī* (УКН, 127, I = Нchl, 80, § 2, стк. 20), *uštubī* ^I *Meṣuṣanī* (УКН, 36 = Нchl, 23, стк. 5) и ^D *ḡaldīnī uštubī* (УКН, 131 = Нchl, 85, стк. 1) и т. д.

Что касается характера слова *ardlī*, то при предложенной выше интерпретации фактов, разумеется, трудно согласиться с М. Сальвини и в том случае, когда он в нем, как и в *ulalī*, склонен одинаково видеть глагол. Очевидно, *ardlī* нашего текста яв-

ляется формой мн. ч. слова ag-di-ni культовой надписи «Мхери дур» (дверь Мхера). Тогда конечно, слово agdili новой Бастамской таблички вряд ли может быть глаголом; оно скорее имя существительное. Чтобы убедиться в этом, с нашим agdili можно сравнить глагольные формы ardull¹² и ardullni¹³.

С другой стороны, в связи с рассмотренной выше фразой Lu^u amerleši tani ulali : ardili привлекает к себе внимание текст строки 8 того же Бастамского письма, где налицо ша-пи-ú--li : ag-di-li. И если в тексте та-пи ú-la-li : ag-di-li предположить опisku добавление лишнего(?) знака la, тогда он полностью (даже с повторением словоразделителя и лишнего знака ú в слове та-пи-ú-li) совпадает с ша-пи-ú-li : ag-di-li строки 8 того же Бастамского письма. Однако на этом трудно настаивать, ибо чтение та-пи ulali также, как это мы видели выше, вполне закономерно согласно урартским текстам.

* * *

В конце настоящей статьи следует лишь добавить, что вместо предложенного М. Сальвини atar-a ali-e: Lu^u hal-bi 7-й строки текста № 2 Бастамского письма скорее мы предложили бы чтение A tar-a a-li-e : Lu^u hal-bi, т. е. «сын старший говорит: Lu^u hal-bi . . .» (последнее слово—название профессии). Речь идет, по-видимому, о «старшем сыне» царя (LUGAL), упоминаемого в строке 1 данного письма. Такое чтение невольно напоминает аналогичную фразу известного урартского письма из Топрах-кале (Русахинили):
mŠá-ga DUMU tar-a LUGAL Iš-qu-gu-ul-ḫi-e «Шага, сын старший, царя (страны) Ишкугулской».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О письмах Топрах-кале (Русахинили) и Кармир-блур (Тейшебани) см. И. М. Дьяконов, УПД.

2 Указ. соч., стр. 118.

3 *Mirjo Salvini*, Die urartäischen Tontafeln, Bastam, I, Berlin, 1979, стр. 115—131 и табл. 28—29.

- 4 *M. Salvini*, *Bastam*, I, текст № 1, лиц. стор., стк. 3, 8; обор. стор., стк. 1.
- 5 *И. М. Дьяконов*, УПД, текст № 7, лиц. стор., стк. 12, 19; текст № 12, обор. стор., стк. 5.
- 6 Там же, текст № 7, лиц. стор., стк. 12.
- 7 *M. Salvini*, *Bastam*, I, текст № 2, лиц. стор., стк. 2.
- 8 С *ḫutuni-ri*, как ни странно, сопоставляет свое неправильное чтение *ḫutuša-gi* также издатель нового Бастамского письма *М. Сальвини*. См. *Bastam*, I, стр. 121
- 9 Ср. хурр. ашл. KUB, XLVII, 29, лиц. стор., стк. 4.
10. Чвтай апайі?
- 11 См. *Н. В. Арутюнян*, НУН, стр. 39, стк. 16.
- 12 Там же, стр. 51, текст II, стк. 1.
- 13 Там же, стр. 39, текст I, стк. 18, 19.

ГЕРНОТ ВИЛЬГЕЛЬМ

К ХУРРИТСКОЙ И УРАРТСКОЙ ГРАММАТИКЕ*

1. ПЕРЕНОС СУФФИКСОВ И ПОКАЗАТЕЛЬ МНОЖЕСТВЕННОСТИ /ni/ В УРАРТСКОМ

В одной из своих основополагающих для исследования урартской грамматики работ¹ И. Фридрих в 1931 г. выделил суффикс принадлежности /ini/², с помощью которого, по его мнению, образуются прилагательные, согласующиеся в падеже/числе. Так, он полагал, что от имени главного урартского бога Халди образуется прилагательное ḫaldi-ini-, которое следует переводить примерно «халдиев, принадлежащий Халди»³. Как заметил Фридрих⁴, та же морфема предполагалась уже Гётце⁵ и Сэйсом⁶ в форме (ni). Вопрос о том, является ли это /ini/ тождественным с /ḫini/, образующим отчество⁷ и топонимы⁸, о чем говорится в той же статье,—Фридрих оставлял нерешенным⁹.

Этот суффикс (ini) с тех пор был принят в большинстве изложений урартской грамматики¹⁰. Дьяконов¹¹ отождествляет его с хурритской морфемой (inne) (с другими тематическими гласными /onne/, /anne/)¹², который в хурритском образует главным образом обозначения профессий¹³. По мнению Дьяконова, этот суффикс в урартском очень продуктивен, может адъективизировать любое

---

* Часть I является переработанной версией статьи „Zur urartäischen Nominalflexion“, ZA 66 (1976), 105—119, часть II—почти неизменным переводом статьи „Der Komitativ des Urartäischen“, SMEA 22 (1980), 133—136, часть III написана специально для «Древнего Востока» и будет одновременно издана в немецком переводе. Автор благодарен И. М. Дьяконову за перевод на русский и за отдельные замечания, сделанные им по ходу работы.

существительное и находиться в свободной вариантности с показателем родительного падежа¹⁴.

Из последнего высказывания вытекает, что предложения типа

(1) *ḫaldi-*ini* susi t^lni (-ly)¹⁵ „Халдиев храм имя (его)“

(2) ḫaldi-*i* susi t^lni (-ly), с тем же значением, или же

(3) *umešini* t^lni... gusa-*lni-i* ḫubi-*i* „Умешини—имя...“

Русиной долины“ и

(4) *ú^{mešini} t^lni... gusa-*i* ḫubi-*i*, с тем же значением одинаково могут существовать.

Однако это явно не так. Ниже приводится представительная выборка из понятных контекстов, содержащих родительный падеж ед. ч.¹⁶:

(5) ...^m iš-*pu-ú-i-ni-še* ...^m me-*nu-a-še*...^d ḫal-*di-e-i* su-*si* šⁱ-*di-š-tú-ni* „...Ишпуини... (и) Менуа воздвиг(ли)...Халди (р. п.) храм“
HchI 8 I = УКН 25: 1—2 // 6—7.

(6) ...^d ḫal-*di-i* i-*a-ra-ni* šⁱ-*di-iš-tú-ni* „...Халди (р. п.) культовый постамент¹⁷ воздвиг“. HchI 25 IV = УКН 30:13—14.

(7) ^m me-*nu-a-i* pi-*li* ti-*i-ni* „Менуи канал имя (его)“. HchI 29a—d I = УКН 43: 3.

(8) ^{URU} sa-*si-i-ni* URU LUGÁL-*nu-si* ^m ḫi-*la-gu-a-da-a-i* a-*gu-ni-ni* ша-*nu* „Саси (артикуль), город царский Хиларуады, укреплен был“. HchI 104 VII = УКН 158: 19—20.

(9) [t]e-*ru-bi* ti-*ni* ^m ru-*[s]a-a-i* šu-*[e]* „Я установил /поставил (ему) имя „Русы озеро“. HchI 121 I = УКН 268: 4.

Фридрих впервые предположил суффикс /ini/ в следующем предложении:

(10) ^m me-*nu-a-i-ni-e-i* ^{SAL} si-*la-a-(l-)e* ^f ta-*ri-ri-a-i* i-*ni* ^{G1Š} ul-*di*
HchI 40 = УКН 111: 1—2// 4—5.

Фридрих разделял слово на сегменты *me^mnu-a-i-ni-e-i* и переводил «этот виноградник—Менуиной супруги (?)¹⁸ Таририин».

Приводим ниже, еще несколько контекстов, где Фридрих видел тот же суффикс:

(11) [^d] ḫal-*di-ni-e* ba-*du-si-e* DUB-*t[e te-r]u-ú-bi*. HchI 74 об

II 3—4 = УКН 99 об. 2—3. Фридрих рассматривает *ba-du-si-e* как приложение к *DUB-te* и переводит: „Халдиеву разрушенную (?) таблицу я поставил“. Однако наиболее вероятно, что *ba-du-si-e* стоит в дательном падеже¹⁹.

(12) ^d*ḫal-di-ni-i URU-i-e ru-lu-si* „стелу Халдиева города“ (или: „принадлежащую к (дат. п.) Халдиеву городу“). *Nchl* 79 = УКН 301 : 1.

(13) ^d*ḫal-di-ni-ni al-su-l-ši-ni* „Халдиевым величием“ *passim*.

(14) [^d*al*]-*di-ni-ni uš-g[1]-ni // [lpa?] 'te?'-ni-[e?]-ni* ^d*ḫal-'di'-e*²⁰ „Халдиевой милостью“. *Nchl* 9 § 10 = УКН 19 (Келяшин): 20 || 17.

(15) [^d*ḫal-d*]-*ni-ni ba-ú-ši-l-ni* „Халдиевым приказом“. *Nchl* 122 § 4 = УКН 264 (Топзава): 17²¹.

Сюда же подключает Фридрих примеры типа *Tušra(ni)-paçe* *DINGIR*, что он переводит «тушпинские (города Тушпы) «боги», из чего видно, что он разбивает слово на сегменты *Tušra(n)-in(l) - açe*, причем */açe/* рассматривается как морфема мн. ч. дательного падежа. Об этих формах см. ниже.

Если сопоставить это положение вещей с утверждением Дьяконова, что адъективизирующий суффикс */ini/* свободно варьируется с суффиксом родительного падежа, то мы должны прийти к иному выводу:

1. Морфема родительного падежа */i/ ~ /e/ ~ /ei/* встречается только тогда, когда определяемое стоит в абсолютном падеже (т. е. в падеже цели действия в переходном предложении и исхода действия в непереходном).

2. Суффикс принадлежности */ini/* встречается только тогда, когда определяемое не стоит в абсолютном падеже.

Это распределение было замечено уже Гамкрелидзе²² и Меликишвили²³, однако последний приводит примеры, которые кажутся противоречащими показанному выше: ^m*menua-ini ḫubi* «минунна долина (?)» и ^m*gusa-ini ḫubi* «Русина долина (?)». Однако предложения, из которых взяты эти примеры, звучат следующим образом:

(16) *'ku-ṭu-ni' ra-ri* ^m*me-nu-a-i-ni-'e'* *'ḫu-bi-i'*. *Nchl* 34 || = УКН 59: 5—6; *ḫubi* здесь не стоит в абсолютном падеже, так как

предлог *ragi* требует косвенного, обычно дательного падежа. Перевод: „продвинулся до долины (?) Менуи“.

(17) $\text{[i]}'\text{-nu-ka-}[\text{h}]\text{-ni-e}^{\text{m}} \text{gu-sa-i-ni-e } [\text{u}]\text{-bi-GE. Nchl 126 III = УКН 281 : 16—17.}$

Здесь *[u-bi-GE* не абсолютный, а дательный падеж²⁵.

Меликишвили приводит в доказательство согласования с неоформленным падежом также пример $^{\text{d}}[\text{h} \text{aldine DUB-te}$, но он, по-видимому, извлечен из уже приводившегося примера (11), где $^{\text{d}}[\text{h}]\text{al-di-ni-e}$, вероятно, согласовано со следующим за ним *ba-du-si-e* в дательном падеже. Итак, и этот пример не доказывает употребление */ini/* с определением при определяемом в абсолютном падеже.

Часто встречающаяся в различных написаниях формула:

(18) *haldi kiguni haldini šuri kiguni* толковалась различным образом. Так, *haldi* рассматривался как родительный падеж, зависящий от *kiguni* в аблативно-инструментальном падеже (перевод: „могуществом Халди (р. п.)“²⁷). Однако *-ni* в слове *kiguni* не может быть показателем аблатива, поскольку иногда встречается форма *kigunini*. Другие рассматривали *kiguni* как прилагательное в абсолютном падеже²⁸, переводя: Халди могуч, оружие²⁹ Халди могуче“. Если это верно, то *šuri* и относящаяся к нему форма *haldini* должны стоять в абсолютном падеже, что противоречило бы предложенному выше правилу распределения.

Однако различные варианты формулы показывают, что суффикс */ni/* может прибавляться к любому слову внутри предложения (18). Поскольку в отношении семантики слова *kiguni* до сих пор нет ясности, постольку удовлетворительный анализ формулы кажется пока невозможным.

Насколько мне известно, до сих пор не взвешивалась возможность, отнюдь не могущая быть исключенной, что *kiguni(ni)* — послелог, который может (подобно, например, предлогу *ragi*) конструироваться с различными падежами. В пользу этого говорят следующие два примера: $^{\text{d}}[\text{h}]\text{al-di-i ku-}[\text{u-ni DIN}]\text{GIR}^{\text{MEŠ}}\text{-na ku-gu-ni. Nchl 56 II = УКН 89 : 5, где DINGIR}^{\text{MEŠ}}\text{-na}$ никак не абсолютный, а локативный падеж мн. ч. Точно так же и $^{\text{KUR}}\text{ba-ba-}$

ni-a [k]u-gu-ni-e. HchI 118 II = УКН 266 : 12—13, где тоже имеем локатив. Можно предложить перевод послелога kuguni (ni): „при, с, на стороне“, который вполне подходит во всех случаях его употребления. Ср. также контекст HchI 7 III = УКН 24 лиц. 13—14: [ma]-a-ni^m iš-[ru]-ú-l-ni ku-gu-ni^m me-nu-ú-a ku-gu-[ni^{LU}] hu-ra-di-na-a 1 ME 6 QIŠ¹ GIGIRI... Его не нужно было бы—как это вынуждает трактовка kuguni как прилагательного—разлагать на два предложения, причем первое из них оказывалось бы именным предложением без связки /ni/ (ср. ниже). Вполне осмыслен перевод: «было при Ишпуний (и) при Менуа в войсках 106 колесниц»... При таком толковании выражение hal-di-ni šu-gi-l могло бы быть родительным падежом, зависящим от послелога kuguni. Однако эта формула пока остается проблематичной, и лучше не привлекать ее для обсуждения настоящего вопроса.

Просмотр всех урартских надписей не дал ни одного надежного примера, когда форма с /ini/ в противоположность установленному выше распределению стояла бы при определяемом в абсолютном падеже.

Грамматический анализ сегмента, выделяемого в качестве морфемы /ini/, лучше всего привести на примере обозначений предметов, сохранившихся во множестве, при идентичной структуре текста и при перемене только царского имени:

(19) ^mme-nu-a-i ú-gi-l[š]-hi „Менуи предмет (утварь)“. HchI 40B = УКН 118a.

Абсолютному падежу ugišhi здесь предпослано имя владельца в родительном падеже. Но в другой надписи определяемое выражено именем производным на /usi/ от того же ugišhi—ugišhusi (нередко с детерминативом «дома» É) оно означает «склад (утвари)» и само стоит в родительном падеже:

(20) ^mme-nu-a-l-ni-e-l ú-gi-iš-hu-si-ni-e-l „(предмет из) склада Менуи“. HchI 40A = УКН 112—117.

В краткой надписи на урартском светильнике из Гамбурга³¹ обе синтагмы помещены рядом:

(21) ^mgu-sa-a-l ta-na-a-ši ^m[r]u-sa-l-ni-l ú-gi-iš-hu-si-ni-l „Русы светильник, (из) Русы склада“. УКН 41 443.

Мое объяснение опирается на установление Фридрихом же морфемы—«/pi/ переноса суффикса» („suffixangethende“ (pi)³². Эта морфема лучше всего известна при «переносе суффикса» эргатива в отчествах:

(22) ^m me-i-pu-ú-a-še ^m iš-pu-u-i-pi-ḫi-pi-še „Менуа, (сын) Ишпуини“, Nchl 69 I = УКН 107 : 4 // 18—19 и т. п. *passim*.

К сожалению, новейшие урартские грамматики отказались от этого наблюдения Фридриха³³. Так, Меликишвили выделяет суффикс принадлежности /ḫi(pi)/³⁴ и тем самым предполагает свободное варьирование /ḫini/ и /ḫi/. Однако и в данном случае распределение оказывается таким же, как для предполагаемого /ipi/:

1. /ḫi/ стоит только, если определяемое имя стоит в абсолютном падеже, например, ^m gusa-pi ^m argišti-ḫi „Руса, (сын) Аргшти“.

2. /ḫini/ стоит при определяемом в другом любом падеже единственного числа (о множественном см. ниже); например, для эргатива см. пример (22), а также следующие примеры для родительного и дательного падежей: ^m gusa-i ^m argišti-ḫini-i Nchl 103A = УКН 283, ^m išpuini-e ^m sarduri-ḫini-e. Nchl 12 = УКН 18; 13—14 (текст восстановлен, но вполне надежно).

Это распределение было замечено Дьяконовым³⁵; он правильно отождествляет это /pi/ после /ḫi/ с хурритским артиклем ед. ч. /pe/, однако неправильно истолковывает оппозицию gusa-pi argišti-ḫi; gusa-i argišti-ḫi pi-i, полагая, что при адъективном определении на /ḫi/ артикль употребляется только однажды, в первом случае при имени собственном, детерминированном артиклем, во втором—при прилагательном.

Здесь мы не будем касаться суффикса /pi/ в первой синтагме; но мне кажется возможным этимологически отождествлять его не с артиклем ед. числа, а с энклитическим личным местоимением 3 л. ед. ч., хурритским /p/ ~ /ппа/³⁶.

В противоположность мнению Дьяконова, для второй синтагмы существует точная параллель в хурритском³⁷, но лишь при том же, что и в урартском, условии, а именно, чтобы определяемое имя не стояло в абсолютном падеже³⁸.

(23) ḫur-wu-u-ḫé-né-e-we KUR; u-u- < mi > -i-in-né-e-we (ḫurv -o-ḫe-nē-ve omīni - ne - ve „хурритской страны“ (с артиклем). Mit. II 72.

Структурное тождество полное, не считая того, что при урартском имени собственном не стоит артикля. Артикль имеет в подобных синтагмах коррелятивную (согласующую) функцию³⁹; можно сравнить, например, греческую конструкцию типа τῷ τῷ βασιλέωσ.

Такая же конструкция образуется в хурритском и при определениях в родительном падеже⁴⁰, причем коррелятивный артикль присоединяется только в том случае, если определяемое не стоит в абсолютном падеже; если же он стоит в абсолютном падеже, то при определении в родительном падеже появляется коррелятивный артикль.

Таким образом, определение в родительном падеже, в отличие от европейских языков, согласуется с определяемым в числе и падеже:

(24) ṣe-e-ni-iw-[wu]-ú-e-né-e-we KUR u-u-[m]i-i-ni-i-we (sēn (a) - iffu - ḫe-nē-ve omīni-ve) „брата моего страны“. Mit. I 97 (родительный падеж).

(25) KUR ni-zl-ir-ri-e-we-né-eš ew-ri-iš (mizri- nē - ve - ne - z evri = z) „Египта господин“. Mit. I 85 (эргативный падеж).

(26) ṣe-e-ni-iw-wu-ú-e-né-e-wa aš-ti-i-i-wa (sēn(a)-iffu-ḫe - nē-va ašti-(i) - va) „брата моего жене“ Mit. II 6 (дательный падеж).

(27) ṣe-e-ni-iw-wu-ú-e-né-e-en-pu-uḫ-ḫa ti-ša-a-an-pu-uḫ-ḫa (sēn(a) - iffu - ḫe-nē - nn (i) - o-ḫḫ (e) - a ti zā - nn (i) - o-ḫḫ (e) - a) „в брата моего (притяж. прилагательное) сердечности (?)“ Mit. II 10 (локативный падеж).

Так же точно следует рассматривать урартские формы с ошибочно вычлененным сегментом /ni/: на самом деле это формы родительного падежа⁴¹, принимающие падежные окончания определяемого после примененного в соотносительной (коррелятивной) функции артикля /ni/, тем самым устанавливая согласование в падеже между определяемым и определением.

Приведенные выше в силлабической транслитерации примеры (10)—(15), якобы содержащие сегмент /ipi/, должны в аналитической транскрипции представляться в следующем виде:

(10) mēna-i-pe-i sila-i⁴² „дочери (род. п. ед. ч) Мелуи“.

(11) ḥaldi-i-pe-e bzdusi-e „Халди (род. п.) совершенству (?)“.

(12) ḥaldi-i-pe-e rā i-i-e rāuzi „стала городу (= для города) Халди (род. п.)“.

(13) ḥaldi-i-pe-ni alsuiši-ni „Халди (род. п.) величьем“.

(14) aldi-i-pe-ni ušgi-ni „Халди (род. п.) милостью“.

(15) ḥaldi-i-pe-ni bauši-ni „Халди (род. п.) велением“.

В 1930 г. А. Гётце в своей обработке стелы из Келяшина предположил существование морфемы /па/ на основании формы haldipa(ni) KÁ⁴³, а также множества форм родительного падежа мн. числа на -паце; однако в дальнейшем наука за ним не последовала. Критика К. Ф. Леманн-Гаупта была совершенно ошибочной⁴⁴, а И. Фридрих предложил выделить морфему мн. числа /а/⁴⁵, в чем за ним до сих пор следовали все изложения урартской грамматики⁴⁶. Лишь М. Сальвини недавно вновь допустил возможность того, что /па/ является показателем мн. числа косвенных падежей⁴⁷.

Часто встречающаяся п перед а Фридрих рассматривает обычно как принадлежащее к суффиксу притяжания /ipi/, причем конечный гласный согласуется с последующим гласным. Г. А. Меликишвили видит здесь тенденцию прибавлять падежные показатели, кроме номинатива множественного числа, не к чистой основе, а к абсолютному падежу⁴⁸, каковым он считает чистую основу плюс суффикс -пи. Дьяконов также принимает /а/ за показатель множественного числа косвенных падежей, а предшествующее ему -п- рассматривает как артикль, с помощью которого образуется так называемое «определенное склонение»⁴⁹.

Казалось бы, выделение показателя мн. числа /а/ подтверждается случаями, когда ему предшествует не п, а другой согласный:

šuraçe в титуле „царь стран-šuri“;

erelaçe в титуле „царь царей“;

[p]ilaçe дат. п. мн. ч. от pili „канал“. Hchl 121 I = УКН 268:3.

[d]iraçe дат. п. мн. ч. ([d]i ненадежно). Hchl 10 II 19/ /x 65 = УКН 27 : 19 || 65.

Однако все формы мн. числа без п перед предполагаемым показателем мн. числа /a/ могут быть без труда объяснены, если предположить, что в урартском действовал тот же фонетический закон, который хорошо известен в хурритском, а именно превращение -lín- > -r(r)-, -lin- > -l(l)-. Подобно тому, как в хурритском *avari - пе „поле (с артиклем, das Feld)“ > avarre и *savali? - па (ауслаут основы неясен) > šavalla „годы“ (с артиклем, die Jahre), так же точно следует анализировать и урартск. šuraçe < *šuri-па -це, erelaçe < *ereli -па-це и т. п.

В отличие от хурритского, в урартском этот закон не распространяется на звукосочетание -nín- (хурр. eппа < *eni - па, omille < *omili - пе, но в урарт. ardini - па-це и т. п.

Зато если форму arṭu'ar(a)saçe Hchl 10 II 14//X 54 = УКН 27 : 14//54 следует воспринимать как дат. п. мн. ч., то необходимо допустить, что аналогичный фонетический закон действовал для звукосочетания -s(i)п- > -s(s). Ср. в хурритском довольно аналогичный переход (*-ž-ппа > -ssa)⁵⁰ при морфеме эргатива. Однако вполне вероятно, что здесь мы имеем дело с дат. п. ед. ч. основы на -ц.

Этимологическая привязка к точно так же звучащему артиклю мн. ч. в хурритском напрашивается сама собой и подтверждается также одинаковым для обоих языков употреблением той же морфемы /па/ в качестве соотносительной частицы, присоединяемой к определению при определяемом во множественном числе:

(28) ^dḥal-di-na-ú-e BE-LI^{MEŠ} (ḥaldi - i - па - це BÉLI-*це)
„Халди (род. п.) оружием“. Hchl 10 II 7//X 41 = УКН 27:7//41.

(29) ^dḥal-di-na-ú-e KÁ (ḥaldi - i - па - це *šešti - па - це)
„(бога) Халди (род. п.) воротам“. Hchl 10 II 16//X 58 = УКН 27: 16 || 58.

(30) ^{KUR} e-ba-ni-n[a-ú]-e DINGIR (ebani - i - па-це DINGIR-па-це или ebani - па-це DINGIR - e) страны богам⁵¹ или „стран богу“⁵¹. Hchl 10 II 18//X 63 = УКН 27 : 18 || 63.

В урартском /па/ ставится регулярно при всех падежных показателях, кроме абсолютного падежа мн. ч. А из этого следует, что это /па/, в отличие от хурритского, не имеет детерминирующей функции. Это, несомненно, объясняется тем, что исконная функция показателя множественности /az/, сохранившегося в урартском лишь пережиточно⁵², перешла к первоначальному артиклю мн. числа. В хурритском—за редкими исключениями—артикл отсутствует⁵³, когда имя определено притяжательным местоимением. Такие примеры, как *tub-bi-aš* Mit. :II 39, 45, не могут с полной уверенностью считаться неопределенным соответствием детерминированного *turri-pa (с артиклем), потому что их можно рассматривать также как *turri-i-az* «их таблички». Недетерминированное множественное число имени отличается от форм единственного числа только по множественному характеру приложения или определения: *ḫiḡā [di-ll] a·aḡ* «воины-страны (?)». Mit. II 108; *tive ḫurve tea* «слов плохих много» Mit. IV 2. Первый случай, а именно маркирование мн. числа с помощью энклитического личного местоимения возможно только в абсолютном падеже. Из него в урартском (вследствие отпадения категории детерминированности во мн. ч.?) образуется нормальная парадигматическая форма абс. п. мн. ч.

Подведем итоги:

1. Суффикса принадлежности /ini/ в урартском не существует;

2. Показателя мн. числа /a/ в урартском не существует;

3. При определениях родительным падежом или формы на -ḫi падежные показатели определяемого переносятся на определение после присоединения соотносительного артикля /pe/ (ед. ч.) или /pa/ (мн. ч.), если определяемое стоит в косвенном падеже:

4. Во всех падежах мн. ч., кроме абсолютного, выступает показатель мн. ч. /па/, этимологически связанный с хурритским артиклем мн. числа;

5. Если основа имени (последний согласный имени) кончается на l или ḡ, то гласный основы («тематический») выпадает, а п соотносительной частицы /па/ ассимилируется с последним согласным имени.

II. КОМИТАТИВНЫЙ ПАДЕЖ В УРАРТСКОМ

В урартском известно слово пага, всегда встречающееся в одном и том же контексте формулы проклятья:

(1) mei ina(i)ni mei пага aue ulule. УКН 29 : 22, 37 : 23; 36 : 36; 37 : 20; 39 : 28; 40 С : 17; 43 : 13; 44 : 14; 45 : 14; 47 : 9; 57 : 23; 61 об. 18; 63 : 16; 92а-с 18; 127 VIII 19; 128 АЗ : 15; 156 А II + А I 24; 158 : 40; 169 : 28; Н.—Р. Schäfer, Ist. Mit. 23/24 (1973/74) 35 : 25, А. М. Dinçol/E. Kavakli, JKF Beih. 1 (1978) 71 : 3. Встречаются написания па-га (2 раза), па-га-а (8 раз), па-а-га (2 раза), па-а-га-а (5 раз); в остальных случаях слово сохранилось неполностью.

Несмотря на различные попытки перевода⁶⁴ формулу эту следует и сейчас считать в основном непонятной⁶⁵. Как Меликишвили, так и Кёниг пытались выявить значение пага, привлекая неоднократно встречающийся в военных реляциях оборот, который, с их точки зрения, содержит то же самое слово:

(2) URU-e ^{LÜ}ta-ar-šú-a (-) па-га-ни GIB(L)-bi. УКН 127 II 44 сл.

(3) 60 URU^{MEŠ}-e ^{LÜ}UN^{MEŠ}-га-[ni a-ма]-àš-[tú]-bi. УКН 127 III 35. (восстановление по Hchl 80 § 6 VI и прим. 4).

(4) ^{LÜ}ta-ar-šú-a(-)[па-га-а]-ni a-bi-ii-du-í¹-[bi]. УКН 128 B1 : 9.

(5) [^m]Ha-ḫa-a-ni LUGÁL^{KUR} ḫu-šá-a-al-ḫi ^{LÜ}UN^{MEŠ}-га-[ni] lel-di-ni ta-àš-mu-ú-bi. УКН 155 С 3 сл.

(6) UN^{MEŠ}-га-ни GIB(L)-b[í]. УКН 155D 8.

(7) LUGÁL UN^{MEŠ}-га-ни ^{SAL}lu-tú-bi. УКН 160 : 6.

Меликишвили (УКН, 402) толкует пагани как «народ» и считает это чтением логограммы (^{LÜ})UN, которое иногда имеет при себе комплемент -гани. В соответствии с этим он отделяет слово taišuaⁿⁱ «человек» (с. 409) от логограммы UN («люди, народ»).

Напротив того, Кёниг—видимо исходя из формулы проклятья (1)—предполагает значение «жизнь» для пага, отождествляет логограмму (^{LÜ})UN^{MEŠ} с taišua-, а в taišuaⁿⁱpaⁿⁱ видит лексическое слияние обоих слов (Hchl 196, 204).

Против толкования Меликишвили говорит несомненное тождество логограммы $(L\dot{U})UN^{ME\dot{S}}$ со словом $tar\dot{s}uan\dot{i}$, которое проявляется в перечнях добычи в анналах. При этом в анналах Аргишти I захваченные пленные обозначаются в параллельном контексте то как $L\dot{U}tar\dot{s}uan\dot{i}^{ME\dot{S}}$ (УКН 127 I 14, III, 41, IV, 2, 60, V, 5, 27), то как $L\dot{U}UN^{ME\dot{S}}$ (УКН II 21, 46, III 14, IV 37, VI 8), в то время как анналы Сардури II явно предпочитают логографическое написание. Однако ни в той, ни в другой надписи в данной связи ни разу не встречается предполагаемое слово *пагапи.

Точку зрения Кёнига следует отвергнуть по ряду причин. Прежде всего, словосложения в урартском не встречаются, а в хурритском встречаются чрезвычайно редко⁵⁶. Мало того, мы должны были бы предположить такой тип словосложения, при котором первое слово сокращалось бы, поскольку в урартском, как и в хурритском следует принять как лексему $tar\dot{s}u(\dot{c})an\dot{i}$, а не * $tar\dot{s}u(\dot{c})a$ ⁵⁷. Последняя форма ни разу не встречалась изолированно ни в том, ни в другом языке, и если и возможно, что конечное - ni здесь является суффиксом (см. ниже прим. 74), то это, во всяком случае, не артикль ед. ч. / ne /⁵⁸. Во-вторых, следовало бы ожидать форму мн. ч., так как $tar\dot{s}uan\dot{i}$, вопреки Кёнигу (Nchi 204), не следует рассматривать как имя коллективное; то обстоятельство, что в списках добычи множество людей передается абс. п. ед. ч. $tar\dot{s}uan\dot{i}$, а не мн. ч. $tar\dot{s}uan\dot{i}(ni)li$, объясняется тем, что в урартском после числительного имя исчисляемого объекта, как и во многих других языках, ставится в ед. ч. (как в русском при названии некоторых мер с числительными выше «4»: пять грамм, шесть аршин и т. д.). Эту особенность урартский не разделяет с хурритским⁵⁹. Ясная форма мн. ч. от данного слова представлена в надписи из Топузава: $L\dot{U}UN^{ME\dot{S}} - \dot{u} - e$ (УКН 264:25).

Таким образом, остается единственная возможность: считать -пагапи за суффикс или группу суффиксов к $tar\dot{s}uan\dot{i}/(L\dot{U})UN^{ME\dot{S}}$. Но это значит совершенно отказаться от сопоставления со словом пага в формуле (1).

Для более точной интерпретации -пагапі следует исходить из следующих пунктов:

1. *taḡṣuapaḡaḡi* стоит во всех случаях в транзитивном предложении, где эргатив представлен 1 л. ед. ч., а именно царем, от лица которого изложена надпись;

2. Прямой объект предложения — «город», «страна» или «царь» (чужой).

3. Глаголы—*amašt-/GIB(L)* «сжигать» (город), *abild-* «присоединять, аннексировать» (страну), ^{SAL}*lut-* «обратить в женщины (кастрировать? или поработить?)», *tašm- „?»* (Меликишвили, УКН 409 переводит «пленить» (?), Кёниг, Nchl 204 — «депортировать»).

В шести наличных примерах *taḡṣuapaḡaḡi* состоит в комитативном отношении к слову, стоящему в абсолютном падеже (комитатив соответствует предложенной конструкции «[вместе] с»): страна (вместе с) людьми, относящимися к ней, город (вместе с) жителями», «царь (вместе с) народом». Действие, выраженное глаголом, можно с одинаковым успехом отнести к причисленным объектам и к *taḡṣuapaḡaḡi*, однако же последнее слово стоит не в абсолютном падеже.

Так как во всех приведенных случаях можно видеть показатель мн. числа /*pa*/⁶⁰, то падежным окончанием следует считать /*paḡi*/.. Судя по приведенным примерам, он выражает совместный падеж (комитатив).

Этот вывод подтверждается данными хурритского языка, в котором известен комитативный падеж на /*ga*/⁶¹. Его частотность в так называемом «Митаннийском письме» по сравнению с другими падежами низка, и поэтому не следует удивляться редкости соответственного падежа /*paḡi*/ и в урартском. Последний нужно, на основании хурритского соответствия, рассматривать как составной суффикс /*ga-pi*/; вторая его часть /*pi*/, несомненно, тождественна инструментальному (отложительно-творительному) падежу /*pi*/, который хорошо известен в урартском⁶² и, как будет показано в следующем разделе, может быть обнаружен и в хурритском.

III. ХУРРИТСКИЙ АБЛАТИВНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПАДЕЖ /ne/

8-я таблица очистительного ритуала Шалашу из Киццуванты⁶³ содержит хеттско-хурритскую билингву⁶⁴. В хеттской версии сказано:

Об. III 45' . . . ki-i [t-pa]-an-da-la-az iš-ḫi-la-an-da-an 46'
 [I] a-a-at-ten LÚ GIŠ-[ru-wa-a]n-da-an-ma-kān GIŠ-ru-wa-az
 47'[ar-ḫa] tar-na-at-[ten

«Немедленно развяжите связанного. отпустите прикрепленного к колку от колка!».

Хурритская версия сохранилась неполностью:

Об. IV 45' . . . ar-ḡa (-) an-du-[ ] x-ar
 46' ḫé-e-ḡe-ne ḫé-e-er-pa-a-al ḫé-[ ] x x [ ] x-iš
 47' zu-u-ul-a-zu-ul-lu-ú-ti-iš

Императиву мн. ч. *latten* хеттского перевода, очевидно, нет соответствия в хурритском оригинале. Обычно хетт. *la-* передает хурр. *ḫivirist-*, которое нельзя поместить ни в лакуне в конце стк. 45', ни в такой же лакуне в стк. 46'. Но в конце стк. 46', очевидно, следует поместить форму, имевшую то же окончание, что и *sulludiz* в следующей строке и, надо полагать, так же являющуюся синонимом к *sulludiz*, как хетт. *la-* представляет собой синоним к *arḫa tarpa-*. Вероятно, следует выбрать восстановление, исходя из аналогии с КВо XXIII 23 (Haas/Thiel, Allalt. № 4,1), лиц. 19': (*ḫi-ri-lp-a-ti-ḫi-lr-p [u]-ti-iš*)⁶⁵.

Отождествление *ḫeri* с GIŠ «дерево» установлено Ф. Хаазом и Г. Ю. Тилем путем указания на морфологическое соответствие хетт. *taḡuḡant-* с хурр. *ḫegibade*⁶⁶. Однако они не высказались по поводу падежной формы *ḫegene*, переведенной в хеттской версии аблативом (отложительным падежом) *taḡuḡ az*. Так же и Ларош⁶⁷ цитирует эту форму, не указывая ее падежа. Представляется вероятным, что /ne/ следует определить как граммема аблативно-го падежа и в хурритском.

В том же тексте имеется и дальнейший материал, подтверждающий существование хурритского аблатива на /ne/: стк. 38' сл. хеттского перевода читается: IŠ-[TU] É EN 'SISKUR-wa' p [a-ḡ]a

-a ú-wa-u-en „из дома жертвователя („господина жертвы“) мы вышли“⁶⁸.

Хурритский оригинал гласит в этом месте:

38'

. . . [. . .]

39' aš-ḥl-la-aš-še-ne x-x-ti-il⁶⁹ . . . где ašḥlassē — номинализованная форма эргативной формы 3 л. ед. ч. от основы ašḥ- „жертвовать“ (ašḥ-l-ya-sse)⁷⁰. Эта форма употребляется в группе ритуалов Аллаитураххе/Шалашу и помимо того в ритуалах „старухи“ (^{SAL} ŠU. GI)⁷¹ в качестве синонима более известного ašḥo-žikkonne „жертвователь“, но именно только во фразе ḥll-i ašḥ-i-ya-sse, что соответствует хетт. pu-kán EN SISKUR ŠUM-ŠU tezzi „и она называет жертвователя по имени“⁷².

Поскольку ašḥ-i-ya-sse-ne не стоит в род. пад., постольку совпадение обеих версий является неполным. Предположить, что перед нами абсолютный падеж, исходя из априорно возможного отождествления написания -né как артикля ед. ч. /ne/, значило бы не оставить уже никакой связи с высказыванием, содержащимся в хурритском предложении и признать, что хеттский переводчик совершенно не понял оригинала. Это, однако, весьма маловероятно, поскольку данное предложение находится в осмысленной связи со следующим, которое, несмотря на разрушения в строке, явно совпадает с соответствующим хурритским предложением⁷³. Поэтому и здесь вероятнее всего принять значение аблатива: хурритская версия гласит «от жертвователя», а хеттская дает парафраз «из дома жертвователя».

В «Митаннийском письме», пока наиболее основательно изученном памятнике хурритского языка, до сих пор формы аблатива на /ne/ выявлены не были. Это объясняется смешением с артиклем ед. ч. /ne/ и «индивидуализирующим суффиксом» /ni/⁷⁴. Однако следующие примеры позволяют установить граммемы падежа на /ne/ (графически né-, ne-e) также в этом памятнике:

Mit. IV 124 сл. l-l-al-la-a-nl-l-in KUR u-u-mi-i-in-na^{MEŠ} [šu-ú-a]]-
la-ma-an e-e-še-ni tup-ra-aš-še-na^d Ši-mi-i-ge-néš ḥ [u-š] u-[u] d-du-
u-la-a-aš-še-na. Поморфемная транскрипция⁷⁵: ia-lla-nin omīn
-na sua-lla-man ēze-ne tupp-a-sse-na šlmīge-ne-z ḥuz-utt-ōl-
ā-sse-na

Речь идет о двух «относительных придаточных предложениях» обычной структуры, которая характеризуется тем, что определяемое слово, от которого зависит придаточное предложение, какова бы ни была его падежная форма, зависящая от его места в главном предложении, всегда является прямым объектом «относительного предложения». Если определяемое слово стоит не в абсолютном падеже ед. ч., то номинализированный глагол «относительного предложения» обозначается как определение к нему, а именно с помощью переноса суффиксов (т. е. маркировки согласования).

Глагольную основу *turr-* не следует сопоставлять ни с *turri* < аккад. *turrit* «глиняная табличка», ни с извлеченным из шумерно-хурритского словаря НАР-га = *ḫubulu* II, стб. II 23 словом *tub-* «сильный»⁷⁶. Судя по всем примерам из «Митаннийского письма»⁷⁷, оно означает «инетаться в наличии, присутствовать».

Глагольная форма второго относительного придаточного предложения неясна в двойном отношении. Основа *ḫuz-* известна в Нузи в значении «связывать»⁷⁸. Функция компонента основы */utt/* неизвестна⁷⁹, суффикс */ol/* обычно придает глаголу непереходное, возвратное значение и т. п.⁸⁰. На последнее мог бы указывать и тематический гласный */a/*, выражающий изъявительное наклонение неотрицательного непереходного глагола. Однако такому предположению решительно противоречит наличие эргатива *šimige-ge-pe-z̄*, который предполагает форму с эргативным суффиксом 3 л. ед. ч. */ya/*⁸¹. Фонетический характер сонорного в */ol/* не может быть причиной отсутствия тематического гласного переходного глагола */i/*, поскольку тот же согласный не оказывает такого влияния в формах *kul-i-ya* и *ra-i-ya*. Поэтому предварительно можно лишь предположить, что */ol/* может воздействовать на тематический гласный так же, как */ed/* и */oz/*^{*}. Таким образом, мы переводим оба относительных придаточных предложения следующим образом: «все страны, которые *éze-pe* (*éze* «небо») имеются, которые Солнце соединяет (?)»...

Если рассматривать *éze-pe* как абсолютный падеж, то он должен был, согласно правилам паратаксии (порядка слов), сто-

ять рядом с *otip-pa* «страны». Но при этом нарушилось бы согласование в числе и не получилось бы осмысленного перевода. Напрашивающийся перевод «под небом» приписывает граммеме /*pe*/ субэссивное значение, что вполне может рассматриваться как семантическая разновидность аблатива. Mit. I 84 сл. *še-e-pa-wu-ša-an . . . ta-še ar-li ta-a-a-pu-u-ša* ^{URU} *i-ḫi-be-ni URU šimi-i-ge-ne-e-we-ne-e-ma-a-an ū-pu-u-u-ša*. Поморфемная транскрипция: *šēpa-v-ūz-an . . . taše abli t̄an-ōz-a ig'ibe-pe (arde) šimige-ne-ve-ne-mān up-ōz-a*

Глагольная основа *up-* в непереходной форме переводится обычно как «приходить». Возможность применить одну и ту же основу как в транзитивном, так и в интранзитивном значении имеет параллель в урартском⁸². Эту возможность рассматривал уже Буш, однако он подчеркивает неясность контекста⁸³ и не касается вопроса о падеже, в котором стоит топоним. Предположение, что перед нами аблатив на /*pe*/, сразу снимает трудность этого пассажа: транзитивное соответствие к «приходить» будет «доставлять», точнее говоря, семантика самой основы соответствует движению от одного пункта к другому с точки зрения последнего, причем этот пункт не должен быть местоположением говорящего. Трудно решить с полной уверенностью, соединяет ли здесь союз /*mān*/ предложения или слова внутри предложения⁸⁴; первое более вероятно, причем эргатив (*šēpa-v-ūz*) и абсолютив (*taše abli*) из первого — предложения относятся также и ко второму. URU *šimige-pe-ve* следует рассматривать как «тесную определительную синтагму»⁸⁵. Полногласное написание граммемы аблатива обнаруживает гласный /*e*/, который, возможно, следует предположить только для форм под ударением.

Таким образом, данный пассаж следует переводить: «брат твой... дар-*abli* сделал и из Игибе, города бога Солнца, доставил».

Два топонима, несомненно, в аблативном падеже встречаются в следующем обращении к божествам, которое неоднократно

⁸² [Т. е. как показатели видов. Но в таком случае следовало бы ожидать, что суффикс /*ol*/ занимал бы ту же позицию в цепочке суффиксов.— *Прим. ред.*].

встречается в серии: „mān-za ANA^D ukulš S/SKUR šarraš šipanti⁸⁶:
 KBo XXIII 42+1 (=A): KBo XXI 28+1 (=B); KBo XX 128
 + III (=C): KUB XXV 47 1 (=D); KUB XXXII 44 обор. (=E);
 KBo XXII 165 (=F)

A^{27'} -i] š^D I [M-up] ^{28'} URU A-ar-ra-ar-ḫ[e-

B^{27'} a-aš-šl-lš^D U-up^U [R] U A-ar-ra-ar-ḫe-ni

C^{17'} a-aš-še-eš [ ] ^{18'} [URU A-a]r-ra-ar-l-ḫel-ni URU Kum-me-ni

D^{7'} URU Ku]m-me-ni

E^{27'} -r]a-ar-ḫe-ni URU Kum-me-ni

F^{11'} -a]p-ḫe-e-ni URU Kum-mi-ni

Поморфемный анализ: asse^z te^sso^b ar^rap^he - ne Kum^me - ne
 „Воссядь⁸⁷, Тешшоб, из Аррапхе (и) из Кумме!“.

Из хеттских источников хорошо известны обращения к богам с призывом их из их главных культовых мест⁸⁸. Кумме считался исконным городом Тешшоба, который, между прочим, обозначался как «царь Куммин»⁸⁹, Аррапхе—старый центр поклонения богу-громовнику в области хурритского расселения к востоку от Тигра⁹⁰. Поэтому в цитированном примере допущение собственно аблатива вероятнее, чем выражения аблативного происхождения, конкурирующего с притяжательными образованиями на /g'e/⁹¹.

Однако то, что аблатив может употребляться и в последнем смысле, видно из текста Mari I : 34⁹²: te-š^u-ba-am ku-um-me-ne-en tu-wu-la-an-e-en. Поморфемный анализ: te^sso^ba - m Kum^me - ne - n tu^v - ol - an - en „Тешшоб (эргатив) из Кумме (+ артикль ед. ч.)⁹³ да очисти⁹⁴ тебя“.⁹⁴ Ср. также] ku-um-me-ne-en Mari 6 : 10.

Из обоих примеров вытекает, что /ne/ могло—диалектально или позиционно—сокращаться до /n/.

В цитированном в начале раздела отрывке из билингвы в 8-й таблице ритуала Шалашу как в хурритской, так и в хеттской версии неоднократно появляется слово «гора» (хурр. fabni, хетт. логограф. ḫUR. SAG). Судя по хеттской версии, всюду, даже где текст неполностью сохранился, имелся аблатив⁹⁵. В хурритском оригинале мы встречаем в том же контексте дважды ра-ра-an-ne-e-en (стк. 34', 38').

В основах на -Спі⁹⁶ суффиксирование артикля приводит к анаптиксе с выпадением конечного гласного основы, вероятно с переносом ударения с предпоследнего слога основы на следующий за тем слог: *fabpi - ne → fabanne*; ср. *everni - ne → evrenne*, *ḥavunni - ne → ḥavunne*. Согласный-п в ауслауте может толковаться либо как аблатив, либо как усеченная форма энклитического личного местоимения 3 л. ед. ч.⁹⁷. Однако в последнем случае *fabanne-p* следовало бы рассматривать как форму абсолютного падежа, которая, однако,—все равно, рассматривать ли ее как субъект непереходного глагола, или как прямой объект переходного,—не находит никакого соответствия в хеттской версии. Таким образом, эту форму следует, подобно цитированному выше *kitte-ne-p*, рассматривать как усеченную форму аблативного суффикса (в такой форме только после предшествующего /ne/?).

Еще одно употребление падежа на /ne/ видно из следующего пассажа:

Mit. IV 32 сл.: *ti-ša-a-ma-a-an še-e-ni-lw-wu-ú-e šuk-kán-né-en ra-ti ti-we-e-né-en ḥi-su-ú-ḥu-ši-uw-wu*. Поморфемный анализ: *tā - mān šen iffu - ce šukkan - ne - n radi tive - ne - n ḥic-ūg' - ōz - i - uffu*.

В глагольной форме содержится эргативный суффикс 1 л. ед. ч. в комбинации с отрицанием. Тем самым требуется абсолютный падеж, который и представлен словом *tāza* «сердце». Напротив, *tive* («слово, дело») по семантическим основаниям не может быть абсолютным падежом, поскольку значение глагола *ḥic=ūg'* («обижать», соотв. аккад. *šimḡiṣu*) с бесспорностью устанавливается на основании параллельных мест и сравнения с аккадскими письмами Тушратты⁹⁸.

Обсуждая это место, уже Спейзер интуитивно нашел правильное значение, хотя не сделал из этого выводов для хурритской падежной системы. Он переводит⁹⁹: *even by one (...) distant word* («даже единым (...) отдаленным словом»)¹⁰⁰.

Можно принять /ne/+/p/ за артикль ед. ч. + падеж /ne/ или за падеж *p(e)*- + краткую форму энклитического местоимения 3 л. ед. ч. Однако контекст говорит скорее в пользу неопределенной (индетерминированной) формы, т. е. в пользу второго реше-

ния. Перевод: «и сердце брата моего затем (?) каким-либо (?) делом не обидел я».

Таким образом, в данном случае падеж на /пе/ выполняет роль инструментального (творительного).

Падеж на /пе/ в инструментальном значении по-видимому встречается в многочисленных пассажах хурритских заклинаний из Хаттусы. К сожалению, в большинстве случаев соответствующие места содержат пока столько нерешенных морфологических, синтаксических и семантических проблем, что лишь в немногих из них можно исключить предположение о том, что под графикой -пé скрывается артикль ед. ч.

Во всяком случае, инструментальный падеж на /пе/ налицо, несомненно, в следующем предложении, встречающемся в многочисленных параллелях и вариантах в ритуале „mān-za ANA Hebat kulš kešĥeta širanti“ („Libation au trône de Hebat“) ¹⁰¹; по контексту в нем следует видеть призыв (инвокацию):

КВо XXI 33 + I 23 сл.:

23 a-aš-še-eš^D Hebat šu-u-ni-lp

24 šl-la-a-i a-aḥ-ḡa-a-i ū-na-am-ma^{Giš} ki-e-eš-ĥé-ew-wē- < ne >

25 ke-el-t[e]-i-e-né a-am-ba-aš-šl-né ke-e-lu.

Поморфемный анализ: assez ĥebat šuni - v šly - ai a ḡ't - ai up-a-mma/kešĥe-v-ve- < ne > kelde-ye-ne ambassi-ne kel-o

Форма kel=о чередуется в предложениях, в остальном структурно идентичных данному, с формой kel-o-m¹⁰². Если до сих пор в обсуждении конечного -m этой формы исходили из инфинитивного суффикса /umme/ ≈ /umma/¹⁰³, то после того, как Г. Ю. Тиль и И. Вегнер¹⁰⁴ на основе KUB XLVII 78 1 12'—14' представили доказательства существования энклитического местоимения абсолютного падежа 2 л. ед. ч. /mma/ ~ /m/¹⁰⁵, представляется возможность увязать такие формы, как up-a-mma и kel-o(-m) с 2 л. ед. ч., то так или иначе вызывается инвокативным характером текста.

Форма up-a с энклитическим абсолютным местоименным суффиксом хорошо известна по „Митанийскому письму“: ūl-ā-Ḥa-ān „и они приходят“ Mit. I 115; up-ā-l-an „и они приходят“ Mit. III 19. Во всех случаях речь идет об обычной форме

предиката непереходного предложения. Наличие личного местоимения не обязательно, как, напр., *ra:siŋe ip-a* „посол пришел“ Mit. II 14.

Поэтому представляется возможным переводить и *ip=a=mta* в изъявительном наклонении. Этому, казалось бы, противоречит то обстоятельство, что контекст—обращение к боже-ству во время жертвоприношения—явно предполагает призыв, а не утверждение. Разрешение трудности дает то наблюдение, что переходный императив образуется от глагольной основы с тематическим гласным транзитивности /i/: *ag-i* «дай!»¹⁰⁶, *pa-i* «знай!»¹⁰⁷. Следует а priori предположить, что непереходные и «медиальные»¹⁰⁸ императивы должны были образовываться с соответственными тематическими гласными /a/ и /o/. Формы *ip-a* «приди!» и *kel-o* «будь благополучен!» полностью укладываются в постулируемую парадигму. Следует, однако, обратить особое внимание на факультативное присутствие энклитического местоимения 2 л. ед. ч., что, таким образом, не позволяет уже отличать изъявительное наклонение от императива по этому признаку. Однако и твердо установленный императив переходного глагола в этом отношении тоже амбивалентен, совпадая с анти-пассивом.

Факультативное присутствие энклитического местоимения, выражающего абсолютный падеж, исключает возможность отождествления конечного *-pe* двух предшествующих слов в качестве артикля ед. ч., ибо это означало бы, что и они стоят в абсолютном падеже. Признание инструментального падежа на /pe/ разрешает эту трудность. Присутствующая в тексте форма *ke-e-eš-ŋe-ew-we* можно анализировать как (*kešŋe-v-ve*) и перевести как „твоего престола“. Против этого, однако, можно возразить, что определяемые подобного родительного падежа, *kelde* и *ambāšši*, не стоят в абсолютном падеже, а следовательно, требуют переноса суффиксов. Но поскольку в цитируемом ниже тексте КВо XXIII. 12 об. (?) 21 в сходном контексте *kešŋe* ясно стоит с суффиксом притяжательного местоимения 1 л. ед. ч. с падежным суффиксом аблатива-инструментального, постольку приходится толковать *kešŋe* как „престольную жертву“. Соответственно в КВо

XV 33+I 24 надо эмендировать (-ne) и переводить: „Воссядь, Хепат, ты сама (?)¹⁰⁹, приди ради воды и благовоения¹¹⁰ твоего трона (= тронной жертвы), будь благополучна с помощью его (= жертвователя) жертв keldi и ambašši“.

Текст KUB XLV 3 I 14 (//КВо XXIV 58 + лиц. I')¹¹¹ содержит совершенно сходное речение, кончающееся словами ge-el-te-eb-bi-ne ge-lu' (keld-iffe-ne kel-o „благодаря моей жертве keldi будь удовлетворена“). Так как здесь суффиксальное притяжательное местоимение предшествует суффиксу (ne), этот последний не может быть артиклем ед. ч., который стоял бы перед местоименным суффиксом¹¹². Артикль может появляться справа от притяжательного суффикса только в том случае, если он несет коррелятивную функцию «переноса суффиксов». Но в этом случае должен был бы предшествовать определительный (атрибутивный) суффикс¹¹³, а следовать за артиклем — показатель падежа или другая способная к согласованию граммема¹¹⁴.

То же касается приписки (мелким почерком) к хурритскому речению в уже ранее цитировавшейся 2-й таблице ритуала „тап-за АНА Хепат kuliš kešheta šipanti“: КВо XXIII 12 Об. (I) 21: ge-eš-ḥé-ew-wi₁-ni ge-lum. Поморфемный анализ: kešh-iffe-ne kel-o-m „моим тронном (= тронной жертвой) будь ты удовлетворена!“.

Синтаксически сравнимы еще некоторые речения из литературы хурритских ритуалов, напр., KUB XXXII 44 лиц. II 2—3 (восстановления по об. III 13 и КВо XXI 28+лиц. II 38—39)¹¹⁵.

2 [ú-la-ar g] e-lum-ma ^DHe-bat ^DŠar-gu-um-ma še-'né¹-e [š-še-i]-¹e¹-[né]

3 [ge-el-te]ʔ-i-e-né ku-la-a-am-tu-ur-ši-l-e-né. Поморфемный анализ: ula = v kel = o = mma ḥebt šarrumma sene = ye = ne [kel-de]ʔ = ye = ne kulammurzi = ye = ne „твоя ula, ты будь удовлетворена, Хепат, Шаррумма, благодаря его (жертвам) senesse-, его [kelde](?) и его kulammurši“¹¹⁶. Притяжательный суффикс относится к жертвователю (заказчику жертвы, ÉN S(SKUR)).

Также и 3-я таблица ритуала itkaḥ (h)e¹¹⁷ содержит предложение, состоящее из ряда названий жертв с притяжательным суффиксом плюс /ne/ и императива kel-o-m:

IBOT 39 об.

14 [...] gul-zi-ḫi-ia-né

15 [k] u-un-zi-ḫi-ia-né zu-zu-ma-ki-ia-né ḫu-u-i-ḫi-ia-né x-bi-ia-né ḫa-ḫa-ri-ia¹-né

16 a-na-né-eš-ḫi-ia-né ú-ni-ḫi-ia-né ke-el-di-ia-né zi-[x]-ia-né ḫu-ú-u [p-x-ia-né]

17 kam-ma-an-ḫi-ia-né ga-li-ia-né ga-aḡ-ga-ri-ia-né du-ú-ni-ia-né [am-ba-aš]-ši-né ge-lum! (в тексте: -mi).

Насколько можно понять названия жертв по хеттской версии контекста, речь идет о „целительных понятиях“¹¹⁶ zuzumaki, anapeshi, unihī, keldi, ambašši), местностях (ḫari) или злаках и хлебах (kammanḫi¹¹⁹, gaggarī, dupi)¹²⁰. Уже исходя из семантики хурритских жертвенных терминов Ф. Хааз и автор настоящей статьи пришли к заключению, что хурритские термины для жертв, встречающиеся как в хурритском, так и в хеттском и аккадском контекстах, должны содержать притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. -ia¹²¹.

Установление аблативно-инструментального падежа на /ne/ позволяет бросить новый свет также на цитированный там же пассаж из ритуала itkaḫ(ḫ)e. Теперь отпадает сделанное в свое время предположение, что конечное -né можно во всех случаях идентифицировать с местоименным суффиксом 3 л. ед. ч. (Mit.: /n/ ≈ /nna/)¹²². Определение конечного -ia (без последующего -né) как последовательности граммем притяжательного местоимения 3 л. ед. ч., и эссивно-дестинативного («стативного») падежа остается в силе, но это объяснение отпадает для хурритских форм с последующим /ne/. Объяснить /ya/ в этом случае можно только как притяжательное суффиксальное местоимение 3 л. ед. ч. под ударением, как в урартском¹²³, причем также перед аблативно-инструментальным суффиксом¹²⁴. Наряду с этим в Богазкёе, несомненно, существовала и форма /ye/ (см. выше, с.). Исходная форма /ya/ подсказывается не только сравнением с урартским, но также и формой эргативного личного суффикса 3 л. ед. ч. /ya/ ≈ /a/ и диалектальным различием форм притяжательного суффикса 3 л. ед. ч.: /i(y)/э (митаннийский) ≈ /a/ (шуммеро-аккадская билингва, Угарит)¹²⁵.

Бесспорной формы аблативно-инструментального падежа мн. числа я пока не смог установить, однако вполне возможно, что таковой окажется форма $\text{HUR.SAG}^{\text{Hl.A}}$ -па-ša-pi (fabap = па = aš = a = ne) КВо XXIII 23 об. 42' (контекст разрушен). Если это толкование правильно, то мы здесь имеем при последовательности граммем „показатель мн. ч. плюс падежный показатель с согласным началом“ анаптиксу с /a/ (ср. эргатив мн. ч. = aš = u = z, комитатив мн. ч. = aš = u = ga).

Падежная граммема /ne/ с функцией аблатива и инструменталиса имеет точное соответствие в урартском¹²⁶. То обстоятельство, что большинство примеров удалось привести из богазкёйских текстов и лишь немногие — из «Митаннийского письма», вероятно объясняется тем, что в языке последнего выработалась новая граммема для аблатива, а именно, суффикс /dap/, составной из показателя падежа директива /da/ и сокращенной формы аблатива /п/¹²⁷. Насколько можно судить, этот показатель не имеет инструментальной функции. Он употребляется, так же как и /ne/, равно при одушевленных и неодушевленных предметах: sēp-iffu-dap „от брата моего“ Mit. III 90; pig'-arrē-dap „из-за подарка“ Mit. II 61. Показатель /dap/ имеет, однако, специальные значения, не установленные для /ne/ и его урартского соответствия /пə/. Так, он употребляется в сравнении (leb-āp-š-ō-sse tea atta y-irre s-pē-dap „то, что ты установил, больше, чем отца твоего“ Mit. III 69) и может иметь также каузальное значение (annu-dap ue-pē-dap „из-за всего этого“ Mit. III 108, ср. III 124).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *J. Friedrich*, *Caucasica* 8 (1931), 114—120.

2 Там же, 127.

3 Там же, 128.

4 Там же, 127, прим. 5.

5 *A. Goetze*, *ZA* 39 (1930), 112.

6 *A. H. Sayce*, *JRAS* 1882, 434.

7 Напр., *menpašc išruḥiḥiḥ šz* „Менуа, сын) Ишунни“, *J. Friedrich*, там же 126.

8 Напр., *argištiḥ nill* „город Аргишти“: там же.

9 Там же, 127, прим. 5.

10) *Friedrich*, Einleitung 9, *И. И. Мещанинов*, Грамматический строй урартского языка I, М. 1954, 87; *Friedrich*, Urartäisch 38, § 18b; *Melkišvili*, US 32; *Diakonoff* HuU 71. Напротив, скептически в этом отношении настроены *М. Церегети* (*M. de Tseretkeli*, RA 31 [1934] 4?) и *Бенедикт* (*Benedict*, UPM 124-13?)

11 *Diakonoff*, HuU 70, пункт 3.

12 Новое исследование этой морфемы принадлежит *Ф. У. Бушу* (*F. W. Bush*, The Relationship between the Hurrian Suffixes -ne/-na and -nne/-nna, в кн. Orient und Occident [Fs. C. H. Gordon], AOAT 22, Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1973, 39-52). См. также прим. 74.

13 *E. von Schuler*, RHA 68 (1961) 19-23; *Bush*, GHL 274 сл. Суффикс /nne/ ошибочно отождествлялся с артиклем ед. ч. /ne/, ср. *E. A. Speiser*, Introduction to Hurrian, AASOR 20, New Haven 1941, §§ 86a, 89, 137, 159; *Kammenhuber*, Hurrische Nomina, в кн.: Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde, Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein, Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft 14, Innsbruck 1968, 248 сл., 257; она же, MSS 23 (1968), 49 сл., 58; она же, UF 2 (1970) 301; *E. Laroche*, Ugaritica V, Paris 1968, 530.

Часто /nne/ входит в комплекс /kknne/, образующий имена действующего лица, в которых /kkn/ — показатель имени деятеля, ср. нередко встречающееся хурр. ašḫu-kknne „жертвователю“ — где kkn не может иметь своего обычного значения отрицания. Против скептицизма *А. Камменхубер* (*A. Kammenhuber*, UF 2 [1970] 302) сомневающейся, что угаритско-хурритское ašḫim = угарит. dbḫ „жертва“ можно огласовывать как ašḫu/olimne и отсюда давать морфемный анализ ašḫ-o-1-kknne, говорит урартский глагольный корень ašḫ- „жертвовать“ (HchI 175; УКН 390 сл.; *Diakonoff*, HuU 76). В урартском тоже имеются имена деятеля с формантом /k(k)/; пока единственный пример ^{LU}urbikan „жрец заклятия(?)“ (от urb „закалывать“). *И. М. Дьяконов* указывает также на ^{LU}ṣi-ri-,ka-a УКН, 286. Буш *F. W. Bush*, AOAT 22, Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1973, 39-52) справедливо резко отделяет артикль /ne/ от „ассоциатива“-nne, которому он приписывает адъективизирующую роль, подобную /ge/, а также возможную „партиципальную“ функцию.

14 *Diakonoff*, HuU 71, прим. 72 к (3); 103. Приведенные на этой странице примеры не убеждают; речь идет исключительно об именах собственных, известных только по этому месту, морфология которых частично ясна, и которые все могут трактоваться как имеющие просто форму родительного падежа.

Некоторые из этих имен содержат элемент (iu), который *Дьяконов* (HuU 18, 68) находит главным образом в закавказских топо- и этнонимах и в трех урартских названиях профессий. По мнению *Дьяконова* (там же, 18), эта форма не имеет хурритских параллелей; такие имена собственные из Нузи, как: Акину, Аривалтину, Атину, Эитну, Ханну, Хашну, Иккну, Ка-

нгу, Карну, Кяккю, Кузну, Машну, Меткю, Натну, Палтуккю, Пелю, Валинню, Зинню, Зякю, он считает аккадоизированными формами уменьшительных на -ю.

15 Дьяконов (HuU 109) считает притяжательным суффиксом 3 л. -(i)'ja- (перед дальнейшей энклитикой и под ударением) ~ -(i) j(ə) (без ударения в конечном положении). Первый алломорф можно считать падежным из-за соответствия формы ul-gu-šl-i-a-ni e[di-ni] = аккад. 'ana' ru-ut ba[š]i (TI.LA)-šú „за его жизнь“ Hchl 9 = УКН 19 = *Benedict.*, JAOS 81 (1961) 372, /362 : 13/ /12. Доказать второй алломорф труднее, поскольку он в большинстве случаев, как и здесь, следует после -i-. Однако и он, надежен, поскольку e-šl-i-(i)-e является слоговым соответствием логографического написания EN. ŠÚ „его господину“.

16 Подобные же многочисленные примеры см.: *Friedrich*, *Causasica* 8 (1931) 115—117; *M. de Tserethell*, RA 32 (1935) 36 сл.; *Benedict*, UPM 156—161.

17 iaganl приравнено в Келяшской билингве к аккад. rag(r)akku, что в старовавилонском означает святилище («часовню»), в позднем языке—культовый постамент (*A. Schoff*, ZA 40 [1931] 19—23); в многочисленных поздних примерах неясно, имеется ли в виду святилище как целое, или только целла.

18 sila соответствует хурр. šala и потому значит „дочь“ ср. *J. Friedrich*, *Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik*, MVAeG 42/2, Lpz. 1939, 60; *Friedrich*, *Urartäische* 47; *Diakonoff*, HuU 77. Это значение не было принято Бенедиктом (*Benedict*, UPM 155: „жена“(?)“).

19 badusi лишь очень редко пишется с конечным знаком -si; чаще всего встречается написание -si-e, почти также часто -si-i-e (ср. УКН, 392). Если сравнить имеющие то же окончание слова alusi/e, pulusi/e, susi/e, часто встречающиеся в абсолютном падеже, то окажется, что написание на -si-i-e в них вообще не встречается (su-si-i-e УКН 405—неудачное (?) восстановление). Но написание -Si-i-e, особенно в более старых надписях, характерно для передачи дат. падежа ед. ч. Как дательный падеж воспринимали badusi (e) Гётце (RNA 3/22 [1936] 183, п. 16), де Церетели (RA 30 [1933] 31 сл.); Кёниг (Hchl 177) и Бенедикт (UPM 162); в остальных случаях badusi рассматривалось как прилагательное «величественный, великолепный» и т. п.; см. *M. Salvini*, *SMEA* 9 (1969) 21 сл., с библиографией.

Доказательство того, что это слово—прилагательное, Хьюли видел в написании ba-du-si-i-e^{MEŠ} (*P. Hulln*, *AnSt* 8 [1958] 244, п. 26, с оговоркой „если только MEŠ на камне не является опиской“); знак множественного числа соотносится здесь со множественным числом „халдней ворота“ (^Dhal-di-ni-ii KÁ^{MEŠ}; ср. ^DHal-di-ni-ii GIŠ KÁ-ii *H. В. Арутюмян*, НУНКБ, с. 38, стк. 1 и прим. 120. Против этого можно возразить, что badusi (e) нигде, где оно относится к имени во мн. ч., не согласуется с ним в числе (если его рассматривать как прилагательное). Если счи-

тять, что прилагательные, за исключением образований на hi , вообще не согласовались с определяемым, то это обесценило бы доказательную силу примера $ba-du-si-i-e$ ^{MEŠ}. Если же согласование прилагательного было обязательным, то неоднократная постановка $badusi$ (e) в ед. ч. при имени существительном во множественном числе говорит против того, что это прилагательное. Поэтому при существующем сейчас распределении зарегистрированных форм $badusi$ (e) с $MEŠ$ и без $MEŠ$ при имени во множественном числе довод Хьюлина не может считаться доказательным.

Нельзя ссылаться и на то, что окончание $-usi$ —исключительная принадлежность прилагательных, ср. $ugišūsi$ «склад», несомненное существительное. Форма $badusi$ (e) образована от $badi$ —это слово засвидетельствовано, но семантически неясно. Против понимания этой формы как прилагательного говорит, наконец, его положение внутри предложения, поскольку оно ни в коем случае не предшествует непосредственно определяемому или следует непосредственно за ним, что следовало бы ожидать при прилагательном,—но нередко отделено от него глаголом.

При обработке отождествленной им квази-билингвы М. Сальвини недавно пришел к отождествлению $badusi-e$ -аккад. adi $imiddi-šu$. Он переводит „alla perfezione“ (до совершенства), однако оставляет точное значение данного места текста без рассмотрения. См. *M. Salvini, Una „bilingue“ assiro-urartea*, в кн. *Studi Mediterranea Piero Meriggi dedicata I Ravla 1979*, 584—589. В отличие от предлагаемого ниже анализа, Сальвини видит в форме $ūaldi-ni-e$ артикль ед. ч. в прямом смысле, а не в функции коррелятора суффиксов („*al dio, per il dio Ūaldi*“—к богу/для бога (опред. артикль) Халди).

Ассирийское соответствие подсказывает в урартоком тексте адвербиальный оборот, возникший из имени существительного в дательном падеже (указание Дьяконова). В хурритском и наречия могут иметь определения родительным падежом, как видно из предложения, цитированного ниже под (27). Соответственно, в упомянутом случае допустим и перенос суффикса, так как имя божества Халди обычно не детерминируется (ср. прим. 36).

20 Ср. *W. C. Benedict JAOS 81 (1961) 372:20// 362:17* и комментарий 367.

21 Ассирийская версия в этом месте не вполне ясна М. Церетели (*M. V. Tseretheli Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu. Sitzb. der Heidelberg Ak. der Wiss., Phil., -hist. Kl., Jg. 1927/28, Abh. 5, Heidelberg 1928*) и вслед за ним Фридрих (*Caucasica 8 [1931] 130*)

читают с интерполяцией i -на $\langle qi \rangle$ - bi - li ^D $Hal-di-a$; так же $Hchi$, стр. 145. Но Меликишвили (*УКН*, стр. 324, ассир. версия 16) читает $[i]$ - na - $a-ma-a$, в соответствии с позднейшим чтением М. Церетели (*M de Tseretheli, RA 44 [1950], 190*). На автографу К. Ф. Леманн-Гаупта (*C. F. Lehmann, ZDMG 58 [1904], 831*) стк. 15 читается i - na bi - li .

22 ВДИ 1956/4, 140.

23 *Melikišvili*, US 75.

24 Там же, 32. В своем переводе текста (УКН, с. 176, 343) Меликишвили справедливо не передает этих выражений в абсолютном падеже: «до долины (?) Менуа», «в этой долине (?) (даря) Руса».

25 Знак *gi*, как нам кажется, ошибочно отделен Меликишвили от предшествующего *ḫibi* (УКН, с. 344) и рассматривается как неопределенное местоимение (обычно пишется *GE-(=je, ?)-e-i*). Мы согласны с письменным сообщением И. М. Дьяконова, что условные предложения, начинающиеся с *aš* в стк. 17—25, относятся к предыдущему предложению стк. 16: «Для здешней долины Русы (установлено): «Если...» и т. д. Таким образом, в слове *hu-bi-GE* содержится суффикс дательного падежа. Н. В. Арутюнян же замечает, что в Звартноцской надписи Русы II, в фразе *inukaḫni-e^I Rusaini-e ḫibi-gi aše piš nikidull* и *inukaḫni-e, n^I Rusaini-e* и *ḫibi-gi* одинаково стоят в дательном падеже: «Этой Русаевской долине когда канал *nikidull* . . . .»

Дьяконов (НиУ 50) предлагает в ряде случаев ввести чтение *jaḫ ḫi, juḫ* для *GA, GI, GU*. О чередовании *g/j* в урартском подробнее см. Н. В. Арутюнян, Бвайяли (Урарту), Ереван, 1970, с. 419. Указанный «глайд» появляется также перед суффиксами род. и дат. п., ср. *Melikišvili* US 22. Может быть, морфемы род. и дат. п., следует вообще в принципе восстанавливать как */(j)i/*, */(j)e/*, на что могли бы указывать и частые в более ранних текстах полногласные написания *-e-i*, *-i-e*. Тогда сопоставление с соответствующими хурритскими суффиксами (*ve*) и (*va*) не составляло бы никакой проблемы; последние при известных условиях билабиализуются (*>(ue)* и (*ua*)), а (*ve*) в известных позициях вообще реализуются как (*ue*), ср. *Bush*, GHL 90 слл. Гласный морфемы род. п. в богазкёйском хурритском произносился более закрыто, чем *e*, отсюда такие написания, как *wi*, наряду с *we*. То же колебание в написании морфемы род. п. между *e* и *i* дает и урартский язык: ср. *Friedrich*, *Urartäisch* 37 § 11, 39, § 23.

26 *Melikišvili*, US 74.

27 *F. M. König*, *Nchl* p. 191b: *Friedrich*, *Urartäisch* 52; под сомнением *Benedict*, *UPM* 123 сл.

28 Так, Фридрих (*Friedrich*, *Einführung* 49: „stark (??)»; он же, *Acta Jutlandica* 9 (1937) 530 („machtig“); Меликишвили (УКН, с. 400: „могучий“; *Melikišvili*, US 76, 84 (mächtig, kräftig, gewaltig, hoch—„высокий“ [о горе]).

29 К значению ^{GIŠ} *šur/e* „оружие“ см. *Benedict*, *UPM* 123 п. 9 с библиографией. Недавно урарт. *šur/e* этимологически сопоставлено с хурр. *šur/i* „оружие“, см. *V. Haas*, *OrAnt* 11 (1973) 233. И. М. Дьяконов возражает, однако, против этого толкования, считая, что переход хурритского дифтонга *aḫ > ú/û* не засвидетельствован и что ожидалось бы скорее *a или *eu.

30 *Nchl* 40 A, 40 B, 101a, 101b, 112 B, 112 C, 130 A (чит. ^E *d-gi-[i]šii*), 130 B = УКН 112—117, 118a, 150, 151, 262—263, 177—190, 283, 270—274d.

- 31 *J. Friedrich*, ZDMG 111 (1961), 285—287, Taf. I, III = УКН II 443.
 32 *J. Friedrich*, Zum Subarätschen und Urarätschen, Fs. A. Delmel, AnOr 12, Roma 1935, 127 сл.; *он же*, Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik, MV AeG 42/2, Lpz. 1939, 61.

33 Только Сальвини недавно заговорил об «элементе наращивания суффиксов (pi)»; см. его Приложение *K. Melikisölli*. US, 97.

34 *Melikisölli*, US 31; также *Benedict*, UPM 126 сл.

35 *Diakonoff*, HuU 100, п. 106; ср. также *Гамкрелидзе*, ВДИ 1956/4, 140. Возражения *Бенедикта* (UPM 127, п. 17) со ссылкой на конструкции с *urlišji* и *urlišjusi-pi* несправедливы; единственный противоречащий пример основан на восстановлении лакуны (*Benedict*, UPM 126), о котором выше прим. 30.

36 Роль энклитического личного местоимения 3 л. ед. ч. для обозначения исхода действия в неэргативном и цели действия в эргативном предложении была определена *А. Гётце* (*A. Goetze*, JCS 2[1948] 259 сл.); он же обратил внимание на сокращенную форму -п. *Фарбер* (*Farber W.*, Or. 40 [1971] 29—66) установил функционально идентичные сокращенные формы для всех энклитических местоимений (*d~/tta/*, */dil/~dilla/*, */l/~lla/*) и отождествил краткую форму */p/* (*/*, */ппа/*) с так называемой «копулой», не решаясь, однако, отказаться от понятия связки как синтаксической категории (с. 43).

Урартский суффикс (pi), отмечающий исход действия в неэргативных предложениях, воспринимался как первоначально артикль, который, в ходе развития «полуфлективных систем», в которые слились более уже ясно не различаемые суффиксальные позиции, превратился в показатель так наз. «определенного склонения»; ср. *Diakonoff*, HuU 89. Но поскольку артикль ед. ч. вне абсолютного падежа редко удается установить перед падежным окончанием (не перенесенным), а большинство примеров относится к его суффиксально-коррелятивной функции, то следует взвесить, не нужно ли объяснить иначе столь частые формы абсолютного падежа на -pi. Уже *Фридрих* задумывался над тем, не следует ли этот суффикс -pi отождествить с хурритской копулой (связкой); см. *Friedrich*, Einführung, 17. При такой интерпретации суффикс отпадает вопрос о странной детерминации собственных имен, не имеющей параллели в хурритском языке. Также и тот факт, что при двухчленном исходе действия элемент (pi) иногда стоит только при одном из слов (так в *Келяшинской билингве*, ср. *W. S. Benedict*, JAOS 81 [1961] 373 к стк. 4) мог бы быть рефлексом первоначальной позиционной подвижности копулы или, что то же, энклитического личного местоимения. Бесспорный случай артикля ед. ч. установлен недавно *Сальвини* (RHA 36 [1978], 160, 168). Смущает видимая омонимичность артикля и копулы (связки), она же личное местоимение 3 л. ед. ч.; но это может оказаться лишь мнимым явлением, если в случае копулы рассматривать написание -pi как имеющее

значение (п) без гласного (к проблематике см. *Diakonoff*, *HuU* 38 сл., прим. 32. Таким образом можно было бы установить точное совпадение урартского и краткой формы хурритского личных местоимений 3 л. ед. ч. (п).

То обстоятельство, что и артикль, и копула, и энклитическое личное местоимение 3 л. ед. ч. могут на общеязыковом уровне быть идентичными в смысле некоего местоименно-деиктического элемента, само по себе, может быть, и вероятно, но, не может, однако, позволить игнорировать их дифференциации в отдельных языках. Вовсе невозможно, вслед за Т. В. Гамкрелидзе (*ВДИ* 1956/4, 138) и Г. А. Мелкишвили (*US* 34, п 55), возводить все эти элементы к указательному местоимению *i*ni, поскольку его основа—*i*- (абс. ед. ч. *i*-ni, абс. мн. ч. *i*-ni-li, абл.-инстр. мн. ч. *i*-na-ni, лок. мн. ч. *i*-na-a).— Это местоимение может стоять и до, и после определяемого имени и тем отличается от указательного местоимения *i*na=, которое всегда стоит до него (абс. ед. ч. *i*na=ni абс. мн. ч. *i*na=ni-li, абл.-инстр. мн. ч. *i*na=na-ni [неопубл.]).

37 *Diakonoff*, *HuU* 100 п. 106.

38 Это касается и цитируемого Дьяконовым примера *tugris=je everti* («Турришский царь», *KUB* XXVII 38 Об. IV 14.

39 *Diakonoff*, *HuU* 100.

40 *Bush*, *OHL* 149—153, 157—159.

41 При основах на -a и -u морфема род. п. нередко элидируется, в том числе и

в этой позиции; ср. *DINGIR*^{MEŠ} *aiqana-^{*}i*-na-*ce* *HchI* 10 II 19/ /X

64=УКН 27 : 19; /64, но *D*_{ua}-*i*-na-*ce* *šešti*-na-*ce* *HchI* 10 II 20 //

X 66=УКН 27 : 20; /66; *URU* *qimeli-^{*}i*-na-*ce* *HchI* 10 II 14//X55=

УКН 27 : 14/ /55, [*URU*-*bablu*-*i*-ne-*e* *KUR* *ebant-ed*i (чтение

[*URU* *Va*-*bi*-*lu*-*i*-*ni*-*e* Хорхорской летописи предложено Н. В. Арутюняном—ЭВ, VII, с. 98—99, III 11; с ним согласны также Г. А. Мелкишвили—УКН 127 III 11 и Ф. В. Кёниг—*HchI* 80 § V). В последнем случае послелоговое происхождение суффикса направительного падежа оказывает влияние в том смысле, что определение не получает такого же направительного суффикса, а стоит в дат. п., который требовался первоначальным послелогом; ср. *ed*a, управляющее предшествующим арханческим дательным падежом на (*ce*).

42 Мы передаем, для ясности, коррелятивный артикль как (*ne*) (как в хурритском), хотя ситуация в урартском неясна. Точно так же мы условно везде передаем морфему род. п. как (*i*), морфему дат. п. как (*e*).

43 А. *Götze*, *ZA* 39 (1930) 115. Ср. *D*_{haldinani} *GIŠ* К. А. Н. В. Арутюнян, *НУ-НКБ*, с. 38, стк. 6; с. 39, стк. 14.

44 С. F. *Lehmann-Haupt* *Klio* 24 (1931), 156 сл.

45 J. *Friedrich*, *ZA* 40 (1931). 274.

46 *Mellkišvili*, *US* 38, также 40, 41; *Benedict*, *UPM* 176. Как ни странно, Фридрих не упоминает ясно об им же самим установленной морфеме мн. ч. /a/ ни в *Einführung...*, ни в *Urartäisch*.

47 *M. Salvini*, ZA 61 (1971) 253 n. 24.

48 *Melikšvili*, US 35.

49 *Diakonoff*, HuU 96.

50 *W. Parber*, Or. 40 (1971) 32—41.

51 Большое жертвенное расписание в надписи Мехер кадысы (Hchl 10 →

УКН 27) содержит еще пять подобных образований: URU^U ar-di-ni-na-ú-e

e DINGIR стк. 14/ /55; URU^U qu-me-ni-na-ú-e DINGIR стк. 14//55; URU^U

{u-uš-pa-(ni)-na-ú-e DINGIR стк. 14/ /56; KUR^R al-ga-ni-na-ú-e DINGIR

стк. 18/ /63; D^D šu-i-ni-na-ú-e DINGIR стк. 19/ /64. Во всех этих случаях

при DINGIR не стоит детерминатив мн. ч.; В урартском такой детер-

минатив необязателен, ср. KÁ~KÁ^{MEŠ} „ворота“. Однако в данном те-

ксте странно, что там, где после DINGIR стоит знак мн. ч. род. п. сле-

дует, а там, где знака мн. ч., нет, там род. п. предшествует слову DIN-

GIR (напр. DINGIR^{MEŠ} atqala = *l=pa=çe стк. 19/64). В пользу пони-

мания DINGIR как ед. ч. говорит не вполне надежно восстанавливаемое

место Hchl 102 III = УКН 156 : 13, где силлабический компонент ука-

зывает на дат. п. ед. ч.: I UDU ANA (??-или {I} D^D[šu-i-ni??]-i-na-ú-e

DINGIR-i-e. Если этот приме:—уникальный в отношении компонента—

принимать всерьез, то это бы значило, что при генетиве мн. ч. переноса

суффиксов не происходило. Как предлагает считать И. М. Дьяконов

(письменное сообщение), в урартском топоним с артиклем во мн. ч.

означает его жителей; таким образом /Ardini = pa = çe DINGIR/ следо-

вало бы переводить „бог ардинийцев“.

52. Наряду с директивом (направительным падежом) мн. ч. /naedi/ ~ /nadi/

встречаются образования с /ašte/, где сохраняется хурритский показа-

тель мн. ч. (для всех падежей, кроме абсолютного) (az), ср. *Diakonoff*.

HuU 102, n. 108.

53 При этом артикль стоит в позиции + 1, а притяжательный суффикс—в по-

зиции + 2; так, следуя Бушу (*Bush*, AOAT 22 [1973] 50) против А. Кам-

менхубер, MSS 23 (1968) 50, 58; последняя точка зрения повторена в

RLA 4. Lief. 6/7. 513. r. Sn.

54 Гетце А. (*Goetze*, RHA 3/22 [1936] 194): «ни здесь (?), ни где-либо еще (??),

где он будет пребывать»; Кёниг (*F. W. König*, Hchl с. 60 и др): «чье

згѣ и іпаіг: а жизнь да будут убиты и небытию (=уничтожению) пре-

даны»; Дьяконов (*Diakonoff* I. M., HuU 133): «ни божество его, ни чело-

век никуда да не унесут»; он же, OLZ 68 (1973) 12, n. 1: «никакое бо-

жественное существо (in-ae) его... не унесет». Г. А. Мелкишвили (УКН,

с. 153 и др.) оставляет этот пассаж без перевода, но комментирует его

в прим. 10 на той же стр. (mei частица отрицания, пага «народ» (?),

ašie, ašiel «где-либо, куда-либо», ulule от корня ulu- «уносить»).

55. Так справедливо у Сальвини (*M. Salvini*, AMI 10 [1977] 136).

56 Ср. enzarri <en (i) šarri и т. п. Haas V. *III. J. Thiel*, *BIOr* 30 (1973) 259: šen-lallrti „семьгрудая“, и подобные образования, I. Wagner, *Gestalt und Kult der Ištar-Šavuška in Kleinasien*, *Hurritologische Studien III*, AOAT 36, Kevelaer/Neukirchen-Vluyn, 1981, 81 сл.

57 Четырехязычный вокабуляр из Угарита колеблется в передаче слова tarzua (п)pi с двумя и с одним (п), однако окончание -pi никогда не отсутствует (tar-šu-wa-pa-p[*i*] Ugaritica V 130 II 5'; tar-šu-wa-an-pi *ibid* 8'; [tar]-š[u-w] a-an-pi, там же, 131, 7'; [tar-š]u-wa-pi там же, 137, II 31';) Рассматривать это окончание как артикль трудно, имея в виду, что все имена в хурритском столбце вокабуляра цитируются без артикля. Примеры из Богазкёя (где это слово представлено особенно часто) дают по большей части удвоенные п, например: DINGIR^{MES} -pa-a-ša tar-šu-wa-an-pa-a-ša a-a-bi-ta „перед богами и людьми“, KUB XXIX 8 IV 29 сл. DINGIR^{MES} -pa-šu uš eb-ri-in-pa-šu-uš tar-šu-wa-an-pa-šu-uš „боги, цари, люди (эргатив)“, KUB XXIX 8 III 37, tar-šu-wa-an-pi-bi „человека“ (род. п.)“, KUB XXIX 8 II 37, 45. Во всех этих формах наблюдается характерная для основы на r(V)-, l(V)-, n(V)-выпадение конечного гласного основы перед артиклем.

В «Митаннийском письме», где, в противоположность другим хурритским группам текстов, фонематическая оппозиция простых и удвоенных согласных в интервокальной позиции последовательно дифференцируется на письме, это слово встречается лишь дважды, причем во втором случае оно ранее не было замечено: i-ni-ú-še-e--pi-l-in ^Dšl-mi-ge tar-šu-an-piš . . . ta-ii-a . . . Также как Солнце человек . . . любит . . .” Mit. IV 121 сл. (ср. аккад. ki-l-me a-mi-lu-ú-tu, ^DUTU i-ra-'a-aš-šii „как человечество Солнце любит“, EA 20 : 76 сл. ^Mša-pi-en-na-ma-an pa-aš-ši-l-it-ḥi-lp ni-l-ri iš-ša-an-na-ma-an ú-gu-uk-k [u-u-u]n [tar]-šu-a-a-pi KUR u-mi-l-in-pa-še šu-[ú]-a-pi-a-ša-a-an-na-ma-ma-an „А Мане, посол твой, хорош очень (есть). не существует человек в странах всех подобный“ Mit. II 95 сл. Это толкование поддерживается весьма сходным оборотом в аккадском письме того же Тушратты: aš-šum ka-ii-šu-ni a-mi-lu-ú-ta ša ka-an-na er-ša im-ma-ti-ma ú-ul a-mir. „Что до них всех (т. е. до посла Мане, переводчика Хане), человека, что так создан, никогда я не видел“ (EA 21 : 29—31).

Во втором митаннийском примере («человек» в смысле «любое человеческое существо») мы ожидаем по контексту недетерминируемую форму, в первом — детерминированное (нем. ein Mensch—der Mensch) ср. taršupani, но *taršupani-pe-z̄ > taršupannez̄.

О еще не истолкованном материале к урартск. LÚ, LÚ UN, LÚ.LÚ см. Schäfer H.—P., *SMEA* 18 [1977] 259, 261 сл.

58 Как полагает А. Камменхубер, *Die Arter in Vorderen Orient*, Heidelberg 1968, 127, 224; ср. Дьяконов, *HuU*, 66.

59 Напр.: *ʾummi ʾiṣḥḥe=na ʾin ʾinlberohḥe=na* „четыре . . . (мн. ч.) два слов-
новой кости (мн. ч.) „Mit. II 59; но *nu-bi-lu šar-ti* 10.000 царей (ед. ч.)“,
KUB XXVII 38 № 29 — к сожалению, в разрушенном контексте.

60 См. выше

61 *Spelser E. A.*, IH 111 сл. *Bush F. W.*, OHL 142 сл. Примеры из „Митанний-
ского письма“: I 71, II 93, 116, III 64, 100 сл.; ср. также *Marl 7:9*. В бо-
газкейском хурритском /*ga*/. по-видимому, имеет функции, выходящие за
пределы комитатива. ср. *Haas V./Wilhelm G.*, Or. 41 (1972) 5, п. 6.

62 *Mellikšvili G. A.*, US 39.

63 KBo XIX 145 / /KUB XXXIV 101 ⇒ CTH Suppl. (RHA 30 [1972], 94—133),
*788, 1; обработка: *Haas V. /Thiel H.—J.*, Die Beschwörungssituationale der
Allatturah(h)l und verwandte Texte (AOAT 31), Kevelaer/Neukirchen
Vluyn 1978, 295—311.

64 Использовано для хурритского словаря: *Otten H.*, AFO 22(1968/9), 111 сл.
п. 1. *Laroche E.*, RHA 23 (1970) 57—63; *Haas V.*, SMEA 14 (1971) 139—
142; *Haas V. /Thiel H.—J.*, op. cit. 307—311; *Laroche E.*, Glossaire 53, 138,
297 и др.

65 Значение *sullud*-устанавливается благодаря отождествлению *pa-ʾiṣḥḥu=sū-
lu-du-me* (R. S. 20. 123+об. III, 3, Ugaritica V, 422. 244): „освобождают,
отпускать, развязывать“ (*Laroche E.*, RHA 28 (1970) 62; Glossaire, 318).
Формы на *-iṣ* следует бесспорно переводить как транзитивные императивы
на основании хеттского соответствия *arḥa tarḥatten*; передача как *arḥa,
tarḥep* „они отпустили“ (ср. VBoT 120 +I 16 = *Haas/Thiel*, Allatt., стр. 134
стк. 24 / / 873, u: 2' = *Haas/Thiel*, Allatt. 271), несомненно, ошибка пе-
реводчика. По сравнению с императивом ед. ч. (см. выше, с.) эти
формы имеют дополнительное ($\bar{z}$) что, конечно, сопоставимо с по-
казателем мн. ч. ($\bar{z}$) при притяжательных местоимениях и перед па-
дежными суффиксами, а также с показателем мн. ч. ($\bar{z}$ a) при эрга-
тивном маркировании глагола. Кажутся идентичны с ними некоторые
формы из «Митаннийского письма», которые, — насколько они вообще
были понятны, — до сих пор понимались как относящиеся к изъяви-
тельному наклонению, но по контексту скорее являются когортативами
(увещательно-пожелательными формами): *er - obḥ - i - ʾ - illa - ʾin*
Mit. IV 119; karg' - ʾst - ʾ - illi (!) - ʾin Mit. IV 120 (к основе *karg' -*
см. еще *kār-ḥu-ša Mit. I 112*); *iād - ugār - L - ʾ (-) Mit. I 19, II 93, IV*
113 (I), 121 (Bush, OHL 274: „является вполне дружественным“).

Последний абзац «Митаннийского письма» (IV 111 сл.) содержит, после
вводной фразы («И с братом моим желаю я мне в сердце моем быть
очень, очень в добром отношении и взаимной любви»), помимо форм на
-iṣ еще целый ряд оптативных форм на *-ep*. Это говорит в пользу того,
что и формы на *-iṣ* содержат пожелания. Когортативное значение выис-
каетя из суффиксации личного местоимения 1 л. мн. ч. в абсолютном
падеже: *ʾtād - ugār - i - ʾ - illa/* „любить взаимно (по) желаем мы“.

Что формы на $-i\check{s}$ не являются индикативными, видно из некоторых форм в том же контексте, содержащих тематический гласный /o/. Этот тематический гласный в «Митанийском письме» ограничен только неиндикативными формами интранзитивных предикатов. Индикативная (не отрицательная) форма должна была бы иметь тематический гласный (a). Речь идет о следующих формах: /lag'g - o - $\bar{z}$ - $\bar{u}$ ll - $\bar{a}$ n/ Mit. IV 113 и / $\bar{z}$ eg'g - o - $\bar{z}$ - $\bar{u}$ ll - $\bar{a}$ n/ Mit. IV 119. Толкование подобных форм как пожелательных подкрепляется хуррито-хеттским соответствием bag-pu-uš-du-uš (/paḡn - o $\bar{z}$ t - o - $\bar{z}$ /) // paḡkuš [ešdu] «да будет чист» (КВо XXIII 23 об. 46' // VBoT 120 + 16 сл.; ср. Haas/Thiel, Allatt. 132 сл.; восстановление [ešdu] надежно, так как [paḡkuš] [e'-eš-du в следующей строке тоже // bag-pu-uš-du-uš, КВо 23 XXIII 23 об. 47'.

Граммема /z/ в подобных формах была сопоставлена с показателями мн. ч. /az/, /za/ уже Спейзором (Spelser E. A., IH, 194 сл.). Спейзер, (там же) и за ним Буш (GHL, 273 сл.), предполагал переход к интенсивному значению из-за встречающихся форм, явно относящихся к ед. ч., например, ḫ $\bar{z}$ -o'-e- $\bar{z}$.

66 tagu $\bar{c}$ ant—прилагательное на $\bar{c}$ ant-. См. Friedrich, HE² § 49d: «имеющий, снабженный (чем)»; Кронассер Kronasser, EHS § 150.3) считает образованным от существительного tagu- «дерево». Для хурритского суффикса /bade/ Ф. Хааз и Г. Ю. Тиль (Allatt. 251 сл.) предложили значение существительного или наречия, выражающего состояние, в связи с обсуждением формы pa-aḫ-gu-ra-a-ll (КВо XXIII 23 об. 72'; что, возможно, соответствует LOMES SIG₃ UT-TIM КВо XII 85 + II 5, см. там же). Привлекая форму ni-l-gu-ra-a-la-e Mit. IV 5,6 (от именной основы niḡl «хороший»), которую Хааз и Тиль не учитывали, я предложил бы производить и для pa-aḫ-gu-ra-a-ll не от глагольного корня с интранзитивным тематическим гласным, а от прилагательного, с переходом I > o перед /bade/ точно так же, как перед суффиксами /ḫḫe/, /g'e/ и / $\bar{z}$ z/ (см. об этом Bush GHL, с. 86). Но это вынуждает отказаться от сопоставления /bade/ с семантически неясными формами pa-ipti, как это предлагают Хааз и Тиль (там же, с. 252).

67 Lagache, Glossaire 102 сл.

68 Haas/Thiel, Allatt. 302 сл.

69 Предложенное Хаазом и Тилем чтение ha-aš- слишком оптимистично в смысле передачи знаков стк. КВо XIX 145 IV 39', помеченных в копии как поврежденные. Поскольку -ti-ll; несомненно, есть краткая форма личного местоимения 1 л. мн. ч., следовало бы ожидать, чтобы перед ним стоял показатель интранзитивности (a), если только здесь речь идет о глагольной форме (которая не выделена пробелом!).

70 См. выше, прим. 13; Lagache, Glossaire 59 сл.

71 Например, КВо XIX 144 (4-я таблица ритуала против колдовства женщины A-a[n-...], 1 19.

72 См. V. Haas/H. J. Thiel, Allatt. 165.

73 КВо XIX 145 IV 39'. . . ḫ³-er-w[а, 40' zu-ul-a-ll-ll 'zu'-ú-lu-ll-]

«Прикрепленного к кол[ку мы отпустили (отвязали)], мы освобо[дили]».
Хеттская парафраза там же, III '9' сл.: Iḫ-ḫ[³i-l]a-an-ta-an-wa-ra-ia ar-ḫa
la-a-u-en LÜ GIŠ-gu-wa-an-dz-an-ta-kán³ ar-ḫa tar-pu-me-en «Связанного
мы развязали, прикрепленного к колку мы отпустили».

74 Это обозначение вводится здесь условно для объяснения слова evernī, «царь»,
производного от evge «господин»; несомненно к этому же типу относятся
ḫavurni «земля», ḫeg'urni «жизнь», ḫidarni «проклятие», allani «отец» и
др. 0 /ni/ и сходно звучащих суффиксах см. W. F. Bush, The Relations-
hip Between the Hurrian Suffixes -ne/-na and -nni/e/-nna, в *Oriental and
Occident, Essays presented to Cyrus H. Gordon (AOAT 22)*, Kevelaer/Neu-
kirchen-Vluyn 1973, 39—52.

75 Помимо обычных поморфемных транскрипций, здесь и ниже, в той мере, в
какой дело касается транскрибирования отрывков из «Митаннийского
письма», мы будем применять знак долготы для передачи полногласных
и знак циркумфлекса для вдвойне полногласных описаний.

76 Ларош (Glossaire 272) помещает примеры на глагольный корень turr- час-
тью под turpe «tablette», частью под turpi «fort».

77 tur-be (turr-e). Mit. II 18 («...я собрал всю страну мою, и мои знатные,
сколько их имеется [букв. «сколько имеются»], присутствовали»; II 88
(«... другие страны, все послы присутствуют (присутствовали)», II 89
(«и... все другие страны, моя челядь (?), присутствуют (присутствовали)»;
III 36 (дважды), 38, 39 («и теперь там есть... отца моего дочь, сестра
моя. И деда моего дочь, отца моего сестра, есть... там. И табличка при-
даного ее также налицо (присутствует)»; IV 69 (контекст разрушен
или непонятен); tur-ra-aš-še-na (turr-a-³še-na), II 18: см. выше под
tur-be; IV 125: см. выше с . . . ; tur-ru-uk-ku (turr-o-kko) III 45:
(«когда . . . таблички приданого моего свойства [возникшего через се-
стру и тетку] отсутствуют»); tur-ru-ik-ē-va (turr-o-l-ēva) III 100
(«и золотое изображение должно для меня как мое . . . (l) быть налицо/
присутствовать»); tur-ru-la-in (turr-o-l-ain): III 26 («и все другие
страны и мои знатные (и) все послы пусть бы присутствовали!»); tur-ru-
ra-a-la-a-al-la-ta-an (turr-o-bā³lā-lla-tan): III 48 («и мой брат
знает откровенно этого, что они были налицо/присутствовали»); tur-ru-
u-un-ni (turr-ū-nni): II 87 неясно.

78 ḫu-ḫu-um-ta erēḫu; см. ANw 362a.

79 Комплем:нт корня /u³/~³o³/ до сих пор не был замечен; однако ср. ḫu-uk-
ku-u-ut-ti (ḫukk-ū³ti-l) Mit. II 68, ḫug-gu-ū-ud-du-u-ḫa (ḫukk-ū³ti-
ū³-g'-a) Mit. III 108; так же II 70 с иным написанием: -u-u-(-ū-)
Переход o>u вероятно связан со сдвигом ударения.

80 Ср. E. Laroche, PRU 3, 317, 320; Diakonoff. HuU 114: но иначе Eush, OHL
186. Особенно ясна функция комплемента корня при глаголе ḫic-ug'-

„обижать, притеснять“; но *ḫis-ug'-ol-* Mit. VI 10 „огорчаться“; вероятно также *ag-ol* „быть ведомым“ Mit. II 14к, *ag-* „вести“.

81 Ср. образование от некомплементированной основы *ḫu-ši-a-a-aš-še* (*ḫu* = *l* = *u* *ā* -*še*) Mit. III 122.

82 Урарт. *uši-a-* „отправиться“, *uši-u-* „отправить, послать“; *ši-a-* „идти“, *ši-u-* „приносить“ ср. *Melikišvili*, US 52; *Djakonoff*, HuU 118 сл. и п. 133. *Harouthiounian*, OKAV, S. 92; он же, ДВ 4, с. 209.

83 *Bush*, GHL 188 сл., 352 сл.

84 *Bush*, GHL 352.

85 Подробное исследование определительных конструкций еще не произведено, как и вообще явно не хватает работ по хурритскому синтаксису. Под «стесной определительной синтагмой» мы понимаем конструкцию с родительным падежом, но без переноса суффиксов, ср. *Niḫu-šauškā-va* Mit. III 98 с обычной позицией родительного падежа. Мы готовим более подробное исследование вопроса.

86 Хурритские пассажи этого ритуала впервые рассматривал М. Сальвини, *OgArt* 14 (1975) 227—241. Серия была реконструирована М. Сальвини и И. Вегнер для «Корпуса памятников хурритского языка»; ср. *SMEA* 22 (1980) 87—95. В моем распоряжении имеется предварительная рукопись этой работы, особенно ценной благодаря произведенным joins (стыкам), которую я мог здесь использовать с любезного разрешения авторов.

87 *a-aš-še-eš*, *-ši-iš-* пока не объясненная форма призыва. Ларош (*Ugaritica* 5, 513 и п. 1) связывает ее с *a-aš-ša* KUB XXVII 38 1 8 и выводит отсюда переходный глагол *aš-* „сидеть(?)“ (*Glossaire* 59 сл.). Конечное *-š*, вероятно, идентично с обсуждавшейся выше (прим. 65) граммемой *š*, которая встречается с формами пожелания (императив мн. ч., когортатив, юссив на *-oleš*; аналогично у Лароша, *Glossaire* 59: оптатив ед. ч. 3 л.),

88 KUB XXIX 4 III 43 сл. (*H. Kronasser*, *Die Umsiedlung der Schwarzen Göttheit* [Österr. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Kl., Sitz. ber. 241/3], Wien 1963, 26), где ритуально вызывается богиня типа Иштар из Аккада, Вавилона, Суз, Элама и Хурсагкаламы; ср. *I. Wegner*, *Gestalt und Kult der Ištar-Šawuška in Kleinasien* (AOAT 36), Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1981, 164 сл. Призыв типа „топоним“-*az eḫi* („из . . . приди!“) встречается в KBo II 9 I 1—13. Ко всему комплексу вопросов см. *V. Haas/G. Wilhelm* *Hurritische und luwische Riten aus Kizzuwatna* (AOAT-S 3), Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1974.

89 LUGAL ^{URU} *Kum-mi-la* KUB XXXIII 113+111'; ср. *H. G. Güterbock*, *The Song of Ullikummi*, JCS 6(1952) 12 (Sonderdruck, с. 30) и др. ^{URU} *Kum-mi-la-aš UR. SAG-uš LUGAL-uš* KUB XXXIII 103 II 6; ср. *J. Stegelaud*, *Appu Märchen und Hedammu-Mythus* (SiBoT 14), Wiesbaden 1971, 48. Для

старовавассонского времени ср. еще ^dISKUR 'ša Ku-um-mi' ARM VII 219:7.

90 ^DISKUR Ar-ra-ar-ḫi-lm^{k[1]} ARM I 75:17 ^{GIŠ}KIRI, ša ^dISKUR l-na Ar-ra-ar-ḫi-l[^m^{k1}] ARM I 135:5. Шамши-Адад I после завоевания Аррапхи приносит во время праздника ḫumḫu жертву богам Шамашу и Ададу ср. *A. K. Grayson, Assyrian Royal Inscriptions I, Wiesbaden 1972, 26.*

О теофорных царских именах из Аррапхи с элементом -teššur см. *G. Wilhelm, Grundzüge der Geschichte und Kultur der Hurriter, Darmstadt 1982 70* сл.

91 Ларош (*Glossaire 56*) толкует Arḫarḫe как этникон со стяжением из Arḫarḫi-l-ḫi, но параллельная Kimmē-pe он толкует как название города которое одновременно якобы служило обозначением божества.

92 *F. Thureau-Dangin, RA 36 (1939) 2.*

93 Для Kimmē с артиклем ср. Ku-ū-um-me-pe-pe KBo XI 19 об. 10; al-la-l ku-um-me-pe-we об. 19 148 (h. 10) = *Ugaritica 5, 457, об. 4;* ^DU-urū URU Kimm-mi-pe-we_e KUB VIII 61 об. 13; имя собств. Kimmē-aia₁ (неопубл.) ср. *Thureau-Dangin, RA 36 (1939) 7* сл. Bigot ARM XVI/1, 140.

94 Значение „очистит“ предложено И. М. Дьяконовым на основании урарт. /tū - aie/. УКН, 155E: 54: 128 B1:20,24.

94a Об установлении энклитического местоимения 2 л. ед. ч. абсолютного падежа Тилем и Вегнер см. ниже прим. 104.

95 *E. Laroche, RHA 28 (1970) 59; V. Haas/H. J. Thiel, Die Beschwörungsrituale der Allalturāḫ (ḫ) I und verwandte Texte (AOAT 31), Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1978, 302* сл.

96 Независимо от того, является ли -pi словообразовательным суффиксом, как бесспорно в еверпи (см. выше прим. 74), или входит в основу, как утверждал Ларош (*Glossaire 190*) в случае fabpi «гора».

97 Ср. *W. Farber, Or 40 (1971) 41* сл.

98 К выражению libbi ša aḫi-la lo lā ušamraš („сердце брата моего пусть я не огорчу“) и т. п. ср. *H.-P. Adler, Das Akkadische des Königs Tušratta von Mitanni (AOAT 201), Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1976, 300.* В качестве соответствия приведенному предложению ср. особенно EA 29:14; aḫi-šim libbi-šim lna mīnīmma aḫi ul ullemriš „что касается него, то сердце его ни с каком деле я не обидел“.

99 *Spetser, IH 91.*

100 Слово ḫukkappe не может пока считаться объясненным, как правильно указывает Ларош (*Glossaire 241*).

101 СТН 701 (включая дополнения, RHA 30 [1972] 120). Неопубликованная обработка этого ритуала содержится в упомянутой в прим. 86 работе Сальвини и Вегнер для «Корпуса памятников хурритского языка», за разрешение использовать которую я благодарен авторам.

- Тексты, названные в СТН 701 под раскопочными номерами, с тех пор опубликованы в КВо XXIII 12, XXIV 66. Еще один относящийся сюда фрагмент (393/d) привлекли Сальвини и Вегнер. Хурритские пассажи ритуала затрагивались Ларошем (RA 54 [1960] 191 сл., Ugaritica 5, 512 сл.
- 102 КВо XIX 135 I 17'; KUB XXV 47 I 11'; КВо XXI 29 лиц. (?) I 11'; 29:9' ср. *M. Salvini*, *Oriant* 14 (1975) 232.
103. Относительно обсуждения этой возможности см. *M. Salvini*, *ук. соч.*, 237 сл. с библиографией.
- 104 См. *H. J. Thiel* und *I. Wegner*, *Eine Anrufung an den Gott Teššur von Halab in hurritischer Sprache*, *SMEA* (в печати).
- 105 Попытку А. Гётце установить это местоимение на основе примеров из «Митаннийского письма» (JCS 2 [1948] 255—269) нужно, однако, по-прежнему считать неудавшейся. Энклитические местоимения не являются нейтральными в отношении падежа, как имплицитно предполагал Гётце, а всегда выражают только абсолютный падеж. То же возражение относится к попытке Э. Лароша (Ugaritica 5, 453; Glossaire 106) переводить /mīa/ дательным падежом.
- Такие пассажи, как Mit. II 102, III 40, 44, показывают, что частица или комбинация частиц -Vm-та-та-ап не содержат местоимения 2 л. ед. ч., так как абсолютный падеж в этих предложениях уже представлен в другом месте. В крайнем случае можно было бы привлечь примеры a-ti-i-ni-i-in та-а-ап-ni-i-ini-та(-ап) Mit. III 5, 9, 10, 100 как случаи употребления местоимения /mīa/ из-за аналогии с adI-nin mān-a-ta-tan Mit. III 63, 65, и mān-a-ta-tan Mit. III 102, однако это остается ненадежным, так как и в первой форме ожидался бы переход $i > a$.
- 106 Mit I 51; ср. *Spelzer*, *IH* 126; *Bush*, *GHL* 224, 306 п. 115; *Diakonoff*, *HuU* 132.
- 107 Mit. II 56; отмечено Ларошем (Glossaire 194). Этот пример, из-за полногласного написания, исключает предположение, что императив содержит юссивную грамему /e/, как это предполагает Буш (GHL 216 сл.) для форм «волюнтарива» (напр. kulle «я хочу сказать»), оптатива (напр. ḥāzīen «да услышит он») и для некоторых других неиндикативных форм.
108. Это понятие введено в цитированной выше (прим. 104) работе, чтобы описать такую форму, как ū-lu-u-ur (KUB XLVII 78 I 14') в качестве сказуемого эргативного предложения (pega-v-u-mīa kumarve-pe- $\frac{1}{2}$ up-o-b «мать твоя Кумарбе родила тебя») в противоположность futt = o $\bar{z}$ = a «он зачал (тебя)» в параллельной конструкции там же, стк. 12'. Он является, насколько пока известно, категорией только богазкэйского хурритского. Что касается старохурритского, то остается в силе мнение Дьяконова (HuU 118), что в нем, как и в урартском, /u/ является тематическим гласным переходных, /o/ — непереходных глаголов. Приведенное выше значение для pega «мать» установлено

- И. Вегнер (ср. прим. 104) на основе цитированного текста и может быть подтверждено другими свидетельствами.
109. Ларош, под вопросом, переводит «душа» (Glossaire 243). Однако шумерское соответствие NI' TE=аккад. гагшци «сам».
- 110 /ai/ или /ae/ в «Митанийском письме» засвидетельствовано в адвербиализирующей функции, в вокабулярах из Угарита—в адъективизирующей функции; ср. *Bush*, *GHL* 166—170. Однако для объяснения именных форм на (ae) в богазкёйском хурритском этих данных недостаточно, что уже известно давно (ср. *A. Goetze*, *RHA* 5, fasc. 39 (1940) 196 202). Ларош (*E. Laroche*, *Ugaritica* 5, 460, 513) предположил инструментальное значение (см. также *Glossaire* 249 s. v. tadugarl). Против этого Буш (*GHL* 169 сл.) возражал, что только при этой граммеме в отличие от всех падежных суффиксов, перенос суффикса происходит без коррелятивного артикля. И. М. Дьяконов указывает на герундивно-целевую функцию суффикса -ae/-ai («чтобы») в глаголе и адвербиальную («для») в имени. Наш перевод следует этому указанию.
111. Также и в связи с этим текстом я должен с благодарностью сослаться на неизданную работу Сальвини и Вегнер, см. прим. 86.
112. Трактовка А. Камменхубер в данном пункте ошибочная (в кн.: *Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde, Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein*, Innsbruck [1968] 249, также *MSS* 23 [1968] 58), в настоящее время исправлена Бушем (в кн.: *Orient and Occident, Essays presented to Cyrus H. Gordon* (AOAT 22), Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1973, 4), 49 сл.
113. А именно, суффикс род. пад. /ve/, суффикс принадлежности /ge/ и «суффикс номинализации» /sse/; ср. *Bush*, *GHL* 149—153.
114. При определениях, оформленных показателями /ve/-, /ge/- и /sse/-, переносятся не только падежные окончания определяемого (так по общему мнению, *Bush*, *GHL* 149), но также адвербиальные комплексы, как /п-и-б-а/ (/п-и- + /б-е/ + /и/): še-e-ni-iw-wu-ū-e-né-e-el-ni-ub ha ti-ša-a-a-ni-ub-ha /šep - l'ūn - ce - nē - nn - h - a t'zā - nno - h - a) *Mit.* II 10.
115. Также и к этому тексту относится сказанное в прим. 111.
116. Ср. *V. Haas/G. Wilhelm*, *Hurritische und luwische Riten aus K zzuwatna* (AOAT—S 3) Kevelaer/Neukirchen-Vluyn 1974, 38.
117. За разрешение использовать его неопубликованную работу для «Корпуса хурритоязычных памятников» я благодарен Ф. Хаазу.
118. Об этом понятии и первичном семантическом определении хурритской жертвенной терминологии ср. *V. Haas/G. Wilhelm*, указ. соч., 54—139.
119. *V. Haas/G. Wilhelm*, *Or* 43 (1974) 88; *M. Salvini*, *OrAnt* 14 (1975) 240.
120. Слово *niš* означает «камейка» (ср. *V. Haas/G. Wilhelm*, указ. соч. 114 с библиографией; у Лароша в *Glossaire* 271 значение не указано, но ср. под *tabri*, с 247). Но так как здесь оно объединено с *kakkarl* (см. *H. Hoffner*, *Allmenta Hethaeorum* (AOS 55) 167 сл.), то несомненно, что здесь

имеется в виду род хлеба под этим названием (об. этом см. *H. Hoffner*, ук. соч. 187; *V. Haas/G. Wilhelm*, *Or.* 43 [1974] 88.

121 *V. Haas/G. Wilhelm*, ук. соч., 133.

122 Анализируемая здесь форма *ge-mi* должна быть эмендирована в *ge-lum*, как заметил уже *M. Сальвини* (*OrAnt* 14 [1975] 231 л: 20).

123 См. выше, прим. 15.

124 *ulguši - ya - na edina*; уратский послелог *edina* требует аблативно-инструментального падежа; см. *Mellkišvll*, *US* 40; *Diakonoff*, *HuU* 92, п. 100F.

125 Об. 15.10 (*PRU* 3, *Pl.* *CVI*) 4/ /9: *mar-je-ta-šu / aš-tá*; без точного соответствия *ar-na* (10) / / *ar-na-an* (14) и *ar-nu-šu* (12) / / *ar-ni* (17): Ср *Bush*, *GHL* 118.

126 *Mellkišvll*, *US* 39.

127 *Diakonoff*, *HuU* 94 п. f.

И. М. ДЬЯКОНОВ

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В УРАРТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ
И НОВЫХ УРАРТСКИХ ТЕКСТАХ

Двенадцать лет назад вышло расширенное издание моей сравнительной грамматики урартского и хурритского языков¹, в которой я попытался предложить некоторые новые подходы к урартской морфологии и лексике, поскольку почти все, что осталось необъясненным в урартских текстах после опубликования «Урартских клинообразных надписей» Г. А. Меликишвили (1-е издание 1953²; 2-е издание 1960³; II часть 1971⁴) и ряда грамматических работ⁵, лежавших в русле первоначальных грамматических открытий И. Фридриха⁶ и А. Гётце⁷, оставалось непонятым и в 1970-х гг. Сейчас, как нам кажется, настало время посмотреть, в какой мере предложенные мною подходы оправдали себя, и в каких направлениях развивалась урартология (в ее лингвистическом аспекте) за последнее десятилетие.

В целом можно сказать, что в своем отношении к моей работе хурритологи и урартологи, как и можно было ожидать, разделились на две группы: большинство, принадлежащее в основном к старшему поколению, не приняло предложенных новшеств и в своих работах продолжает исходить из традиционных грамматических представлений⁸. Однако некоторая часть хурритологов и урартологов младшего поколения приняли предложенные мной концепции; они покамест в меньшинстве, но я надеюсь, что число их будет увеличиваться. К их числу можно отнести М. ван Лоона (1974)⁹, М. Л. Хачикян (1976)¹⁰ и Г. Вильхельма (1976); последний не только принял мои предложения, но и внес в них существенные исправления и дополнения (см. его статью в настоящем сборнике).

Особую позицию занял один из наиболее активных в настоящее время урартологов М. Сальвини, имеющий в этой области весьма значительные заслуги¹¹. Перу Сальвини принадлежит пространная и важная рецензия на мою книгу (1976)¹². Он не только не оставляет эту книгу без внимания, но, напротив, постоянно на нее ссылается.

Сальвини несколько раз сам еще до публикации моей книги (и позже) обращался к проблемам урартской грамматики¹³ и создал собственную ее концепцию. Именно поэтому, по-видимому, он тоже оставляет без внимания наиболее важные положения моего грамматического исследования и тем, как мне кажется, в ряде случаев отрезает себе путь к правильному пониманию текстов. Но если грамматические положения, о которых идет речь, неправильны, то следовало бы кому-нибудь их опровергнуть, — и кому же это лучше всего сделать, как не Сальвини, который так хорошо знаком с моей книгой, широко ею пользуясь, и при этом хорошо понимает стоящие сейчас перед исследователями грамматические проблемы.

Важнейшие из выдвинутых мной положений сводятся к следующему:

1) В области происхождения урартской письменности: несмотря на очень большое сходство между урартской и новоассирийской письменностями и наличие целого ряда черт в урартском письме, которые нельзя объяснить иначе чем прямым заимствованием непосредственно из новоассирийского, особенности урартского письма не могут быть объяснены исходя из представления о новоассирийской письменности как единственном прототипе письменности урартской. К этому выводу приводят следующие наблюдения:

а) В области графики (в особенности курсивной) — наличие в урартском курсиве таких форм знаков *tug*, *sig*, *pat*, которые засвидетельствованы только во II тыс. до н. э. и преимущественно не в Ассирии (но, в частности, в Митанни). К этому можно прибавить употребление знака *LIŞ* в значении *li*^{13a} совершенно не характерное для новоассирийской письменности; и вообще, по-моему, урартский курсив (в отличие от монументального письма)¹⁴ не возводим к новоассирийским формам.

б) В области стандартного формуляра писем и надписей—наличие в письмах начального обращения не к адресату (как в новоассирийской традиции), а к посреднику-писцу (как в традиции II тыс. до н. э.), а в надписях—наличие формул; имеющих прототипы только в хеттской анналистике. Конечно, формулы ассирийских царских надписей тоже восходят к хеттской анналистике II тыс. до н. э. (надо думать, не непосредственно, а через недошедшие до нас хурритские царские тексты), однако для урартских надписей показательны такие формулы, которые, хотя и наличны в хеттской анналистике, но решительно отсутствуют в ассирийских надписях, как II так и I тысячелетий до н. э. Вывод о существовании хурритской анналистики, имевшей корни во II тыс. до н. э., но дожившей где-то в горах (в Алзи?) до соприкосновения с урартской культурой первых веков I тысячелетия до н. э., напрашивается. Этот вывод Сальвини отвергает¹⁶. Мне кажется, что, не видя связи между урартской и хетто-хурритской графикой, между урартскими и хеттскими анналами (связи, конечно, возможной лишь через хурритское посредство), он лишился возможности правильного понимания развития урартской культуры.

в) Важным наблюдением в области графики я считаю то, что в урартском не существует знака MI, вследствие чего знак ME можно и нужно читать не только me, но и mi—в зависимости от той или иной scriptio plena. Поэтому в транскрипции,—особенно в связной транскрипции,—следует избегать ложных дифтонгов, не оправданных ни законами словообразования, ни законами словоизменения. Так, ^mME-пу-а, ^mME-l-пу-а, ME-l, ^{URU}Tu-ME-iš-ki и т. д. надо, в отсутствие написаний типа ^mME-e-пу-а, ME-e, ^{URU}Tu-ME-e-iš-ki, читать ^mMi-пу-а, ^mMl-l-пу-а, mi-l, ^{URU}Tu-mi-iš-ki, а в связной транскрипции Mlпуа (или Mlпуа), mi, Tumiski (ср. греч. Τόμισα, а не *Τορεϊσα!). Кажалось бы, это мелочь; однако введение в транскрипцию мнимых дифтонгов ослабляет внимание исследователя к действительным урартским дифтонгам, имеющим морфологическое значение и влияющим на смысл переводимого текста.

... 2) В области сравнительной фонологии: Мне кажется, удалось показать системность как хурритских, так и урартских фонем, и закономерные соответствия между теми и другими, как в области согласных, так и гласных. К сожалению, Сальвини эти рефлексы игнорирует, что обесценивает некоторые из его урарто-хурритских этимологий¹⁶ и ослабляет его критику чужих этимологий. В ряде случаев он отвергает мои выводы, главным образом в части переводов и этимологий, считая их слишком неосторожными. Против этого трудно что-нибудь возразить¹⁷. Однако если иной раз он отбрасывает предложенные мною этимологии, то причина этому чаще недостаточный учет контекста¹⁸. Некоторые предложенные мною этимологии действительно шатки и, хотя я продолжаю считать их возможными, я за них не держусь.

3) В области морфонологии: Мною было произведено сличение всех полногласных написаний в урартском корпусе текстов и установлено, что *scriptio plena* (полногласное написание) всегда является неслучайным. Как правило, оно передает либо дифтонг, либо долгий гласный (или гласный с контурным тоном), всегда являющийся результатом стяжения как результата выпадения определенных согласных еще в доисторическое время¹⁹, или стяжения дифтонгов в историческое время (поэтому написания -ка, -ка-а, -ка-(а-)l; -ре, -ре-е, -ре-(е-)l т. д. чередуются). Кроме того, конечный гласный -е в *scriptio plena* может указывать не только на долгий ē, но и на нейтральный-э, возникавший на месте любого конечного гласного *-i, *-e или *-a, но не на месте -ū, *oi или *-ā. Кажется непонятным, почему в случае нейтрального гласного нельзя было ограничиться *scriptio defectiva* (т. е. C[огласный] e/i вместо Ce/i-e). Но как указывал еще И. И. Мещанинов, в урартской графике неполон комплект знаков типа ГС (гласный + согласный), поэтому там, где мы в транслитерации пишем Ce/l, а в морфологическом анализе /Cə/, на самом деле в языке могло быть C∅ (согласный + нуль); в этих случаях реально произносимый конечный нейтральный гласный—особенно когда на камне или глине было достаточно места—имело смысл выписывать plene, поскольку *scriptio defectiva* Ce/i могло означать на самом деле C∅. Таким образом знаки ME, NI, LI, DI, PI и т. п. могут чита-

ться 1) /m/, /n/, /l/, /d/, /p/; 2) /mә/, /nә/, /lә/, /dә/, /pә/ (в этом случае возможна scriptio plena me-e, ne-e, le-e, de-e, pe-e); 3) /mē/, /mī/, /nē/, /nī/, /lē/, /lī/, /dē/, /dī/, /pē/, /pī/ (в этом случае scriptio plena будет различать качество гласного: me-e, но mī-i).

Отсюда следует, что в окончаниях могут наблюдаться:

написание Ci/e (scriptio defectiva), читать /-Cә/, /-C/

написание Ci/e . . . , читать /Ce/, (написание

Ci/e в чтении Ci обычно не встречается, хотя может являться scriptio defectiva для /Cī/ = /-Cīә/),

написание Ci/e-e (scriptio plena), читать /Cē/ (обычно заменяет историческое написание: /-Ceī/ > /Cē/), или /-Cīә/

написание Ci/e-i (scriptio plena), читать /Cīә/, /-Cī/),

написание Ci/e-e-i (scriptio superplena), читать /Cej(ә)/,

написание Ci/e-i-e (scriptio superplena), читать /Ci (j)ә/).

При этом необходимо учитывать, что в именах окончание /-ә/ выражает *абсолютный* падеж (имен с основами на -i, -e), окончание /-e] (ә)/ — *родительный* падеж ед. ч. (тех же основ) > /-ē/, окончание /-i (j)ә/ выражает: либо *абсолютный* падеж с *притяжательным местоимением* 3 л. ед. ч. (e-ū-ri (-i)-e = EN-šū „его господину“, passim; NUMUN.NUMUN.ŠU УКН 127:VIII, 17 = zi-ii-bi-i /ziib (ә) = i]ә; /zi-ii-bi-i (/zil¹ b (ә) = i]ә/) УКН 20, об. 32; zi-ii-bi-i, УКН 281:46; но ср. defective zi-ii-be УКН 19: ур. 36. zi-ii-bi УКН 19: 41: zi-ii-bi УКН 99 об. 11; в этих случаях, возможно, без притяжательного местоименного суффикса), либо *дательный* падеж ед. ч.

При глаголе scriptio defectiva Ci/e и scriptio plena Ci/e-e означают гласный исход на -ә, обычный для почти всех спрягаемых глагольных форм, за исключением форм мн. ч. на (-i)-tū /-ito/ и форм ед. числа (без указания объекта) ирреальных наклонений, за исключением императива и оптатива (пожелательного I) наклонения. Форма императива переходного глагола оканчивается на /-ә/, оптатива на /-l-ә-/, но форма пожелательного II (дезидератива) оканчивается на /-e]ә/, форма наклонения долженствования и возможности на /-ә(j)ә/, допустимости (потенциалис) на /-u/o=l-e]ә/, и целевое — на /-i/o=l-ә]ә/²⁰. Поэтому глагольные формы на -Ce/i-(i)-e, Ce/i-ia-pe

являются формами дезидератива (оптатива II), а формы на -li (-l-) e, -li-(l) a-ne—формами потенциалиса.

Эти правила, изложенные мною в 1971 г. (и ранее), Сальвини молчаливо не приемлет. Так, в 1979 г.²¹ он анализирует предложения kaḡu=ni^{KUR} Paḡṣua=i^{KUR} e-bani (УКН 24:6—7, пример 1), kaḡu=ni^{KUR} Ma-na=ni^{KUR} e-bani (УКН 127 IV:43, пример 26) и kaḡu=bi^m Arquqi=ni e-bani (УКН 155:22, пример 29), между тем как в оригинале в первом случае^{KUR} e-ba-ni-l (чит./e-ba-ni-l (ə)), во втором—^{KUR} Ma-na-ne^{KUR} e-ba-ni-l-e, а в третьем^m Ar-qu-qi-l-ne^{KUR} ni-e. Написание^{KUR} e-ba-ne в данном контексте встречается крайне редко, и его следует рассматривать как *scriptio superdefectiva*.

Сам Сальвини и более подробно Вильхельм обосновали положение о том, что в урартском нет притяжательных прилагательных на =ine как предполагалось до сих пор, и нет «определенного склонения» (по Дьяконову); существует система согласования определения с определяемым путем переноса на определение падежного показателя определяемого²², присоединяемого к суффиксальной цепочке определения с помощью коррелятивного показателя -ne (в ед. ч.) или -pa- (во мн. ч.); оба показателя восходят к хуррито-урартскому артиклю. Это правило действует во множественном числе только в том случае, если определяемое стоит в косвенном падеже²³. Абсолютный падеж («именительный» по Г. А. Меликишвили) отмечается показателями /=пə/ (в ед. ч.) и /=еə/ (во мн. ч.), соответствующими хурритским местоимениям-связкам /=п (pa) и /=l (la). Эту поправку следует принять, однако она пока еще не вполне объясняет конструкцию типа /kaḡ=ni=ne Ma-na=ne e-ba-ni-l(ə)=l(ə)/. Сальвини прошел мимо трудности. Скорее всего надо переводить буквально «покорил Ману, страну ее (l)»²⁴.

Точно так же в другой работе²⁵ Сальвини смешивает два разных наклонения—оптатив и потенциалис.

Если моя концепция *scriptio plena* в урартской письменности ошибочна, то ее надо опровергнуть, а не игнорировать.

4) В области морфологии мною было проведено определение относительного порядка позиций агглютинативных суффиксов (причем каждая позиция связана с определенной семантикой суффиксов) и установлена почти полная идентичность расположения позиций в хурритском и урартском, что значительно продвигает наше понимание урартской морфологии. Так, оказалось, что урартский глагольный показатель $/=(e/i)d=$ стоит на той же позиции, что и хурритский показатель имперфектива $/=ed=$, и что понимание урартских глагольных форм на $/=(e)d=$ как имперфективных дает хороший смысл в контексте. Далее, оказалось, что урартский показатель $/=l=$ стоит на той же позиции, что хурритский (и общевосточнокавказский!) показатель ирреальных наклонений $/=l(l)=$, а урартские показатели $/=e]ə/$, $/=a(l)=$ — на той же позиции, что хурритские показатели наклонений $/=ewa=$ и $/=ae=$. На базе этих совпадений по форме и позиции мне удалось отождествить пять урартских наклонений²⁶, не считая императива, и перевод соответствующих форм всякий раз хорошо соответствует контексту. Однако Сальвини продолжает считать урарт. $/=i=$ показателем имперфектива, в соответствии с собственной грамматической гипотезой, сформулированной им еще в 1968 г.²⁷, но не дает себе труда ни опровергнуть сделанные мною наблюдения, ни как-то увязать свою гипотезу об урартском глаголе с фактами хурритского языка.

На основании вышесказанного я позволю себе иную, чем у Сальвини, интерпретацию пяти урартских текстов (из которых один опубликован, без перевода, до выхода в свет немецкого издания моей работы²⁸, а четыре — бастамские письма № 1 и 2²⁹, надпись из Махмудабада к западу от оз. Урмия³⁰ и квази-билингва из Шушанца (Кевенли) близ Вая³¹ были опубликованы после нее). Мне кажется, что с помощью фонологических и грамматических положений, отбрасываемых Сальвини, можно добиться несколько лучшего их понимания.

Кроме того, ниже я представлю свой список хуррито-урартских лексических сопоставлений, пояснив, почему именно в некоторых случаях я вынужден разойтись с Сальвини.

В тексте № 1 все слова понятны, кроме глагола /wes=/. и грамматически он анализируется без труда. Другое дело, что нет сопоставимых контекстов, по которым возможно было бы проверить предложенный нами перевод, а сам текст фрагментарен, и даже самый точный перевод не может помочь уяснить значение надписи в ее первоначальном целом виде. Однако мы приведем аналогичные глагольные формы из других текстов, подтверждающие наш грамматический анализ.

1. ZA, 61, II, 1971, p. 250.

Транслитерация: (1) (только следы знаков) (2) [t|i-ni te-er-di-la-ni (3) a-lu-še ú-la-a (4) ú-e-si-du-li-i-^le] (5) a-lu-še ú-i-^le] (6) zú-ḫi ba-aṭ-qi-l-a-ni (7) nu-lu-uš-tú ú-i-ni-ni (8) ^DḪal-di-i-še e-ú-e (9) DINGIR^{MEŠ}-a-[š]e pa-re-e (10) e-si-ni 'te[~]-e-la-a-ni

Морфологический анализ: /...ti=nə ter=(e)d=i=l=a(a)=nə alu=šə ul=a(e) wes=ed=u=l=e]ə alu=šə ulə š=uhə ɔatq=e]a=nə nul=(u) št=o uy=l=ne=nə Ḫaldi=šə e]ə DINGIR^{MEŠ}=aše pa]ə ezi=nə [t]e (r=l)=l=a (e)=nə/.

Перевод: «... чтобы имя было утверждено (на будущее). (Если) кто, будучи посторонним (букв. «иным»), сделал бы wes=, если кто заново не захочет восстановить его, (то) вступающий в правление пусть возмещает(?) это, чтобы Халди и боги на (царское) место ставили бы его».

Комментарий: стк. 2': /ter=(e) d=i=l=a(a)=ne/ целевое наклонение (финалис) имперфектива (=ed=), выражающего еще не завершившееся (или не совершившееся) действие при 3 л. ед. ч. субъекта действия и субъекта состояния (прямого объекта); ср. УКН 128 В 1 23: (столько-то золота и т. п.) /al=a me (š)=šə... [M Di] au=ḫe=ne=də ter=u=və MU.MU=nə ar=(e) d=i=l=a(e)=nə (столько-то золота и т. п.) дань... которую на (царя) таохского я наложил, ежегодно чтобы он давал ее*; о форме /ter=(e) d=i=l=a(a)=ne=nə/ в тексте УКН 169:12 я надеюсь написать особо; пока заметим лишь, что она, по-видимому, тоже может быть объяснена на основании аналогичных хурритских форм¹².

Стк. 3: u-la-a надо скорее понимать как герундивное причастие на /=aə>=a/, чем как причастие непереходного действия

на / = a/. Поэтому в качестве параллели можно привлечь форму /ul = i/ > /ul = ə/ с установленным значением «другой, чужой, посторонний» (возможно, от глагольной основы ul = «идти»?). Герундиальное окончание / = əə/ дает коннотацию «в качестве постороннего, будучи посторонним».

Корень wes = пока не был засвидетельствован, но глагольная форма на / = u = l = eja/ — несомненно наклонение допустимой возможности (потенциалис) в 3 л. ед. ч. субъекта действия; эта форма обычна в придаточных предложениях, вводимых местоимением alu = šə „(если) кто-либо . . .” Ср. УКН 63 : 10; 47:4; 169 : 20 (še-bu-ja-li-e = /šeb = u] (ar = u) = l = eja/).

Стк. 4'; baṭq = eja = nə — пожелательное наклонение II (дезидератив) от глагола baṭq = „восстанавливать”. Ср. УКН 100:1—3: /Mīnuā = šə tī = (e) ja = nə/ „Минуа пожелал сказать это:”; /Tata-šə M[.TUR eḡb = u = nə uṭə . . . ar = eja = nə/ „Тата девушку похитил (и) не . . . захотел отдать”. С запретительной частицей mī это наклонение выражает запрет, ср. УКН 169 : 4—7 и др.

Стк. 5' представляет значительные затруднения. Глагол pul = в урартском корпусе известен, по-видимому, со значением «править», «пасти». В билингве Топузавэ встречаются форма имперфектива 1 л. ед. ч. субъекта и 3 л. мн. ч. объекта: /bla = i = pe = lə pul = (e) d = u = v = lə/ „бвайнские (страны) я начал (?) пасти” („править”, в имперфективе), ассир. Ur'arṭa eḡ = te = 'i „Урарту я пас (стал пасти, в перфективе)” УКН 246 : 29 ассир. 26; ср также УКН 265 : 7—8 /Rusā = nə Sardure = ḥə LUGĀL DAN.NU alu = šə bla = i = pe = lə pul = (e) d = u = lə/ „Руса — это Сардурнев (сын), царь сильный, который начал (?) править бвайнские (страны)”; УКН 127 II : 42: /URU LUGĀL = n = usə ḥā = u = və^{KUR} Wišusi = nə pul = (u) št = u = və/ „царский город я взял, страной Вишуши. стал править (= št = выражает однократно завершённое действие: /šid = u = və/ „я строил”, /šid = (i) št = u = və/ „я построил” и т. п.).

Форма *pul = (u) št = u была бы трудно объяснима. Форма pul = (u) št = o может быть причастием состояния или, как мы увидим ниже, императивом глагола состояния. Здесь, по контексту, выбираем первое, с переводом «вступающий в правление».

u = i = pe = nə — форма от глагола /u = /, существование ко-

того было нами установлено еще в УПД (с. 69); неперех. «ло-стунать (в доход)», перех. «вносить (в доход)». Поскольку здесь речь идет о «восстановлении» (batq=), постольку наиболее вероятное значение здесь—«возмещать». Форма—3 л. ед. ч. субъекта и объекта императива: «да возместит».

Стк. 6': С тех пор как М. ван Лоон доказал, что знак A' V, в урартском читается «w+гласный», стало ясно, что распространенный урартский сочинительный союз должен читаться не e-'i, e-'a, а e-we_x. Здесь мы встречаем его в нормальном альтернативном написании e-ú-e. Встречается еще вариант e-a-l УКН 281 : 40, 41,—но нет варианта *e-l-a: во всех случаях речь идет о глагольной форме /e] = (l)]ar = (e) d = u = пэ/ или отглагольном образовании /e] = (l)]ar = (e) d = u = šə/. Является ли случайностью совпадение с армянским союзом jew (обычно возводится к и.-е. *erj? Имея в виду появление протоармян на Армянском нагорье с XII в. до н. э., не исключено заимствование союза урартским языком из протоармянского. В хурритском ему аналогий нет.

Стк. 7¹ /paḡa esi = пэ/ букв. „до места“; /te(r = i =) l = a(ə) = пэ/ целевое наклонение (финалис) глагола ter = „класть, устанавливать, ставить“, 3 л. ед. ч. субъекта и объекта.

II. Ba I.

Транслитерация: (1) LUGAL-še: a-le: ti-e (2) ^mlš-pi-li-u-
-qu-ú ^{LÜ}NA₄.DIB (3) ^mLu-up-šü-šl(?) -né ^{LÜ}E.GAL (4) ba-
ú-še) wa_x-al-du-u (5) LUGAL-le: INIM.TI.DINGIR (6) GU-né ^{G:Š}ú-
du-u + e-e (7) ḡu-tú-na-je_x ma-nu-bé (8) ^mLu-up-šü-šl(?) -né-da:
^{LÜ}E.GAL (9) a-tú-ú-né: ^mA-di-ab-di-i (10) ^{LÜ}GABA.RI(1): ^{LÜ}NA.M
^{MEŠ} (11) ^{URU}A-i-zu ab-zu-né (12) ḡe-né a-la-je_x: šá-te-e (13) ^{G:Š}u-
du-u + e ^mA-di-ab-di]-né(l)] (1 об.) a-re(l) ^mLu-up-šü-šl(?) -né-de

Морфологический анализ: /ere]i = šə al = ə: tī = (l)ə ^mlšpilə =
uqū/ō (=jə) ^{LÜ}NA₄.DIB (=edə) ^mLupšüşl = n = ē ^{LÜ}E.GAL (=ei): ba
=u/o = šə < šl = u = və > wald = o (s. wal = (e) d = o?) ere]ə z/šan = ed
= a = bə TI.DINGIR g/ju/o = nə; u/od = uwə ḡut = un = ā (j)ə mañ = u =

və^m lupšušl=ne=da^{LU} É.GAL (=da), at=u=nə^m Adl=abdl(=jə)
^{LU} GABA.RI; ^{LU} NAM^{MEŠ} ^{URU} Aizu(=i) abz=u=nə, ħenə al=ā(j)ə:
 šat=ə u/od=uwə^m Adl=abdī=nə, ar=ə^m Lupšušl=ne=(e) də/

Перевод: (Я) Царь так (велел): скажи (2) Ишпили-уку, держателю печати, (2) относительно Лупшуци (?), человека (=начальника персонала) крепости; приказ <я издал>, слушайся; царь да молится за (твою) жизнь (у) бога, вонстину (так). Сад по (его) заявлению я предоставил для Лупшуци, человека крепости, (а) пользовался им Ади-абди (е), (его) соперник (в судебном деле). Старейшина (селения) Айзу рассудил/рассмотрел это, теперь распоряжение (такое): возьми сад у Ади-абди (е), дай Лупшуци(?)».

Комментарий:

Стк. 1—3. Больших трудностей начало письма не содержит. Следует заметить, что корень глагола «говорить» — $tī=(<tiw=)$, а не $tija=^{3a}$, как считают Сальвини и многие другие авторы. О слове $al=ə$ вводящем прямую речь, см. комментарий к следующему тексту. Показатель направительного падежа, выделяющего адресата, скрыт за шумерограммой ^{LU} NA₄. DIB, повторение же его при приложении (имени собственном) не обязательно: он может быть заменен дательным падежом, который в основе на -ū/-ō может быть элидирован. Правда, при именном приложении ожидалось бы применение коррелятивного показателя /= $ne=$ / (ср. /^{KUR} Vabliū=i=ni=e eban (i)=edə/ УКН 127 :III, II и т. п.), однако о возможности определения имени и без корреляции показателем /= $ne=$ / см. статью Г. Вильгельма в настоящем сборнике. Значение «о ком-либо», «относительно кого-либо» выражается (в противоположность предположению, высказанному мной в УПД, с. 47) не аблативом, а родительным падежом (УПД 1 : 4: /^{LU} É.TIN (=ei) šape=ħe=ne=ē (<= ei)/; аналогично УПД 2 : 5; УПД 3 : 3 /Alua=ni=nc = ē (<= ei) ^{LU} MU^{MEŠ} (=ei)/; УПД 4 : 4; /Kuluj=ei^{3a} ^{LU} NA.KAD (=ne=i)/, УПД 7 ; 4—5: /Aliau=ne=ē (<= ei) ^{LU} ŠE.NUMUN-ħu(=i) Alu(?) nata(=i)=ne=ē (<= ei)

URU Urkla (=l) = ne = e (< = ei)/. Примеры, если они правильно анализированы, показывают, что в сочетании «имя собственное + имя профессии или этникон» приложением, оформляемым коррелятивной частицей (=pe=), могло быть одинаково либо первое имя, либо второе. В данном случае в родительном падеже стоит имя профессии (LÚ. É · GAL (=ei)) «человек крепости», вероятно, «начальник персонала крепости», а в корреляции стоит имя собственное /Luršušl = nē (< = pe = l) /.

Стк. 4: Глагол wald = (или имперфектив na = (e) d = от глагола *wal =), как известно, в билингве Топузавэ (УКН 264: ур. 3,20, асс. 3,19) соответствует ассир. [al-t]l-'-šul,] что производилось либо от глагола še'û «искать, разыскивать», либо от глагола le'u «одолевать, побеждать» и т. п. Более вероятно второе (от se'û было бы несомненно a-si-'-i-šul)³⁵. Помимо распространенного оборота /wald = u = vā me (šl) = šl = ne rei/ «я wald = его под дань», этот глагол встречается еще в описаниях военных походов, управляя в качестве прямого объекта (субъекта наступившего состояния) названием города или страны. Поэтому здесь более вероятно значение «подчинять, одолевать» («подчинять его под дань», такой перевод подходит и к билингве УКН 264: ур. 3). Но в письмах УПД 1:12 и 7:6 дело обстоит, казалось бы, иначе: в первом случае царь велит вернуть неким лицам их участки на том основании, что чиновники (?) «wald = (их) стелу». Второй контекст неясен, но объектом глагола wald = являются какие-то лица, предположительно «лазутчики» или «гонцы». Сальвини (ук. соч., с. 120), ссылаясь на УПД, считает вопрос о значении термина неясным. Отметим, что в аккадском языке глагол le'u означает также «выиграть судебное дело», поэтому — предполагая, что под «стелой» (pulusā) в УПД 1 имеется ввиду начертанный (на камне?) акт, устанавливающий титул на владение, можно перевести /wal (=) d = lto = pa/ как «они объявили победившим/одолевающим/выигравшим в судебном деле» документ данных лиц; а в УПД 7 этот глагол употреблен с породным суффиксом /=ul =/, означающим действие в свою пользу, стало быть, скорее всего, «я подчинил себе», «я назначил для себя». В письме Ва. 1 глагольная форма не имеет личных суф-

фиксов или суффиксов наклонений и оканчивается только на «тематический гласный», что указывает на причастие или императив. В обоих случаях переходный глагол должен иметь не показатель / =u= / как в изъявительном наклонении, а / =i= /, поэтому здесь нужно читать / =o= / и видеть непереходный глагол, пассивный к переходному, стало быть «подчиняться». Как показал Вильхельм (см. его статью в настоящем сборнике), на / =o= / может кончатся не только непереходное причастие, но и повелительное наклонение непереходного глагола. Именно эту форму («подчинись!») надо видеть здесь. Это может значить, что написание $\text{ba-}\ddot{\text{u}}\text{-}\ddot{\text{š}}\text{e}$ надо рассматривать как *scriptio defectiva* к / $\text{ba=}\text{u}/\text{o}=\ddot{\text{š}}\text{(l)}=\text{[ə]}$ /, дат. п. „приказу“. Но в письмах УПД 2, 4, 6, 7 слово / $\text{ba=}\text{u}/\text{o}=\ddot{\text{š}}\text{ə}$ / употреблено как объект глагола / $\text{šl=}\text{u}=\text{pə}$ / „он послал“; возможно, что здесь глагол пропущен писцом; это лучше объяснило бы написание $\text{ba-}\ddot{\text{u}}\text{-}\ddot{\text{š}}\text{e}$, указывающее скорее на абсолютный падеж субъекта состояния.

Стк. 5: Эта фраза, как я показал в УПД, и что принято также Сальвини, представляет собой приветственное благопожелание. В других случаях оно начинается непереходным глаголом 3 л. несовершенного вида (имперфектива) / $\text{z/}\ddot{\text{š}}\text{ap}=\text{ed}=\text{a}=\text{bə}$ /. Здесь он заменен шумерограммой INIM, и мне непонятно, почему Сальвини сомневается в отождествлении ее со словом $\text{z/}\ddot{\text{š}}\text{ap}=\text{}$, тем более, что и следующие два слова благопожелательной формулы скрыты за шумерограммами во всех случаях (очевидно, формула требовала графического сокращения из-за ее частой повторяемости в канцелярской практике). Если дословно перевести логограммы (без словоизменения, которое не выписано), то фраза INIM.TI.DINGIR значила бы «РЕЧЬ (СЛОВО). ЖИЗНЬ. БОГ». Я переводил условно «любезна будет (??) жизнь (теоя) богу». Теперь, однако, ясно, что $\text{z/}\ddot{\text{š}}\text{ap}=\text{}$ —это глагол говорения. Мало того, если в прежних случаях субъект предложения опускался, то здесь он выписан: это «царь» ($\text{ce}\text{[ə]}$), при этом субъект, в соответствии с непереходным характером глагола, стоит в абсолютном падеже. Смысл остается неясным, приблизительно «царь будет молиться(?) (за) жизнь (твою) у бога». Следует обратить внимание на синтаксическую инверсию (субъект—пре-

дикат—косвенные объекты, что, может быть, выражает сочинение: «послушайся, а царь будет молиться (за) жизнь (твою) у бога»).

Стк. 6. Во всех случаях благопожелательная формула кончается словом GU-пе. Мной было установлено, что основа /g/}u/o=/ означает «быть правым (в прямом и переносном смысле), истинным»; здесь я видел прилагательное на /*=|пэ/, но после работ Вильхельма и Сальвини можно считать установленным, что такого показателя прилагательных в урартском не было, и в /=пэ/ надо видеть, очевидно, местоименную связку: «истинно (это есть)», «воистину».

Первое слово нового предложения, $GIS_{\bar{u}}-d u-u+e-e$, как правильно отмечает Сальвини, является прямым объектом (субъектом состояния, наступившего в результате действия). Морфологический анализ: /u/od/†=(u)цэ/. Окончание /=u(ц)э(<*= /ūe/? или < /=ōe/?), кажется, в хуррито-урартском параллельно герундивно-причастному морфу /ae/, хотя это требует проверки. Сальвини справедливо указывает на аналогию $GIS_{\bar{u}}-du-le-e-i$ (УКН 167:7). Конечно, трудно отождествить это слово, вслед за предположением, высказанным Меликишвили, с $GIS_{\bar{u}} uldā$ «виноградник»³⁶, однако это, по контексту, несомненно, обозначение какого-то насаждения, включающего виноградник³⁷. Вероятно, оба имени, одно с суффиксом =ul=, другое с суффиксом =ū(ц)э /=ō(ц)э, образованы от одного корня ud=/o†= и имеют почти одинаковое значение типа «сад», «насаждение» (но не «фруктовый сад, роща плодовых деревьев», урарт. šagə, ср. хурр. sag(l)=шэ, аккад. <хурр.? šaršar=). Сказуемое-/шап=u=və/, переходная (а стало быть каузативная) форма от глагола „быть“ — „я сделаю (его), я предназначил его“. Однако Н. В. Арутюнян в статье в настоящем сборнике читает aš-pu-bi.

Стк. 7. Стоящая между прямым объектом и предикатом герундивная форма /hut=up=ā(})э/ (см. статью Арутюняна в этом сборнике) выражает косвенный объект или обстоятельство. Мной уже ранее было предложено толкование глагола /hut=/ как «обращаться, просить»; породный компонент /=up=/,

подобно /=*u*l=/, возможно, означает действие в свою пользу. Перевожу «согласно заявлению, по просьбе (его)».

Стк. 8. Падежное окончание /=*da*/ хорошо известно в хурритском и в составном падежном показателе /=*da*=*pə*/ уже было засвидетельствовано и в урартском³⁸. Такое толкование мы принимаем вслед за Сальвини. Архаический падеж на /=*da*/, видимо, несколько отличался семантически от нового аллатива =*edə* предположительно здесь «для» (а не просто «к»).

Стк. 9—10. Следующее предложение дает интонационную инверсию, вероятно, эквивалентную противительному союзу «а», «однако». Логограмма ^{LÚ}GABA.RI(l), безусловно, правильно прочитана Сальвини. Глагол этого предложения, /*at*=*u*=*pə*/, ввел Сальвини в некоторое сомнение, хотя начиная с шумерского едва ли не во всех древневосточных языках глагол с семантикой «есть, кушать» имеет также значение «пользоваться», которое здесь представляется бесспорным³⁹. Сальвини считает, что этот же глагол в написании KÚ-*pe* в УКН 96: 1,4 и 98:1 стоит в неясном контексте. Однако контекст там вполне переводим: морфологический анализ: /*alu*=šə *ḫal*=*u*/*o*=*l*=ə/*g*/*ju*/*o*=(*e*) *də* GÜB=(*e*)*də* *at*=*u*=*l*=*e*ǰə *did*=*u*=*l*=*e*=*pə* *urb*=*u*=*l*=*e*=*pə* *ḫal*/*di*=*na*(=*a*) *šešt*(=*n*) *a*=*a* *at*=*u*=*l*=*e*=*pə*/ „...кто же трапезу¹⁰ справа (или) слева (т. е. по соседству) стал бы есть (потенциалис!), пусть выделит (оптатив глагола *did*-, ср. *did*/*ju*/*o*šə „доля“, хурр. *tid-*epp* (l), аккадизир. *tidennūtu* „выдел“). пусть принесет жертву, (остальное) в воротах Халди пусть ест (KÚ-*pe*)“.

Стк. 10. ^{LÚ}NAM^{MEŠ} не несколько лиц, а одно: „человек судеб/должностей“; название наместника в Урарту — ^{LÚ}EN.NAM (УКН 42 A : 13, Минуа); и также в Ассирии в среднеассирийское время и снова (по урартским влиянием?), по-видимому, со времен Тиглатпаласара III, но при этом ^{LÚ}EN.NAM=*bēl* *reḫāte* чередуется с простым ^{LÚ}NAM=*reḫāte*, арам. *reḫātā* „сатрап“; во мн. ч. тоже *reḫāte*, откуда употребление ^{LÚ}NAM^{MEŠ} и для ед. ч. Ср. также ^{LÚ}MU^{MEŠ} „пекарь“ (ед. ч. по контексту!) в письме УПД 3 ; 3. Поэтому в нашем письме ^{LÚ}NAM^{MEŠ} согласуется с глаголом в ед. ч.: топоним *URU A-i-zu-ab-zu-ni решительно невозможен с

точки зрения хуррито-урартского словообразования. Читать в два слова: /Alzu(=l)/ род. п.; abz=u=пэ согласуется в ед. ч. (!) с „наместником“. Вероятно, „рассмотрел, проверил“ и т. п.

Стк. 12. Материал Сальвини заставляет меня отказаться от моей прежней интерпретации слова alāja как «хозяин»¹¹. Принимая предложенное Сальвини значение «распоряжение», «повеление», я все же несколько сомневаюсь в том, что частица alā, вводящая прямую речь, является императивом «скажи», дублирующим iā, что тоже значит «скажи»; вообще заметим, что в урартском корпусе глагольные формы, означающие «говорить», всегда образуются от основы i-, а не от основы *al-. Я продолжаю думать, что alā — местоименная частица, тождественная твердо установленному относительному местоимению /ali=||alu=/ и параллельная аккадской местоименной частице прямой речи вав. uttā, ассир. pā; как показал Вильхельм, и в митаннийском диалекте хурритского прямая речь вводится (заимствованной?) местоименной частицей tā=. Что же касается /al=āā/ «повеление», то его надо производить не от несуществующего глагола *al—«говорить», а от основы *all—«повелевать», откуда хурр. all=ae/ „госпожа“, /all=ae=je=пэ/ „распорядитель(ница домашним) хозяйством“ (> арм. alaxin „рабыня, служанка“), урарт. /al=usā/ „правитель“. Меликишвили и вслед за ним Сальвини относят сюда же и урарт. alawinēnā //alusinēnā, однако морфемный анализ у Сальвини неправилен: /al=āā=wi/ род. п. мн. ч. „повелений“ (образование мн. ч. от форм на /=āē/ всегда аномально!) плюс перенос аблативного показателя с определяемого /al=s=ul=šl=пэ/ „величием“ с помощью коррелятивной частицы /=pe=/:/al=ā=wi=pe=пэ al=s=ul=šl=пэ/ „вселичием повелений (богов)“, УКН 155 E:46.

Стк. 12—1 об. трудностей не представляют. Отметим, что урарт. /šat=/ „брат“ соответствует хурр. /šatt=/. в то время как хурр. /šad=/ /šadumma epešū, Нузи, AASOR XVI, 3:3,5), возможно, соответствует урарт. /šad=/ „делать“ (хурритский рефлекс заставляет отказаться от привычного чтения /*zad=).

Отметим, что по содержанию это и подобные урартские царские письма (УПД 1—5) очень похожи на аналогичные письма Хаммурапи, писавшиеся более чем на тысячу лет раньше.

III. Ва. 2.

Транслитерация: (1) [LUGAL]-še a-le-e: ti-e (2) [^mLu]-ur-
 šu-ši (?)-ne-de ^{LÚ}É.GAL (3) 'a-l] a-je_x: e-qu-ú-de-e (4) a-li-le ^{LÚ}a-
 me-re-a-si (5) ma-nu-ú-la-le: ar-di-le (6) 3-de NINDA^{MEŠ}: 1-de ^{LÚ}MEŠ
 (7) A tar-a a-le-e: ^{LÚ}hal-bé (8) ma-nu-ú-le: ar-di-le (9) 2-de NINDA^{MEŠ}
 :1-de ^{LÚ}MEŠ (10) 1-di-ne UD^{ME}-i-ne (11) 1-da-a-ne: a-la-je_x-e^u

Морфологический анализ: /ere^l=šə alə: tī(j)=ə Lupšušī(?)=
 ne=də ^{LÚ}É.GAL (=edə) al=ājə equ (ri=ə) də, all=lə am=ere=
 šə man=ə=l=a (e)=lə ar=(e) d=i=l=ə 3=(e) də NINDA^{MEŠ}
 1=(e) də taršua=ne=(e) də A tar'a(ə), alə halbə man=ə=l=ə, ar=
 (e) d=i=l=ə 2=(e) də NINDA^{MEŠ} 1=(e) də taršua=ne=(e) də 1di
 =nə UD^{ME}=jə=nə 1d=ā(ə)=nə al=al=jə/.

Перевод: (1) Царь так (велел): скажи (2) Лупшущи, чело-
 веку крепости (= начальнику персонала крепости)—(3) повеле-
 ние к освобожденным (от повинностей), которые здешние (??),
 (5) чтобы были приношения (6) по 3 хлеба на (каждого) 1 че-
 ловека: (7) (если есть) взрослый сын, который холостой (?), (8)
 то пусть будут приношения (9) по 2 хлеба на (каждого) 1 чело-
 века; (10) с первого дня его (11) чтобы вступило в действие по-
 веление его».

Комментарий:

Стк. 2: в отличие от текста Ва. 1, здесь морф аллати-
 ва=(e)də повторяется и при имени собственном адресата, и
 при названии его профессии. Н. В. Арутюнян читает здесь
 ...]-šū-ta-ni-di ^{LÚ}É.GAL.

Стк. 3—5. Мы уже отмечали, что, как установил Сальвини,
 /al=ājə/ означает «повеление». Далее следует указание, к кому
 относится это повеление (в направительном падеже—аллативе—
 на /edə/. Вместо -ku-ú-de-e предлагаю читать e-qu-ú-de-e, /eqō-
 də/, что явится закономерной формой с элизией слога, содержа-
 щего /r/, из /*eqik=(e) də/. Слово /*eqr=ə/ (причастие состоя-
 ния) засвидетельствовано в виде образованного от него притяжа-
 тельного прилагательного /eq^uг-ə-ħə/ (e-qu-gu-ħe/-ħu, УКН 19 ур.
 15,24) и, может быть, в форме /eq^uгə/ (e-qu-ge-e) УПД 7: об.
 12). По нашему предположению, это урартское слово соответ-

ствуется хурр. *eḫla. Это слово (возможно, из /*ekhl=/) переводится шумерским KAR и аккад. eḫlu „спасать, освобождать“ и, может быть, означает также „чистый, здоровый“; но существует и социальная категория /eḫ^ele=pa/ „освобожденные от повинностей“. В тексте Келяшинской билингвы /eq^utoḫə/ означает „освобожденный (от обязательного жертвоприношения)“, ассир. kī raḫī «как (бы?) освобожденный». Таким образом, если наша интерпретация правильна, повеление обращено к «освобожденным (от налогов, повинностей?)» или вообще к «свободным». Этому, конечно, не противоречит то, что на них все же накладывается обязанность приношения хлебов: от одного освобождены, от другого нет.

Эти освобожденные охарактеризованы как /ali=lə/ amegēsi. Несколько смущает окончание -ši вместо ожидаемого -ze, но все же это, вероятно, абс. п. имени абстрактного (коллективного) /am=egē=šə/. Суффикс /=egē=/ известен как один из образующих прилагательные, но неясна основа, от которой оно здесь образовано. Помимо урарт. /am=/ «жечь» есть еще и другие омонимичные хуррито-урартские корни. Совершенно гипотетически предлагаем перевести /am=egē=šə) как коллективное имя «здешние», от—также предполагаемого—местоименного наречия /ame=i/ «здесь»⁴³: «освобожденным, которые здешние (??)». Сказуемым предложения является /*maḫ=u=l=ā(ə)=lə/, если это переходный глагол, или /maḫ=o=l=ā(ə)=lə/, если это глагол непереходный. В „Hurrisch und Urartäisch“ мы отметили форму наклонения должествования и возможности на /*=āə/ или /=al=āə/, где /=al=/, возможно, относится к породным показателям), а в целевом наклонении переходного глагола отметили форму =l=l=āə (а не /*=u=l=āə/), но под звездочкой реконструировали целевое направление непереходного глагола предположительно как /*=o=l=āə/. Эту форму мы, очевидно, здесь и имеем: формы на * =u=l=āə, видимо, не существует. Окончание =lə здесь, очевидно, выражает 3 л. мн. ч. субъекта состояния; это означает, что отмеченный нами показатель 3 л. мн. ч. ирреальных наклонений на /=(l) tə=/, /=(i)'to=/⁴⁴ относится только к переходным глаголам. Перевод: «чтобы были».

Подлежащее—абс. п. ед. ч. $ardil\bar{a}$. Это снимает недоумение Сальвини (с. 125), связывающего эту глагольную форму и следующую $tap=0=1\bar{a}$ с относительным местоимением, которое, однако, в нашем контексте меняет свое число (сначала мн. ч., потом ед. ч.) Сальвини пишет об $ardil\bar{a}$, что эта форма, хотя и неясная, несомненно является формой глагола $ag=$ «давать». Однако $ard=1=1\bar{a}$, конечно, абс. п. мн. ч. от урартского существительного $/ard=\bar{a}/$ $ard=\bar{a}\bar{a}'$ (ср. выше $/ul=\bar{a}/$ $ul=\bar{a}\bar{a}'$), обсуждавшегося мной в УПД, с. 83 прим. 137 (и ранее). Оно означает «приношение», здесь мн. ч. «приношения», которые и перечислены ниже в стк. 6—9.

Стк. 6 и сл. Далес следует указать, какие именно приношения установлены. Знак NIG, встречающийся в других случаях в урартском корпусе в значении «вещь, имущество» (в надписях на отдельных предметах из арсеналов урартских царей), здесь, конечно, не может иметь такого общего значения: странно отдавать приказание уплачивать «по 3 вещи». Конечно, здесь надо применить другое, не менее употребительное значение этой идеограммы—NINDA «хлеб»: вся строка переводится «по 3 хлеба на 1 человека»; детерминатив ^{MES} здесь опять не надо принимать как знак множественного числа, хотя понимание «на одного (из) человек» нельзя полностью исключить; $l-de$, вероятно, читается $\xi=ed\bar{a}$.

Стк. 7—8. В следующем параллельном предложении вместо финалиса (целевого направления) употреблен оптатив (пожелательное наклонение),—вероятно, потому, что это второе предложение носит характер пояснения: «(а) который большой сын⁴⁵ (будет) ^{LU} $\bar{h}alb\bar{a}$, (то) пусть будут приношения по 2 хлеба на 1 человека». Сальвини справедливо сопоставляет $/\bar{h}alb\bar{a}/$ с $/\bar{h}alb=10/$, помещенных в списках персонала крепости Русахинили (УПД 12) сразу после евнухов. Напрашивается какое-либо значение вроде «холостой», «несовершеннолетний». Быть может $A tag'=a$ «сын большой» означает не «старший сын», а «взрослый сын»; тогда вероятнее значение «холостой». Для «эфебов», «юношей» или «мальчиков» в коллективном смысле в урартском имеется общевосточнокавказское слово $/a1\bar{z}\bar{a}/$ ⁶.

Стк. 10. В противоположность Сальвини, я не считаю *i-pé* абсолютным падежом указательного местоимения, которое мне трудно тут объяснить синтаксически. Я предлагаю [читать *1-de-né UD^{ME} -i-pé* и видеть в обоих *-pé* аблативы: в *-de-* и *-i-* можно предположительно видеть окончания (фонетические компоненты) к словам «первый» и «день». Альтернативно *-i-* может означать */=jə =/*, притяжательное местоимение 3 л. ед. ч. Наличие притяжательного местоимения может иметь отношение к отсутствию коррелятивного */=pe =/* при определении. «Его» в таком случае имеет в виду «повеление». Однако перевод «с первого его дня» (т. е. с момента его издания), остается гипотетическим.

Стк. 11. Слово *i-da-a-pé*, конечно, — глагольная форма от неизвестного нам глагольного корня *id⁴⁷*—; форма—наклонение должествования и возможности (дебитив—поссибилитив) переходного или непереходного глагола. Предположительное значение—«исполнять», «ввести в действие». *Scriptio plena* в слове *a-la-je_x-e*, быть может, указывает на притяжательное местоимение «его». Перевод «чтобы с первого его (?) дня вступило в действие (?) его повеление».

IV. Попытаемся теперь дать перевод трудного текста об учреждении жертвоприношений богу Шебиту из Махмудабад-теле близ Урмии, опубликованного Сальвини в *AMI NF 10 (1977)*, p. 125 sq.

Транскрипция: (0) [^mRu-sa-a-še ^{m.D}Sar₅-du-ri-ḫe-né-še] (1) a-le ḫè-el-zu-še iš-ti-né te-ru-bé a-[še] (2) LUGAL^{MEŠ}-še (1) KASKAL ṣa-du-le 1 GUD 1 UDU^DŠe-bi-tú-e T[AG](3) 3 UDU^DAr-ḫu-wa_x-ra-sa-ú-e (4) 1 UDU^DŠe-bi-tú-i-na-ú-e KA qu-du-la-né (5) GIBIL-še 1 UDU^DŠe-bi-tú-e TAG a-še je_x-i su-si-né (6) bi-de ḫar-ḫa-ru-le ta-nu-ll-i-né-mi-l (7) e-ši-me-še el-mu-še ma-nu-né a-še-e (8) šú-ḫe ba-aḫ-qe-du-le-te(l) 1 UDU^DŠe-bi-tú-e TAG (9) ^mRu-sa-ne ^DŠe-bi-tú-i ^{LÚ}IR^DŠe-bi-tú-ka-i (10) a-ni-ia-ar-du-né ^mRu-sa-a-ne (11) a-ni-ia-ar-du NU-le-né ^mRu-sa-a-še (12) ^{m.D}Sar₅-du-ri-ḫe-ne-še a-le a-

lu-še (13) i-né DUB-te tú-le-i-e ml-i ar-še-e (14) ú-ru-le-a-né ^DUTU-
ne-ka-l

Морфологический анализ: /([Rusā=šə Sarduri=še=ne=šə]
alə: še=lz=u/o=šə išti=nə ter=u=və:

ā[šə] erel(l=n)a=šə hāgə šad=u=lə—l paḥinə 1 šušə Šebitu=
ə¹³ urb [=u=l=e=nə] 3 šušə Arṭuwaras (l=n) a=wə, 1 šušə Šebitu
=l=nə=wə šeṣti=nə=wə

qud=u=l=ā (ə)=nə š=uḥl=nə=šə 1 šušə Šebitu=ə urb
=u=l=ə=nə

āšə jei susl=nə bidə ḥarḥar=o=lə tan=u=l=eja(l)=nə
mī eši=me=šə elm=u/o=šə man=u=nə

ašə š=uḥə baḥq=ed=u=l=e=tə (l) 1 šušə Šebitu=ə
urb=u=l=e=nə

Rusā=nə Šebitu=jə purā, Šebitu=ka! an=lyar=(e) d=
u=nə

Rusā=nə an=ljar=(e) d=o NU=le=nə (uy=u=l=l=
ne?)

Rusā=šə Sarduri=še=ne=šə alə: ylu=šə l=nə DUB=
tə tu (r=u)=l=e! mī arḥə ur=u=l=eja=nə Šlwtne=ka!

Перевод: «[Руса, Сардурьев (сын)], так (говорит): искупительные жертвы (колл.) здесь я установил:

если дари совершат поход—1 быка, 1 барана (богу) Шебиту
пусть зарежут, 3 баранов (божествам) Артуварасели, 1 барана
Воротам (бога) Шебиту,

при новых месяцах (?) 1 барана (богу) Шебиту пусть заре-
жут,

если какой-либо храм опять разрушится, если кто захочет
это совершать, за то (?) навеки он дал ему быть elm=o=šə
(см. комм.),

если заново (кто) восстановит их—храмы себе, 1 барана
(богу) Шебиту пусть зарежут.

Руса—раб Шебиту, перед Шебиту находящийся в грехе;

Руса в грехе пусть (больше) не находится (или: грех пусть
возместит (см. комм. и прим. 55).

Руса Сардурьев (сын) так (говорит): тот, кто эту надпись
разрушил бы, пусть не сделается ему пути перед Солнцем!»

Комментарий: стк. 0—1: Сальвини справедливо указывает, что /ʔelz = u/o = šə/ — термин, параллельный ard = l = šə других надписей об учреждении жертв. Обычно его переводят как «указ». Однако этот перевод не подходит в тексте УКН 264:28 (ассирийский текст переводит /z/šā = šə ard = l = šə/ как lītu dānā [nu] «победа и сила», но при этом «сила» соответствует z/šā = šə). Более вероятно, в соответствии со всеми остальными контекстами, считать ard = l = šə абстрактным обобщающим существительным к /ard = ə/ /ard = āə/ «приношение» (тогда ассир. «победа и сила» соответствовало бы урарт. «сила и подать/дань/приношение»).

Естественно поставить вопрос: почему во всех остальных надписях об учреждении жертвоприношений употреблено слово /ard = i = šə/ «приношение», а здесь — слово /ʔe = lz = o/u = šə/? Ответ заключается, очевидно, в том, что настоящая надпись имеет некоторую особенность, отличающую ее от всех других надписей об учреждении жертв; эта особенность содержится в стк. 10—11, не имеющих аналогий в других текстах; в связи с этими строками удастся установить и значение слова /ʔe = lz = o/u = šə/. Что касается чтения слова, то возможны, но менее вероятны, и чтения dè = e| = zu = še, pe - el - zu · še. Образовано, как видно, от имени с суффиксом / = |zi/ второй группы.

Стк. 2. Предположение Сальвини о том, что -i в LUGĀL^{MES} -i является комментом к зашифрованному шумерограммой *egelilə «цари» (абс. п. мн. ч.), не выдерживает критики: как известно, в клинописи для коммента применяется тот знак, который был бы последним в написании слова, если бы оно было целиком выписано слоговым образом. Поэтому комментом к форме *egelilə должен был бы быть не знак I, а знак *LI: Но на самом деле LUGĀL^{MES} «цари» управляют здесь переходным глаголом šad = u = lə, а стало быть стоят в эргативном падеже ege| (i = n) a = šə. Не может -i быть здесь и притяжательным местоимением, так как позиция последнего — раньше падежного окончания. Остается считать, что -i здесь ошибка резчика вместо še. Сказуемое стоит, правда, не во мн. ч., а в ед. ч. оптатива, но употребление здесь предиката в ед. ч. при субъекте во мн. ч. — не

единственный случай в урартском корпусе текстов⁴⁹. О причинах, почему мы предпочитаем чтение *ṣadulə* традиционному *zadulə*, см. выше комм. к II, стк. 12.

Как мы уже отмечали, Сальвини ошибочно смешивает опта-тив $/R=u/o=l=e=/$ и потенциалис $/R=u/o=l=e]a/ə=/$ и обе формы считает простым имперфективом (ук. соч., с. 130—132), что противоречит (1) позиции показателя $/=l=/$ в цепочке суффиксов, (2) данным родственного урартскому хурритского языка, где (как и в урартском) показатель имперфектива стоит на другой позиции (ближе к корню) и звучит (как и в урартском) $/=ed=/$, (3) данным восточнокавказских языков вообще, где $/*=šš = > =ll=/$ есть общий показатель *modus irrealis*.

Помимо этого, отказавшись от признания ведущей роли грамматического противопоставления $/=u=/$ (переходность): $/=o=/$ (непереходность), Сальвини не может разобраться в распределении глагольных форм переходного и непереходного глагола. Правда, из всех хуррито-урартских диалектов $/u/$ и $/o/$ достаточно четко различаются в графике лишь в митаннийском хурритском (и менее четко в богазкейском хурритском), однако реконструкция этого противопоставления для всех хуррито-урартских диалектов необходима, иначе мы, по примеру Сальвини (там же, с. 132), будем безнадежно путаться при переводе глагольных форм.

Стк. 3. Об анализе формы *Artuwaḡasawə* см. статью Вильхельма в этом сборнике. Вильхельм колеблется, считать ли форму дат. падежом мн. ч. от $*Artuwaḡasə$, или же единственного числа от основ на $/=u/$ (как думает и Сальвини). Однако здесь речь шла бы не об основах на $/=u/$, а об основах на дифтонг, чему аналогий в хуррито-урартском, кажется, нет. Но $*Artuwaḡaselə$ — несомненно, не одно божество, а несколько: так, в общем списке жертвоприношений урартским богам (надпись Мхери-дур II Мехер-капысы, УКН 27:14) они помещены после 17 богов и после 4 атрибутов бога Халди, которые все получают по 1 быку и по 2 барана; затем следуют «воины бога Халди» и «воины бога Тейшебы», которые получают по 2 быка и 4 барана, затем $*Artuwaḡaselə$, получающие 2 быков и 34 барана (в стк. 54 наоборот: «воины бога Тейшебы» получают по 2 быка и 34 барана, а

*Artuwaraselə получают 2 быков и 4 барана—все же столько же-сколькo «воины бога Халди»). И в нашей надписи *Artuwaraselə получают 3 баранов—самую большую из упоминаемых жертв, кроме жертвы богу Шебиту по случаю царского похода.

Стк. 4—5. Сальвини отвергает наш перевод /qud=ul=ā(e)=пэ š=urj=па=šə/ «по новолуниям, в лунацию новую» (как, впрочем, и все другие предложенные переводы) и переводит «при новых стройках (Gründungen)». Мне все же кажется, что при явной тенденции урартов увязывать жертвоприношение с сельскохозяйственным календарем, мой перевод имеет шансы быть более верным. Если бы речь шла о строительстве, ожидалась бы, вместо qud-, какая-нибудь другая, знакомая из строительных надписей глагольная основа. В пользу Сальвини говорит, однако, то, что дальше речь действительно идет о строительстве. Н. В. Арутюнян видит в qudulapə род «храма». См. НУНКБ, с. 15.

Стк. 5—6. Формула /āšə ... bidə ḥarḥar=o=lə/ вызывает недоумение у Сальвини, между тем она кажется вполне ясной. Причастие этого же непереходного глагола есть в Анналах Аргишти I (УКН 127: VI, 18—20: /tu/o Biḥurā=пэ qarq=ar=ul=u=və Biḥurā=пэ asu=pe=oa vāš=пэ (<*vav(анə)=пэ со стяжением и связкой) ḥarḥr=o (причастие состояния) miḡ^umiḡl=a=ḥe=пэ пā=пэ rapə šiwīpe=пэ/ „когда я осаждал г. Бихуру, от (около) области Бихуры гора была обрушившаяся, от /пā=/ /miḡmiḡiaḥə/ до Солнца“. И далее: /ješ(ə)=šə vām=пэ ḥarḥar=š=ā(e)=və ješ(ə=š)ə Biḥurḥ=пэ ḥā=u=və/ „я же (эту) гору смог снести /разрушить (наклонение должествования и возможности переходного [I] глагола), я же Бихуру захватил“. Как в ḥar=ḥa-a-ti текста УКН 127: У1, 18, так и в ḥar-ḥa-ti-le нашего текста нужно видеть гласный /o=/ как признак непереходности.

Стк. 6—7. Трудность здесь создает глагольная форма ta-pi-II-i-pə.

Долгое /-ī-/ не позволяет видеть здесь оптатив; что касается потенциалиса /R=u/o=l=ejə/, то при присоединении объектного местоименного показателя /=пэ/ он должен дать форму *tap=u=l=e|a=пэ, *ta-pi-II-(i-) a-pe. Возможно, здесь надо опять видеть описку резчика и читать ta-pi-le-i<a>-pé! (Формы

с долгим $\bar{i}$ - на этой позиции в конце текстов не засвидетельствовано). Но и предложенная эмендация не вполне удовлетворяет, так как потенциалис, означающий примерно «если бы случилось так, что совершит», не совсем хорошо подходит к контексту. Поэтому я предполагаю, что $/=u\bar{i}=/$ здесь породный показатель (с ударением), указывающий на действие в свою пользу, а наклонение—не потенциалис (на $/=l=e\{a=p\bar{a}}/$), а дезидератив (на $/=e\{a=p\bar{a}}/$). Учитывая опасность основываться на предположении об описке резчика, даем перевод условно и под вопросом: «если кто захочет это для себя совершать» (т. е. совершать восстановление храма)...

Далее идет не поддававшаяся до сих пор переводу формула $/m\bar{i} e\{l=me=\{a e\bar{l}m=u/o=\{a ma\bar{n}=u=p\bar{a}}/$. Она встречается в текстах об учреждении жертвоприношений и поборов либо в конце перечня учрежденных жертв (УКН 27:13,94; 143:2), либо отдельно. Существенно, что сказуемое формулы стоит в повествовательной форме изъявительного наклонения ($/ma\bar{n}=u=p\bar{a}}/$), переходная форма: «дал быть этому», «создал это», «предоставил его» или т. п.).

Непереводимость этой, как и других формул в составе надписей об учреждении жертвоприношений определяется отсутствием биллингов к таким надписям. По счастью, благодаря усилиям Сальвини⁵⁰, мы, наконец, получили кеззи-биллингеу, т. е. ассирийский текст урартского царя (вероятно, Сардури I), хотя и не являющийся прямым переводом какой-либо урартской надписи этого типа, однако аналогичной как по общему содержанию, так и по структуре. Сам Сальвини, правда, находит (с. 331), что «этот текст, видимо, не имеет никакой связи с урартскими текстами». Однако это не так. К сожалению, текст до крайности фрагментирован, однако структура его может быть восстановлена. Ключом является прочтение слова в начале стк. 14. Сальвини читает его $sum-tu$ и переводит «голубь-самец». Однако, несомненно, его надо читать $\{um-tu$: это довольно типичная для новоассирийского диалекта форма союза $\{umta$ «если». Получаем следующее восстановление:

$\{um-tu TI.LA-su$

X GUD^{MEŠ} V GUD^{AB} MEŠ iddān
 ša . . . i-ka-sa-pu-ni
 šu-tu-ma UDU.TI.LA SU (=lrl ab)
 LU ina k[u-m] u-(uš)-šú dul-lu DÚ-áš [=erpaš]
 EN TI.LA-[au? . . .]

«Если помирует его/вернет его к жизни⁵¹
 (то) X быков, V коров он должен отдать,
 что ... должны крошить».

Он же «барана жизни» возместит.

Человек⁵² вместо него/этого повинностную службу должен
 делать

пока жив [он ...]»

Упрощенно можно свести этот текст к такой структуре:

А. Если будет иметь место такое-то событие,

Б. То нужно принести в жертву столько-то скота (+до-
 полнительные условия),

В. и/или вместо него/этого должна выполняться повин-
 ность».

Но это и есть структура урартского текста об учреждении
 жертвоприношений:

А. āšā (= если...) будет иметь место (=оптатив) та-
 кое-то событие,

Б. То нужно принести такие-то жертвы скотом,

В. /mī eši=me=šā elm=u/o=šā maṣ=u=pā/.

Откуда следует, что /mī eši=me=šā elm=u/o=šā maṣ=u=
 пә/~LÜ ina kūṣi=šū dullu erpaš adl baṣl [-šū . . .]. Конечно,
 речь идет не о дословном переводе, а о высказывании сходного
 и параллельного содержания.

Наиболее обычное значение частицы mī — запретительное.
 Здесь такое значение маловероятно, так как запрещение требо-
 вало бы глагола в оптативе или в дезидеративе. Но частица эта
 имеет еще и другое, точно установленное значение: («кроме
 того»⁵³). Сейчас кажется возможным установить также и отожде-
 ствление mī=ina kūṣi(-šū) «вместо (него/этого)», может быть

проще—«за это». Имя абстрактное $e\text{lm}=\text{u}/\text{o}=\text{š}\text{ə}$ придется в таком случае отождествить с единственным более или менее обобщающим термином в ассирийской параллели, а именно с $dullu$ «повинность», обычно «храмовая». Это отождествление вызвано еще и тем, что $/e\text{lm}=\text{u}/\text{o}=\text{š}\text{ə}/$ стоит в абсолютном падеже и, стало быть, является прямым объектом глагола $/\text{m}\text{ap}=\text{u}=\text{p}/$. Кажется возможной и ранее уже предполагавшаяся Н. В. Арутюняном (ВДИ, 1970, № 3, с. 109; прим. 6) и мною этимологическая связь

с хурр. $e\text{l}^{\text{a}}\text{t}\text{ə}$ «клятва» $/e\text{l}\text{m}=\text{o}=\text{š}\text{ə}/$ («то, к чему кто-либо обязан клятвой?»). Трудность представляет $/\text{m}\text{ap}=\text{u}=\text{p}\text{ə}/$, что означает «заставил его быть», «сделал его» и т. п., но не «сделает», как ассир. $\text{er}\text{ra}\text{š}$. Возможно, субъектом к $/\text{m}\text{ap}=\text{u}=\text{p}\text{ə}/$ является не лицо, обязанное выполнять повинность, а бог или царь: «вместо этого он заставит его быть $/e\text{lm}=\text{o}=\text{š}\text{ə}/$ (обязанным клятвой выполнять работу на бога?) $/e\text{š}\text{l}=\text{m}\text{e}=\text{š}\text{ə}/$ ».

Последнее слово имеет, видимо, падежный показатель $/=\text{š}\text{ə}/$. Отдельно этот показатель, правда, пока нигде более не встречался, но довольно ясно, что показатель локатива-аллатива $/=\text{a}=\text{š}\text{ə}/$ является вторичным и составным⁵⁴ и что поэтому надо ожидать существование и отдельного падежа на $/=\text{š}\text{ə}/$. Точное его значение установить трудно, однако он несет несомненно пространственную или, вполне вероятно, и временную функцию.

Продолжая сопоставление с ассирийской формулой урартского царя, мы должны сопоставить $/e\text{š}\text{l}=\text{m}\text{e}=\text{š}\text{ə}/$ с $\text{ad}\text{l}\ \text{bal}\text{tu}/\text{l}-\text{š}\text{u}$. Соответствие может быть вовсе не буквальным: $/e\text{š}\text{l}=\text{m}\text{e}=\text{š}\text{ə}/$ может означать, не «пока он жив», а скажем, навеки» и т. п. Я склонен продолжать придерживаться мнения, что $/e\text{š}\text{l}=\text{m}\text{ə}/$ так же связано с $/e\text{š}\text{ə}/$ «небо»⁵⁵, как хурр. $/\text{ri}\text{ga}=\text{m}\text{ə}/$ «раб» с урарт. $/\text{ri}\text{ga}/$ «то же», хурр. $\text{zar}(\text{ri})=\text{m}\text{ə}$ «лес» с урарт. $\text{š}\text{ā}\text{g}\text{ə}$ «сад». «Небо» может быть связано и с «вечностью», как древне-евр. ‘ōlām означает и «мир, вселенная» и «вечность».

Стк. 8. Сальвини читает ba-at-qi-du-li LA , что не дает никакого смысла. По его сообщению, сверка фактически показала, что в знаке нет «углышка», необходимого для «косого» LI, и поэтому надо читать LA или TE. Морф $/=\text{t}\text{ə}/$ до сих пор в урартском корпусе текстов не был засвидетельствован. Однако он известен

в одном из хурритских диалектов, а именно в так называемом «диалекте словаря», где он передает шумерские глагольные формы с префиксом *ти-*. Хотя окончательно этот последний префикс не объяснен, однако наиболее вероятно, что он характеризует действие как направленное в сторону говорящего или предмета, о котором идет речь. Помещаясь в урартском на позиции после морфа наклонений */=l=*, морф */=tə/* может тем самым передавать только местоименный показатель, предположительно возвратный—«себе», что хорошо согласуется и с хурритскими текстами «диалекта словаря»⁵⁶.

Стк. 10. Сальвини видит в *anijardun* имя существительное, параллельно слову ^{LU}IR «раб», которое он переводит «вассал», «подчиненный». Однако такой перевод никак не вяжется с другим контекстом (УКН 155 E : 40—43) ^mKu-uš-ta-áš-pl-le LUGÁL KUR Qu-ta-ja-al-je-e a-pl-la-ar-du-né та-пи ú-i a-l-né-i LUGÁL iš-ti-pe uš-tú-te «Кушташпиле, царь Коммагенский, был /an=lar=(e)d=o/, никакой (урартский) царь там не выступал» (<ušt= «выступать»). Если (an=ijar=(e)d=o) значит «подчиненный», то фраза теряет смысл. Предлагаю переводить: «Руса перед Шебиту находится в состоянии греха/вины», (например, за разрушение его города и храма—речь идет о боге на покоренной территории!) «Руса пусть более не будет (оптатив, для отрицания—шумерограмма NU «не нет»!)⁵⁷ в состоянии греха!» (в виду учреждения им жертвоприношений в честь Шебиту).

Отсюда—неизбежный перевод */te=lz=u/o=šə* в стк. 1 как «искупительная жертва».

Стк. 13. Для *aḥə* недавно предложен перевод «путь» (ср. аккад. *alakti* «путь» в смысле «доля, удача»; ср. русск. «пути (удачи) не будет», «путный»; «беспутный»); */ug=u=l=eja=pə/*—потенциалис (наклонение возможности), может быть, к хурр. *ug=* «делаться, становиться».

V. Наконец, обратимся еще к одному тексту из Шушанца (Кевенли), опубликованному Сальвини.

Текст состоит из основного сообщения о постройке культовых сооружений—на ассирийском языке и благопожелательной формулы по-урартски. До сих пор аккадские тексты из района

Вана были известны только от времени Сардури I сына Лутиври, отца Ишпувине (Ишпуини) и деда Минуа. Ишпуини, по-видимому, реально правил недолго, большей частью (возможно, по болезни) имея соправителем своего сына Минуа и иногда внука Инушпуа. Можно думать, что и в тех случаях, когда текст отредактирован от имени Ишпуини, на самом деле страной уже правил Минуа. Таким образом, не исключено, что эта надпись (A. M. Dinçol, E. Kavaklı, Die Neuentdeckten urartäischen Inschriften aus der Umgebung von Van, JK F 1, Istanbul, 1978, p. 64 sqq = Salvini M., Una „bilingue“ assiro-urartea, „Studia mediterranea P. Meriggi dedicata“, Pavia, 1979, p. 575 sqq. является одной из самых ранних наскальных урартских надписей. Текст ее (стк. 1—3 по-ассирийски, стк. 4—6 — по-урартски) следующий:

(1) a-na ^DHal-di-e EN-šú ^mMi-nu-u(?) -a DUMU ^mIš-pu - ú - i -
 nè (2) i-si-tú šá ^DHal-di-e er-ti-ši-lp KÁ šá ^DHal-di-e (3) a-di li-
 mid-di-šú er-ti-ši-lp ŠAG^{b1} URU Ar-šu-ni-ú-nu ina IQI KUR Ú-ra
 (4) ma-ni-ni ^DHal-di- be di-né ^DHal-di-na-ne KÁ be-di-ne (5)
^mIš-pu-ú-i-ni-i e ^mMi-nu-ú-a ul-GU-še ma-ni-ne ^mIš-pu-ú-i-ne-
 (6) ^mMi-nu a-i al-su-i-ši e-i-a-ar-di-i-ši

Перевод: «Халдию, господину своему, Минуа сын Ишпувина isītu Халдия воздвиг, ворота Халдия вместе с/до его limid— du воздвиг в г. Арцуниуну, перед горой Ура».

«Да будет ради Халдия, ради ворот Халдия для Ишпувине (и) Минун жизнь, да будет величие (его?) (и) милость (?) (его?) Ишпувине (род. п.) (и) Минун (род. и.)».

Комментарий.

Стк. 2. Сальвини отождествляет аккад. (ассир.) isītu с урарт. susa, что он переводит как «башенный храм» (torre-tempio). По его мнению, подкрепленному ссылкой на ряд недавних исследований других авторов, «ворота бога» (šeštila, KÁ) являются либо скальной нишей⁵³, либо воротами храма⁵⁹, в то время как susa термин, обозначающий прямоугольный храм (иногда с колоннами по типу ападаны, добавим мы), обозначает собственно «башню», поскольку, во-первых, по археологическим данным такой храм,

судя по мощности его стен, должен был иметь башнеобразную надстройку⁶⁰, и, во-вторых, согласно тексту УКН II 448 (НУНКБ, 1:16) некое сооружение, называемое É si-ir-ḫa-ni, могло находиться сразу перед двумя или несколькими sus (sūsi=pa=kā/). Отсюда, по мнению Сальвини, можно сделать предположение, что основное значение слова susэ было «башня» вообще, и что оно тождественно ассвр. isītu.

С этим рассуждением можно согласиться лишь с некоторыми поправками. По моим наблюдениям, «воротами бога» называлось святилище под открытым небом (площадка) перед культовым объектом, каковым являлась либо ниша, высеченная в скале (УКН 18, 25, 27), либо, вероятно, имитировавшая скальную нишу стенка из каменных блоков, являвшаяся частью храма (УКН 26, 31, 32, 74 [подлинный текст!], 96, 97, 172, УКН II, 448). Это особенно явствует из последнего текста; речь в нем идет, как ясно из археологического контекста⁶¹, о площадке под открытым небом перед стеной из каменных блоков. И, во всяком случае, ни из чего не видно, что блоки с надписью о «воротах бога» были частью действительных храмовых ворот. Келяшинская стела (УКН 19) была, по словам надписи, воздвигнута «перед святилищем ([ia-ga-ni]-ka-i, ina IGI ra-g [ak-ki]), которое находилось „у верхней дороги“ (SIL za-i-pu-a-di), или „над [дорогой наверх]ху (?)“ (ina UGU (ḫiḫāni e-li)-i-pu), а царские дары и утварь приносились „в Халдиевы ворота“ ^DAl-di-na KÁ), или „напрямик в ворот Халди“ (ina mi-[ḫir bābāni] ^{MEŠ} ša ^DHal-di-a, а также были „вещи, установленные по дороге к Халдиевым воротам“ (ba-ú-ši-pe-le [ḫa-g] e-e-de ^DAl-di-na KÁ te-ra-i-pe-le=INIM ^{MEŠ} ina UGU GÍR [ina ra]-an KÁ ^{MEŠ} ša ^DHal-de-e IN [IM ^{MEŠ} šak]-pa-te. Термин laḡanē=pa(r) ḡakku означает в I тыс. до н. э. «культовый постамент (подиум) со статуей или символом божества, обычно под балдахином». Ясно, что собственно храма («башенного храма», sūsa) в Келяшине не было, и под «Халдиевыми воротами» разумелась скальная ниша с площадкой, достаточно просторная, чтобы разместить «утварь» (uḡišḫa) из бронзы и серебра, нахо-

дившуюся здесь (а не в каком-то храмовом помещении за воротами).

Из надписи УКН 96 видно, что в самих «Халдиевых воротах» вкушалась жертвенная пища—конечно, главные храмовые ворота были бы для этого максимально неудобным местом. Сальвини указывает, что «ворота бога» связываются с *sūšā* в самих урартских надписях, и называет текст УКН II 418:1—2, 73, II, 3—4, и уже упоминавшийся текст УКН II 448:1 (упоминаемый им текст УКН II 418 надо исключить, поскольку в нем слово *sūšā* восстановлено в лакуне, а в УКН 73 самым общим образом перечисляются *sūšā* Халдиевы ворота и крепость). В тексте же УКН 448:1 сказано: ^DHal-di-e EN-šú l-ne ^Esu-se-e ^mRu-sa-a-še [^mA] r-giš-te-je-ne-še šl-di-lš-tú-né e-we_x ^DHal-di-[nē-le ^{GIŠ}KÁ-le] ba⁻du-si-e ^mWa_z-z /ša-i-né KUR-né ^DIŠKUR-né URU ku-šú-né [aṭ-q] a-na-dú-ne ^DHal-di-e ^mRu-sa-a-šepa-le qar-bé SAL-ze ma-li Kl^{im} qu-ul-di-ne ú-i je_x-l lš-ti-né šl-da-[ú-]re «Халдию, владыке своему, этот (дом) *sūšā* Руса Аргиштиев (сын) построил и Халдиевы ворота искусно; страны Ваз/ца город (бога) Тейшебы он поставил и посвятил его Халдию. Руса так (говорит): берег был крут, земля бесплодна, ничего тут не было построено». Из этого ясно, что в новопостроенном на холме Кармир-блур над рекой Разданом городе бога Тейшебы были как *sūšā*, так и «Халдиевы ворота». Отсюда, однако, не вытекает, что «Халдиевы ворота» были воротами, ведущими в *sūšā*, если *sūšā*—это храмовое здание, известное по Аринберду, Алтын-тепе и т. п.⁶², ибо такого сооружения на месте надписи не было. Либо надпись была на «Халдиевых воротах» (что кажется нам наиболее вероятным), либо на *sūšā*, но оба сооружения не должны были обязательно быть рядом.

Приводимая Сальвини цитата из этой же надписи, стк. 16, неточна. Из текста не видно, чтобы *ēserhan* было бы культовым сооружением в собственном смысле слова, или чтобы оно стояло перед несколькими *sūšā*. Речь идет о баране: (14) a-le ^DHal-di-na-né ^{GIŠ}KÁ UDU e-ra-šl-né ú-ú-le a-le ^{LÚ}pa-li-je_xma-pi-

le aš-du-le-né ^DHal-di-ni-^É. [BARÁG-se . . . . .] (15) ku-
šl-i-né ^DHal-de-l-ka ^DWa_x-ru-ba-l-né-ka l-šá-né šl-i-né z/šl-di-i-né

TAG ^Ése-er-ḫi-né-né ma-ri-a-ḫe-né [. . . . .]

„баран, который e-га-šl-né ú-ú-le из Халдиевых ворот, знаток, ко-
торый будет (при этом), пусть даст ему войти в Халдиево св[я-
тилище.....], пусть поставит его перед Халдием и (его женой)

Варубане, оттуда да уведет его, да совершит заклятие, (взяв) из
1) serḫapā. (принадлежащего?) знатным (?)...» Здесь se ḫi-né

(с детерминативом дома ^É), видимо, скорее всего «хлев», «загон»,
или что-либо подобное. Все о том же жертвенном баране (или о
другом таком же) речь идет, очевидно, и в следующей строке:

(16) a-le i ne ú-le ^{KUR}šu re-le, ú-ú-la-le aš-du-le-né ^Ése-er-ḫa-né-

né su-sl-né (l)-ka ku-šl-i-né aš-ḫa-aš-ti-né (17) ^DHal-di-e l-šá-ne šl-

i né z/šá-di-né TAG ^DHal-di-na-né KÁ-ka“ (а) того, который захо-

чет, чтобы народ мог wul-, пусть введет его из serḫapā к (букв.
«перед») sūsā (ед. ч., не мн. ч., как у Сальвини!), пусть ло-

ставит его и принесет жертву Халдию, оттуда пусть уведет,
пусть сделает жертвоприношение перед Халдиевыми воротами

(четыре императива 3 л. ед. ч.)». Таким образом, из контекста
филологического, как и из контекста археологического видно,

что в Кармир-блуре «Халдиевы ворота» находились на неко-
тором расстоянии от sūsā и ни из чего не видно, чтобы соору-

жение serḫapā стояло бы перед двумя или несколькими sūsā
(«башнями»). Хотя, как во всяком урартском тексте, и в этом

есть отдельные непонятные слова, однако при правильном по-
нимании структуры урартского глагола он достаточно легко

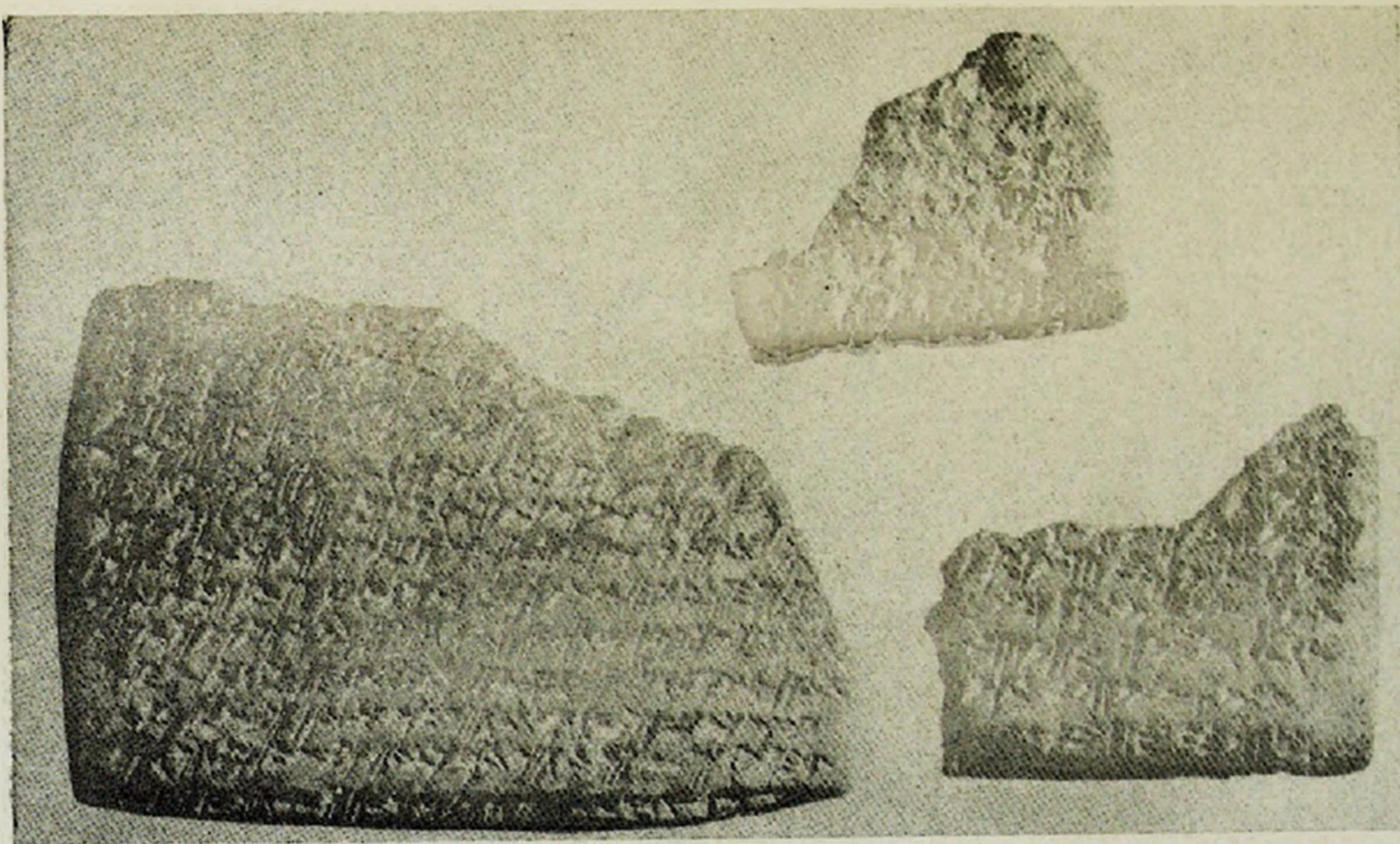
переводим в общих чертах.

В то же время вполне вероятно, что второй тип урартского
святилища (наряду с «воротами бога»), а именно sūsā могло

представлять собой святилище-башню. Башня — сторожевая, жи-

лая и, конечно, культовая—важнейшая особенность хуррито-
урартского и вообще восточнокавказского строительства и архи-

тектуры⁶³.
Однако терминологическое отождествление урарт. sūsā
ассир. is ḫtu не представляется мне убедительным. Слово asīt

Фрагменты клинописных табличек из раскопок Аргистихинили

Isītu обычно обозначает «боевую башню, как часть крепостной стены, пилон», обычный же аккадский термин для «башни», имеющей внутри помещение—dimtu. Хотя Сальвини ссылается на словарь CAD, но и из процитированных там текстов не видно, чтобы Isītu была бы названа архитектурная часть храма.

Наиболее вероятно, что sūsa обозначает в широком смысле всякое святилище вообще. Что имеется в виду в данном тексте под Isītu «башней», остается спорным.

Стк. 3. Выражение adi limiddi-šu Сальвини отождествляет с урарт. bād=usi=]э, на основании надписи из соседнего Кохбан-ца (Карахана, УКН 75; сверка Дичола) . . . (2) ^mMl-pu-a-še ^mlš-pu-ú-l-né-je[-né-še] (3) [^D]Hal-di-né-le KĀ-[le] (4) [šl]-di-iš-tú-a-[le] (5) ba-du-si-l

Слово bādusi]э стоит либо в абсолютном или дательном падеже с притяжательным суффиксом⁶⁴ 3 л., либо просто в дательном падеже. Однако оно, как правило (есть исключения)⁶⁵, не согласуется ни с каким другим словом в предложении, и поэтому должно рассматриваться как имя в застывшем дательном падеже, иначе говоря, как наречие. С этим согласовалось бы то обстоятельство, что adi limiddi-šu представляет собой обстоятельственный оборот с притяжательным местоимением 3 лица ед. ч., и можно легко представить себе, что он передает иноязычное наречие. Однако значение этого аккадского выражения совершенно неясно. Его ни при каком чтении (возможны еще li-be-d/!l-šú, li-bad/!-d/!l-šú) никак нельзя возвести к аккад. liwītum, limītu «округа, окрестность» (не «круг»), «совершенство», как у Сальвини!); ссылка на плохое знание писцом аккадской фонетики не помогает делу, так как его «ошибка» не соответствует и урартской фонетике. Кроме того, неясно, как надо здесь переводить аккадский предлог adi: как «до» или как «вместе с»? Перевод Сальвини «alla perfezione»—«до совершенства» по общему контексту подходит, но его этимология (от liwītu) вряд ли приемлема. Слово limiddu (модель *riḡiss-, являющееся разновидностью модели *riḡs-, означающей имя действия⁶⁶), если чтение его правильно, может быть образовано только от глагола lmd «позна-

вать, учиться" (lepen, meistern); при чтении le-be/bad/t-d/ti-šu подходящего корня вообще нельзя найти. Хотя ассирийская диалектная форма от liwītu будет libītu, однако переход *t > *t̄ или *dd вряд ли можно оправдать фонетическими законами, будь то ассирийского, будь то урартского языка.

Я предлагаю переводить bād=usi=(j)ə как „искусно“ (meisterhaft), букв. „(благодаря) искусству его“, а Ḫaldi=ni=(j)ə bad=usi=(j)ə — переводить как „Халдиевым искусством“.

Стк. 6. e-ia-ar-di-l-ši — не два слова, как у Сальвини, а одно: имя абстрактное /^eej=ljar=(e) d=i=šə/. Ср. УКН II 448:5: ul-GU-še pi-šu-še al-su-l-še e-ia-ar-di-še ar-né uš-ma-še „жизнь, радость, величие, ejarlišə, милость (и) мощь“ — союз *eia после трех членов перечисления и задолго до последнего маловероятен. Ср. еще УКН 276:лиц. 5—12: mā-ni-né ^DḪal-di-[né] be-di-ne ^mAr-GIŠ-ti-[e] ^mRu-sa-a-ḫe-ni-[e] a-gu-ú-še-e ku[- . . .]-še iš-pu-i-še ul-G [U-še] pi-šu-u-še al-[su-še] e-ia-ar-tú-m [e] DINGIR^{MEŠ} ar-a-né uš[-ma-a-še] „да будет Халдия Аргиштию Русинному (сыну) дар:..., счастье, жизнь, радость, ве[личие], (ибо) дали м[не боги] милость (и) мощь“. Слово /ard=l=šə/, как указывалось выше, означает „приношение“ (аккад. blītu), специфически жертвенное, и в перечне благ, желаемых царю, не встречается.

Чем объясняется окончание -ši у обоих имен абстрактных в этой строке? Предположительно, можно здесь видеть scriptio defectiva вм. -ši-j (ə) со значением „его“ (оборот типа ša Išru-ln dānūt-šu в аккадском: в урартском корпусе текстов неоднократно с именем страны в род. п. и следующим за ним ebanl=] (ə) „страна его“).

Мне кажется, я показал в настоящей статье, что сделанные нами грамматические наблюдения, основанные как на внутреннем анализе текста, так и на сопоставления урартского с родственным хурритским языком, определенно расширяют наши возможности переводить трудные культовые тексты, и отвергать эти наблюдения нет оснований. Мною подготовлены новые переводы всех урартских культовых текстов, от Келяшинской билингвы до Кармирблурской надписи: издание их — моя очередная обязанность.

В заключение остановимся вкратце на критике Сальвини моих этимологических предложений⁶⁷.

Сальвини отбрасывает мое отождествление урарт. *alae* ~ хурр. *allae* «госпожа» — справедливо, как уже упоминалось выше (с. 00), и противопоставляет свое отождествление урарт. **alawe* ~ хурр. *allae*, откуда выводит хуррито-урартское соответствие *-i/e: -u/-we*. Такого соответствия нет, и мной было указано обратное: переход хурр. *-Vwə* > урарт. *-Vjə*, никем не опровергнутое. Урарт. *alawe* надо рассматривать как род. п. мн. ч. от *alaə* «повеление».

Он отбрасывает также мое отождествление хурр. *epə* «бог» урарт. **ipu-*. Я согласен, что мое отождествление не доказано, но пока считаю его во всяком случае возможным.

Сальвини отвергает мое отождествление хурр. *εzə* «небо» урарт. *esə* — неправильно, как указывалось выше.

Он сомневается, является ли аккад. *ḫugaḫi* «воин» заимствованным из хурритского *ḫugadi* или наоборот. Сомнения эти излишни. Аккад. *ḫugaḫi* не зарегистрировано ранее середины II тыс. до н. э. и не имеет хорошей семитской этимологии, в то время как хурр. и урарт. *ḫugadi*, именно потому, что они встречаются в обоих языках, восходят к общему праязыку, т. е. по меньшей мере к V тыс. до н. э.; образование имен на *-adi* в хуррито-урартском достаточно распространено. Зато Сальвини справедливо исключает хурритскую глоссу *ḫug=iz=adi*, так как здесь мы имеем аккадизированное косв. п. мн. ч. *ḫuriz=ati* (хурр. *ḫurizē=la*).

Далее он справедливо отождествляет урарт. *qatqaga=pa* «панцирь» ~ хурр. *kaḫkaḫ=pi*, *keḫkeḫ=pi*. Однако его сопоставление урарт. *gugbə* (или *qugbə*) «колчан» с хурр. *gugbiḫi* (вариант *kuḫbiḫi* и др.), вряд ли приемлемо. Судя по аккад. *qurḫisu*, *qurbiḫisu* (из хурритского) это слово обозначает «подшлемник», «подкладка под панцирь», «войлочный наплечник» и потому с колчаном вряд ли связано.

Он подвергает сомнению отождествление урарт. *taḫə* «обозначение высокого должностного лица» с хурр. *taḫi=appa* «колесничий». Сальвини пишет (ук. соч., с. 309): «Хотя можно сказать с уверенностью, что речь идет о категории лиц, однако мне кажется трудным утверждать, что речь идет о «знатных» или

«высоких царских должностных лицах», хотя бы из-за большого их числа. Текст дает список не менее 18 различных категорий лиц, но не позволяет их подразделить иерархически». Он ошибается. Текст УПД 12, о котором идет речь, дает такую группировку персонала крепости Русахинеле:

А) 104 человека /tardašhə/
1009 человек /kiri=ne=l/ (род. п. от kirə, м. б.
„чашеносцев“)

итого 1113 человек тагə

Б)
2409 юношей (мальчиков),
119 (человек, находящихся) перед
„казначеем“ (^{LU}NIG.ŠID.DA)
68 ткачих (!—т. е. ткачей-евнухов?)
1118 псарей

итого 3784 евнуха

В) 300 šigelə (вооруженного племенного ополчения?)

Г) 90 ^{LU}UKU-še, т. е. «(местного?) населения»

Д) 108 евнухов дворца

35 /ħalbio/ (холостяков?)

10 виноделов, или виночерпьев (^{LU}ÉTIN^{MEŠ}-né)

15 людей ^{LU}šip=ik=a (e)-nə

итого 168 людей ešiate (?)

Е) 15 (находящихся) у (некоего) Убиаби,

7 погонщиков мулов

20 людей орудия ga(?)—ru—ur—da—a или ú(?)—ru—ur—da—

10 людей страны Пулио

итого 52 человека ^{LU}UKU qalta(ə)=nə

(вероятно, отсутствующих или временно пребывающих)

всего 5507 человек

Из этого видно, что тага, безусловно, относятся к высшей из пяти групп. Они помещены выше евнухов, воинов ополчения, слуг (?—*eziate*) и случайных людей. Число их, если это колесничие столичной в это время крепости, не слишком велико. Обычная древневосточная колесничная часть состояла из 200—300 колесниц. Считая три человека на колесницу (что, по-видимому, было обычно для VII в. до н. э.), мы получим примерно один колесничный полк (1000 бойцов+118 обслуживающих—конюхов, кузнецов и т. п.).

Число евнухов, и в частности евнухов-псарей, также, как мне уже приходилось указывать, нормальное и для ассирийских и мидийско-персидских дворцов.

Далее, Сальвини берет под сомнение мой перевод терминов *ni-ir-bi di-id-gu-si /nir=bə did=j=u/o=šə/* как „добро (и) имущество“ (букв. „удел, доля“). Отождествление урарт. *niḡbə*=аккад. *VI.BU* доказывалась Келяшинской билингвой (УКН 19: ур. 9, асс. 10). Однако перевод, даваемый аккадскому слову Гетце и Бенедиктом, по мнению Сальвини, („с наилучшими аргументами“), не выдерживает никакой критики. Гетце (1929) и Фридрих (1932) дают перевод *biḫḫu* «скот», Фридрих (1940)—«стадо, животное из стада», Кёниг (1953) «крупный скот (?)», «стадо(?)», Меликишвили (1960) «овца»; сам Сальвини предлагает перевод «*bestiame, mandrie*», т. е. «скот, стада». Однако современные большие словари аккадского языка (CAD, ANw)⁶⁸ не дают для *biḫḫu* ни одного из этих значений, но только «дикий горный баран», который никак бы не мог попасть в перечень урартской военной добычи. Мною было замечено, что если бы слово *niḡbə* означало какой-то вид скота, то он попадал бы в перечнях вместе с другим скотом, т. е. после перечня захваченных людей. На это Сальвини возражает, что *niḡbə* встречается в перечнях как до, так и после людей. И это вполне естественно, если это слово означает, общим образом, «добро», но совершенно неестественно, если оно означает определенный вид скота; в последнем случае оно могло бы стоять в перечне только в одном

определенном месте, а именно среди скога. Поэтому я предложил читать *BI.BU* как *KAS.PU* и предположил, что урарты различали по значению шумерограмму *KU.BABBAR* «серебро» и аккадограмму *KAS.PU* «серебро, деньги», причем последняя употреблялась только в значении «деньги, движимое богатство» — так и в надписи УКН 158, где перечисляются *QUŠKIN KU.BABBAR BI.BU di-id-ju_x-šl-l* «золото (и) серебро», — богатство (и) имущество его!» (Обратить внимание *di-id-ju_x-šl-l* = /*did* = *u/o* = *šl* = *l*/, с местоположением 3 лица). Что касается слова *didiyužə*, о котором Сальвини пишет (там же), что это урартское слово «точно не переводимое» то он, безусловно, восходит к корню *did* = (< удвоения /*di* = *di* = /), засвидетельствованному как в хурритском (аккадское образование *tidennūtu* «выдел» < хурр. прилагательного *tid* = *enne* «выделенное»), так и в урартском (УКН 96:3—4: *a-lu-še ha-lu-le-e GU-de QUB-de a-tu-le-l-e di-du-le-né ur-bu-le-né*^D *Hal-[di-]pa KA KU-né* «кто трапезу справа (или) слева будет вкушать, пусть выделит (из) нее, зарежет (из) нее, в Халдия воротах пусть ест ее»). Поэтому /*didyožə*/ (где *-j*-либо относится к полному удвоенному корню /**did* = /, либо вместе с /*o*/ составляет медиальный показатель /*yo*/ — «выделенное для себя»), несомненно происходит от глагола «выделять» и может означать в данном контексте только «выдел, доля, личное имущество».

Сальвини далее подвергает сомнению мое отождествление урарт. *rigulə* (без контекста) с хурр. *rig^ulā* «дом». Поскольку контекста нет, толкование, конечно, остается под сомнением, но совпадение один к одному в двух столь близких языках как хурритский и урартский все же говорит в пользу вероятности отождествления.

Также он подвергает сомнению отождествление хурр. *saṁte* (из вокабуляра) «лес» с урарт. *šāgə* «сад». Однако хурр. *s* > урарт. *š* (ср. хурр. *pis*- урарт. *piš*- «радоваться»), элизия гласного после *g* обычна в обоих языках, а суффикс *-te*, не меняющий существенно семантику, в хурритском достаточно хорошо известен, и я не вижу причин отказываться от этого сопоставления.

Сальвини поддерживает сопоставление (Ф. Хааза, упомянутое также мной в НуU) урарт. *šigə* «оружие» с хурр. *šaiṁgə*

«тж». Однако в урартском гласный всегда краткий, поэтому отождествление остается ненадежным. К тому же хурр. *ḫaig=pa* «земля» дает в урартском не **qur-*, а *>qəur->qīr-*.

Он отвергает сопоставление урарт. *še-ḫa-de (-e)* с хурр. *šeṭ-* «быть чистым», имея в виду, что слово—*ḫарах legошелоп*, и контекст неясен. Я согласен, что мое первоначальное объяснение слова как аллатива мн. ч. вероятно неправильно, так как в тексте—целочка дательных падежей: *UDU^DIM-a UDU^dUTU-ni-e še-ḫa-di-e DINGIR a-ni-qu-je_x-e (var. a-ni-qu-<I>)* «барана—Тейшебе, барана—Шивине, богу/богам *šeḫadi* (и) *aniqu/o*». Скорее здесь надо видеть суффикс-*adi* как в */ḫur=adə/* «воин» хурр. */fir=adə/* «знатный» и т. п. Однако это несомненно эпитет к слову *DINGIR*, и нет причин, почему бы его нельзя было произвести от столь распространенной в хурритских культовых текстах основы *šeṭ-* «быть чистым».

Сальвини отвергает предложенную мною этимологию *ši-ši-pé* «два, двойка» в УКН 128 в 1:34, предпочитая эмендацию Кёнига *mei-ši-pé*, хотя мой перевод согласуется с контекстом (в нем описано два похода на Диаухе), а перевод Кёнига не дает удовлетворительного смысла. Соответственно он отвергает мои переводы для *ši-ṣu-ḫa-pé* «вторично» и *ši-lš-ti (-i)-pé* «во второй раз», предпочитая традиционное «вновь» и «в третий раз» или «кроме того». Здесь не надо подробно разбирать соответствующие контексты, отметим только, что все три слова явно произведены от одной основы и что «в третий раз» не подходит к контекстам УКН 127 VI: 1, 155 D: 17, E:20, где, как легко убедиться, каждый раз идет речь о втором, а не о третьем походе в данный год; перевод «в третий раз» основан на 155 A:22, где походу *šištinə* еще предшествует поход *taḡā=pa*, что означает, однако, «болсе, далее, погеоверг», т. е. речь идет об одновременности двух походов (один на Бабилу, другой—на Закавказье, причем, вероятно, в одном из походов предводителем был не царь, а один из его полководцев). Также и походы *šišuḫapə*, как можно убедиться—вторые походы. Конечно, значение «новый, повторный» был бы тут тоже возможно,—если бы не те обстоятельства, что (1) слово не образовано от корня *š=*(*š=urə* «новый»), (2) слово образовано от того же корня, что и *šišinə* и *šišti pa*.

Отводит Сальвини и мое сопоставление урарт. *te-a-e* У^КН 127 V:79 и хурр. *teae* «много, очень», считая, что чтение не подходит к контексту (так как далее следует *É. GAL^{MEŠ} GIBIL-bi ḫar-[ḫar-šú-ú-be]* „крепости я сжег в огне“). Но речь идет не о сжигании крепостей в каком-то определенном походе. Текст гласит: *D^ḫal-[di-iš-me uš ḫa-]nu-me e-we, ḫu-tu-tu-ḫe e-we, [DU-nu-še(?)]* *D^ḫU^{MEŠ}-le (=arpiāšipelə) te-a-e É.GAL^{MEŠ} GIBIL-be ḫar-[ḫar-šú-ú-be]* *D[UB-te te-ru-be iš-ti-] ne*.

«Бог Хал[ди мне дар]овал счастье и [битву], подвигов много (*viele Taten*): крепости я сжигал (и) разрушал, на[дпись zde]сь [установил]». Таким образом, перевод вполне подходит к контексту.

Наконец, Сальвини уточняет мое сопоставление хурр. *tug^ubə* и урарт. *duḡ^ubəe* «мятежник». Ссылаясь на новую работу Лароша, он показывает, что и урартское, и хурритское слово означает «враг», и затем пытается спасти сопоставление урарт. *ebanə* «страна» и хурр. *omīnə* «страна», не выдерживающее фонетической критики, ссылкой на якобы засвидетельствованное соответствие между урарт. *šiwīnə* «бог Солнца» и хурр. *šimīgə* „тж“. Однако, во-первых, тут нет рефлекса «урарт. *b* ~ хурр. *m*», а во-вторых, тут нет вообще никаких рефлексов, кроме начального *š*- и огласовки на *i*. Это просто два разных слова, и урарт. *šiwīnə* — не урартское (которое дало бы стяжение *šīnə, как хурр. *šawalV* „год“ > урарт. *šalə*), а заимствованное из некоего хеттского диалекта, ср. хетт. литер. *šuni*, *šiwanni* „бог“ первоначально „световой бог“.

Я хотел бы еще раз подчеркнуть огромные заслуги Мирьё Сальвини перед урартологией, но хочу также высказать пожелание, чтобы он более внимательно прислушивался к моим грамматическим и лексикографическим предложениям, которые менее легковесны, чем ему кажется.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Краткая русская версия: И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии, М., 1967, с. 29 слл., 113 слл.; полная немецкая версия: I. M. Diakonoff,

НУУ. Краткая версия вышла в исправленном и дополненном виде в кн.: «Языки Азии и Африки», III, М., 1977, с. 50 сл. См. еще раньше: id., Comparative Survey of Hittite and Ugaritic, in: „Abhandlungen des XXIV. Internationalen Orientalisten-Kongress München 1957“, Wiesbaden, 1959, p. 165 sqq.; *он же*, Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков, „Переднеиздатский сборник“, I, М., 1951, с. 369 сл.

2 ВДИ 1953, 1—4 (ниже—УКН¹).

3 М., 1960 (ниже—УКН²).

4 ВДИ, 1971, 3 и 4 (ниже—УКН II).

5 *J. Friedrich*, Die Ugaritische Inschrift von Kolagran, in: „Acta Jutlandica“ IX, 1 (Mélanges Holger Pedersen). Copenhagen, 1937 p. 518 sqq.; *Т. В. Гамкрелидзе*, К некоторым вопросам структуры урартского языка ВДИ, 1956, 4, с. 110 сл.; *И. И. Мещанинэв*, Язык ванской клинописи II. Л., 1935; *он же*, Грамматический строй урартского языка I—II, М.-Л., 1958—62; *W. S. Benedict*, Ugaritic Phonology and Morphology, Ann Arbor, 1958; *Г. А. Меликишвили*, грамматические очерки в УКН¹ и УКН²; *он же*, Урартский язык, М., 1955; *G. A. Melikishvili*, Die Ugaritische Sprache („Studia Pohl“), Roma, 1970 (с дополнениями М. Сальвини); *J. Friedrich*, Ugaritisch, in: „Altkeleinasiatische Sprachen, „Handbuch der Orientalistik“, I Abt., 2 Bd., 1—2. Abschn., Lief. 2, Leiden—Köln, 1969.

6 *J. Friedrich*, Einführung.

7 *A. Goetze*, RHA VI (22—24), 1936, p. 179 sqq.; 267 sqq., id. „Language“ 16 (1940), 19 (1943)

8 Сюда надо отнести Э. Лароша, Г. А. Меликишвили, Н. В. Арутюняна и других.

9 *M. Van Loon*, The Eubiates mentioned by Sarduri II, in: „Anatolian Studies presented to H. G. Güterbock“, Istanbul, 1974, p. 137.

10 *М. Л. Хачикян*, Из старохурритских заклинаний, ДВ, 2, с. 251 слл. и последующие ее работы.

11 Так, ему принадлежит, помимо большой исторической работы (*M. Salvini*, *Naīri e Ur(u)ātri*, Roma, 1967), целый ряд важных публикаций надписей и частных исследований, едва ли не большую часть которых мы будем цитировать ниже. При этом нам не раз придется ссылаться на важные наблюдения и уточнения грамматических интерпретаций и переводов Сальвини, составляющих его несомненную заслугу. В большую заслугу Сальвини (равно как и Вильгельма) следует поставить последовательное введение ими, наряду с транслитерацией урартского (и хурритского) текста по знакам, также транскрипции—морфологического анализа, без чего полностью понять структуру текста на этих языках весьма трудно. В грамматическом плане наиболее важной мне представляется статья Сальвини по морфологии урартского имени, см. прим. 13. Однако же по ряду вопросов нам придется полемизировать с Сальвини.

- 12 *M. Salvini*, рец. на: *I. M. Diakonoff*, *HuU, OLZ*, 1971, 71.1, Sp. 27—31.
- 13 *M. Salvini*, *Studi sul verbo urarteo*, *SMEA*, V, 1968, p. 97 sqq.; id *Appendice*, in: *G. A. Melikisvili*, *Die Urartäische Sprache*. („*Studia Pohl*“ 7), Roma 1971; id., *Problemi di Morfologia nominale in Urarteo*, *ATON*, „*Annali del Seminario di Studi del Mondo Classico*“. Sezione Linguistica, 1979, 1, p. 97 sqq. См. также сводку его этимологических выводов, id., *Confronti lessicali fra Hurritico e Urarteo*“, in: „*Florilegium Anatolicum*“ (*Festschrift E. Laroche*), p. 305 sqq.
- 13a. См. *H. B. Арутюнян*, *НУНКБ*, с. 25. Автор транскрибирует li₂, но эта транскрипция не принята справочниками клинописных знаков, в которых уже зарегистрировано девять вариантов знака li; приходится пока транскрибировать li₁.
- 14 Отметим, что хурриты, по-видимому, не пользовались монументальным письмом. Графические «ассиризмы», возможно, проникли в урартскую письменность как раз особенно через монументальное письмо.
- 15 В рецензии на «*Hurritisch und Urartäisch*», см. прим. 12. При этом он указывает, что якобы лишь один из вариантов урартского знака LI имеет сходство с митаннийским, распространенным также и в среднеассирийском письме (заметьте, что все-таки не в новоассирийском!), но тут же оговаривает, что то же самое относится к знаку NAM; о знаках TUG и SIG он умалчивает, и похоже, что он просто не учел более пространной аргументации по этому вопросу в УПД, с. 18 сл.
- 16 Например, сопоставление урарт. alawinena с хурр. alīna „госпожа“, урартских наречий andana и salmatja с хурр. landana „правый“ и šarḫala „левый“ (passim в переводах Сальвини): урарт. ebana „страна“—с хуррит. omi (=) na „страна“, и некоторые другие, см. *Confronti lessicali* . . . p. 305—314.
- 17 Это касается моих отождествлений хурр. ena „бог“, урарт. /ili=/, хурр. rignā „дом“, у арт. /rign^ulā/ (я продолжаю считать это сопоставление вероятным, но оно недоказуемо ввиду отсутствия контекста). Со своей стороны я бы предъявил Сальвини упрек в чрезмерной осторожности: встретившись с фактом, по-разному объяснявшимся различными исследователями, он, вместо того, чтобы исходить из той интерпретации, которая лучше всего аргументирована, нередко просто отступает от проблемы, ссылаясь на отсутствие согласия между авторитетами.
- 18 См. об этом в конце статьи.
- 19 См. *I. M. Diakonoff, S. A. Starostin*, *Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language*, „*Orientalia*“, 1983, (в печати).
- 20 Графика, конечно, не различает в урартском (u) и (o), однако их противопоставление весьма важно грамматически: (u) или (i) означают переходность глагола, (o)—непереходность.
- 21 *Problemi di morfologia* . . . p. 98
- 22 Подобно показателю родительного падежа, переносятся, по-видимому,

также адъективные и притяжательные показатели $=\text{h}^{\text{a}}$ и $=\text{h}^{\text{a}}\text{a}^{\text{a}}/=\text{h}^{\text{a}}\text{a}$ ($\ll$ хурр. h^{a}), $=\text{u}^{\text{a}}$ и $=\text{u}^{\text{a}}\text{a}^{\text{a}}$). Мое объяснение этих форм как притяжательного показателя $=\text{h}^{\text{a}}$, при добавлении к показателю абс. падежа мн. ч. a^{a} совершенно ошибочно, так как $=\text{a}^{\text{a}}$ всегда занимает в цепочке суффиксов последнюю позицию. Однако суффиксов $=\text{a}^{\text{a}}\text{h}^{\text{a}}$, $=\text{u}^{\text{a}}\text{h}^{\text{a}}$ (Сальвини) тоже не существует, так как гласные a^{a} , u^{a} относятся к основе, а не к суффиксу.

23 Оно еще осложняется тем, что вторичные падежи ($=\text{edi}$, $=\text{rei}$ и т. п.) обычно не переносятся на определение, а вместо него переносятся другой падеж, по-видимому, обычно аблатив (или датив).

24 Сальвини продолжает стоять на точке зрения свободной вариации написаний с (e) и (l) в урартском, ссылаясь на устаревшее мнение И. Фридриха, будто (e) в этом языке было «очень узким». Поэтому последлог $=\text{rei}$ фонетически $\text{rei} > \text{e}$ он пишет то rlel , то rll . Однако анализ написания не оставляет никакого сомнения в действительном чтении этого последлога (параллельно $\text{kal} > \text{kā}$).

25 M. Salvini, Eine neue urartäische Inschrift aus Mahmud Abad, AMI NF, 10 1977, p. 131. Но ср. формы опатива me-š.i-le УКН 27:80; 90: 4; šl ū-le УКН 281:22; nē-ke du-le УКН 281:17; ma-nu-le 100:11 и мн. др.

26 Эти наклонения: (1) опатив (пожелательное I), перех. $=\text{u}=\text{l}=\text{l}/\text{e}=\text{e}$, неперех. $=\text{u}=\text{l}=\text{e}$; (2) деидератив (пожелательное II, $=\text{e}\text{a}$); (3) дебигив — POSSIBILITY (наклонение долженствования или возможности) $=\text{ā}(\text{a})$; (4) потенциалис (наклонение допустимости или способности), перех. $=\text{u}=\text{l}=\text{e}\text{a}$, неперех. $=\text{u}=\text{l}=\text{e}\text{a}$; (5) финалис (целевое), перех. $=\text{u}=\text{l}=\text{a}(\text{a})$. Множественное число образуется присоединением суффикса $=\text{(l)to}$ объект 3 л. ед. ч. $=\text{pa}$, мн. ч. $=\text{a}$ с переносом ударения на предпоследний слог: $=\text{u}=\text{l}=\text{l}=\text{pa}$, $=\text{e}\text{a}=\text{pa}$, $=\text{(l)ā}=\text{pa}$, $=\text{u}=\text{l}=\text{e}\text{a}=\text{pa}$, $=\text{u}=\text{l}=\text{a}=\text{pa}$; мн. ч. $=\text{u}=\text{l}=\text{to}=\text{pa}$ и т. п.

27 Studi sul verbo urarteo, SMEA, V, 196. Глагольная гипотеза Сальвини неприемлема не только из-за ошибочного понимания им показателей видов ($=\text{e}$, $=\text{ad}$) и наклонений ($=\text{e}\text{a}$, $=\text{ā}$), но и из-за понимания им урартского спряжения как «биполярного». Так, по его мнению, в $(\text{ka}\text{g}=\text{u}=\text{b}_{\text{a}})$ «я покорил (его)» показатель $=\text{b}$ выражает не только 1 л. субъекта действия, но и 3 л. объекта действия, так как это $(=\text{b})$ якобы то самое, которое в непереходном глаголе выражает 3 л. субъекта состояния ($\text{pip}=\text{a}=\text{b}_{\text{a}}$) «он пришел». Зато в $(\text{ka}\text{g}=\text{u}=\text{p})$ «он покорил (его)» $(=\text{pe})$ выражает одновременно и субъект действия, и субъект состояния (3 лица) и соответствует хурритскому местоименному субъекту состояния $(=\text{(p)pa})$, и т. д. На самом деле это не так: $(=\text{b}_{\text{a}})$ в $(\text{ka}\text{g}=\text{u}=\text{b}_{\text{a}})$ (чит. $(\text{ka}\text{g}=\text{u}=\text{v})$) соответствует хурр. $=\text{b}$, которое именно и означает 1 л. субъекта действия, а $(=\text{b}_{\text{a}}$ в $\text{pip}=\text{a}=\text{b}_{\text{a}}$ соответствует хурр. $=\text{b}$, в некоторых хурритских диалектах указывающему на 3 л. субъекта главным образом при при-

- частях. Что касается (=пэ), то это, конечно, хурритское (=п(па)) местоимение субъекта состояния (в том числе и состояния, наступившего в результате действия, т. е. прямого объекта): в урартской глагольной форме, как и в хурритской, оно выражает объект, а субъект действия, опять-таки точно так же, как и в хурритском, выражается показателем (=∅) или (=а) (в (каг=и=а=1,) «он покорил их»).
- 28 М. Исраелян М, ВОНА Арм. ССР, 1970, 9, с. 75 сл.; М. Salvini, ZA, 61 (1971), p. 250.
- 29 М. Salvini, Die urartäischen Tontafeln, in Bastam I, ed. W. Kleiss, Berlin-1979, p. 115 sq.
- 30 М. Salvini, Eine neue urartäische Inschrift aus Mahmud Abad, AMI NF, 10, 1977, p. 125 sqq.
- 31 М. Salvini, Una „bilingue“ assiro-urartea, in: „Studia mediterranea Pietro Meriggi dedicata“, Pavia, 1979, p. 575 sqq.
- 32 Не наблюдается ли здесь, по хурритскому образцу (хотя и без показателя придаточных предложений =s=), переноса аблативного падежного морфа на глагольный предикат, в данном случае для придания предложению характера пространственно=временного (примерно «от того/после того/вследствие того, что(бы) он поставил» и т. п. ?).
- 33 Или даже *tia=, см. М. Salvini, Die urartäischen Tontafeln, in: W. Kleiss (ed). Bastam I, Berlin, 1977, p. 118. С тех пор как с несомненностью установлено, что (хуррито-) урартские глагольные корни не бывают ни специфически переходными, ни специфически непереходными, но что непереходное оформление глагола (показатель /=а=/) делает его «пассивом» к переходной форме, а переходное оформление (показатель /=и=/, в нереальных наклонениях также /=і=/) делает его каузативом к непереходной форме, следовало бы решительно отказаться от приписывания словоизменительных показателей =а=/=и= к словарной форме глагола, т. е. к его основе. Сальвини основывает свою реконструкцию данной глагольной основы как *tia= на формах ti-a-i-tu УКН 19: ур. 28 и ti-a-pe УКН 100: 3; 124: 2, а во всех остальных случаях [императив ti(-i)-e, повествовательная форма 1 л. субъекта ti-ú-bé, оптатив ti-ú-le [ошибочно рассматриваемый Сальвини как имперфектив], потенциал ti(-i)-ú-li(-i)-e [по Сальвини—тоже имперфектив] он видит ассимиляцию -a-, которой я не нахожу аналогий в урартском корпусе текстов. В действительности знак ia в ti-ia-i-tu, вероятно, как и в новоассирийском, означает «j + любой гласный», поэтому читать ti-ji-i-tu; что касается ti-a-pe, то это, как уже упоминалось (комм. № 1, к стк. 4')—дезидеративное наклонение и означает «пожелал (изволил) сказать» (текст УКН 124 фрагментирован, но первоначально почти в точности совпадал с УКН 100).
- 33а Или, согласно поправке Н. В. Арутюняна, (Бнайнили, Ереван, 1970, с. 354, прим. 102), Kur-je(i).

- 34 Так, в чтении Н. В. Арутюняна, см. статью в настоящем сборнике. В пользу чтения, предложенного Сальвини (^mLu-ur-šu-la-), говорит стромное множество хуррито-урартских уменьшительных имен на -la при почти полном отсутствии имен собственных на -ši. Но все же это чтение нужно было бы подтвердить палеографически.
- 35 Такую форму можно было бы ожидать и от le' ū, но в последнем случае вероятнее историческое написание с -l-. Что касается še' ū, то от него форма alti'ī и представляется скорее средне-, чем новоассирийско^ю
- 36 УКН 167, прим. 3.
- 37 /Sarduri=šə Argišti=he=ne=šə l=na^{GIS} GEŠTIN ter=u=na . . . ha=ed=ela=na ter=l=he=ne=e(j) Sarduri='=ne=(e) j l=na Sarduri=(i)=.ie=(e) l^{GIS} udul=eī alu=šə h:=u=i=e]ə/ . . . (следует проклятие). «Сардури Аргиштиев (сын) этот виноградник устроил=его . . . (тот кто) пожелает забрать установленное Сардурием или Сардуриева насаждения, (и) тот, кто (действительно) забрал бы...» (следует проклятие). Анализ: в род. п. стоит слово «насаждение» udulə/o]olə: имя Сардури оба раза тоже стоит в род. п. (1: «установленное кого» = русск. «установленное кем»; 2: «насаждение кого»), но при этом родительный падеж переносится с определяемого на определения Sardur(i)=eī (второе) и ter=l=he, а с teri=he=ne=e(i) – и на его определение, Sardur(i)=eī (первое). Таким образом винограднику, ^{GIS} GEŠTIN (=урарт. uldə), можно было дать название „ud[o]ulə Сардури“. Заметим, что udulə – единственное число, образованное как egele „царь“, а не мн. ч. от *udu!
- 38 Управляется составным последним /artl=na/, мн. ч. /na=(a) š=ta=na/; ^mŠa-da?-wa_x-le-c-šē-da-a n: ar-ti-né [^{ID}Me-] le-l NA₄-(qar-bi-e^{KUR} ha-ti-na-š-ia-a-né ar-ti-né" . . . „со стороны царства (династии) Шадавали (?). (и) к берегу [Евфр] ата со стороны Хетлон. . .“ УКН 28: лиц. 6–7. Но в УКН 266: 5,12 /artl=na/ управляет простым аблативом.
- 39 Шум. KU, см. напр. D. O. Edzard, Sumerische Rechtsurkunden des III. Jahrt., BAW 67, München 1968, 2, III, 1 и мн. др.; акк. akālu, CAD A s. v. (b), p. 252; др. евр. 'ki Gen. 31: 15, Is. 1: 7.
- 40 Ср. арм. /ha] =ord/ „участник; (церк.) причастник“, /ha] =ord = u = tiw n/ „(церк.) причастие“. Арм. суффикс / =ord/ означает деятеля, а также является показателем порядковых числительных. Ср. аналогичный урартский суффикс =u/ord(=) в. HuU, S. 72, n. 72(7).
- 41 Я не могу согласиться с предложенным Н. В. Арутюняном чтением.
- 42 HuU, S. 142.
- 43 УКН 100:4.
- 44 Ср. mī agm=u'o=zi=l mī zil^a=bi=jə . . . kul=eīδ₁=ətδ=na/, оптатив 3 л. ед. ч. объекта: „ни семьи его, ни семени его . . . пусть не оставят“;

УКН 281 : 44—47; / DINGIR^{MEŠ} —šə...[tu] r^u=(i) ta==ne==pa mā==pa eša
zib==ə qaurā==pa edl==lə/ „боги ... пусть уничтожат его (самого) и земля
с земли“ УКН 99 : 8— 1.

Иное толкование предлагает И. В. Арутюнян, см. статью в этом сбор-
нике. Однако отменяю, что ú-ú-la-II НУНКБ, с. 39, стк. 16, скорее всего име-
ет основу не ul-, а *wulol-.

45 Правильный перевод установлен Н. В. Арутюняном, см. статью в этом
сборнике.

46 Так, не uršə как прочитано в УПД (гlossарий).

47 Хурр. (itt=) означает «идти, бежать». Сомнительно, можно ли его свя-
зывать с урарт. id—.

48 Возможно и другое чтение данного теонима, например, Šebet=о. Связь
с аккадским божеством Плеяд (иногда этот термин означает также
группу демонов), Sibittu (буквально «Семерка»), сомнительна.

49 Слово ḫāga «поход» (шумерограмма KASKAL) не помечено детермина-
тивом множественности. Но ясно и так, что несколько царей (если
только они не соправители, о чем здесь речи нет) не могут совершить
вместе один поход. Однако в то же время имеется в виду, что жерт-
воприношение будет совершаться каждый раз, когда любой один
из «царей» будет выступать в поход; отсюда сказуемое в ед. ч., бук-
вально же «когда цари поход совершит-он». Отметим также, что без-
личный субъект в этих текстах всюду передается в опативах ед.
числом.

50 *M Salvini*, Eine vergessene Felsinschrift mit einem assyrischen Opfertext,
in: „Societies and Languages of the Ancient Near East“, Warminster, 1982,
p. 326 sq.

51 Полагаю, что П.Л.А balāḫu здесь то же, что parištu в текстах законов
т. е. причинение смерти, подлежащее выкупу (вире).

52 Я подозреваю, что LÜ «человек» написано ошибочно вместо lu «или».

53 *I. M. Diakonoff*, HuU, p. 103; УКН 24 лиц. : 27, об. : 39; 155 А : 11, С:45.

54 Там же, с. 97, прим. 102.

55 Сальвини (*Florilegium Anatolicum*, p. 306) отвергает мой перевод урарт.
eša как „небо“, считая, что он основан только на созвучии с хурр. eše
„небо“. Это, однако, не так. Перевод основан на контексте Злартиноцкой
надписи (УКН 28 : 17 : 25). Морфологический анализ: /l==n==uka==ḫe==
ne==(l) a^m Rusā==ne==(j)ə ḫubi==jə:šə pila nek=ed=o='=ə UDU.
MAŠ TUR^D ḫaldi=l nips=ed=u=l=ne UDU^D ḫaldi='ə urb=u=l=l=
pa . . . šə A^{MEŠ} cš=a š=u==ə MAŠ TUR^D ḫaldi='ə nips=:d=
u=l=l=pa; и т. д. „О во этой Русинной долине (приказано): если канал
будет (nek=), для Халдия жертвоприношение пусть устроят, барашка
для Халдия зарежут ..., если воды в eša будут š=, жертвоприношение
для Халдия пусть устроят“ и т. д. Вряд ли возможен здесь иной

перевод, кроме как «если кавал разольется» ..., «если воды в небе прольются», и он подтверждается сравнительно-лингвистическими данными. Неточно и утверждение Сальвини, будто в других контекстах значение «небо» для eša не подходит, ср УКН 31:3—6: /i=na eša Minuš ša eši=ne ned=(или ne=ed=) u=na šid=(i) š(u=a=la Halde=ne=la šešila/ «это место Минуа у неба(?) сделал ne(d)= (и) построил Халдиевы ворота» (ne(d)= «испросил»)? Чтение ešla šiull в Звартноцской надписи Н. В. Арутюнян также считает весьма сомнительным. Он думает, что во фразах aše pilli nikid u lli u aše A^{MEŠ} eš.e-šiull слова nikidull и ešlašiall одинаково являются глаголами. См. ДВ, 4, с. 204—205.

56 См. М. Л. Хачикян, Шумеро-хурритский словарь, ВДИ, 1975, № 3, с. 35; она же. Дialeктное членение хурритского языка, ДВ, 3, с. 40 (в столбце «угаритский I»).

57 Глагол pil- «пасти, править» (см. выше с.) здесь очевидно, невозможен. Можно еще сделать предположение, что здесь шумерограмма NU «ве, нет» передает не урартское отрицание uə «не, нет», а глагольную основу u- «платить, возмещать»: (u=na «пустить возместит его»). См. УПД, глоссарий, с. 69—70.

58 Как в случаях надписи Мхери-дур/Мехер-капысы, УКН 27.

59 T. Torhan, V. Sevin, The relation between Urartian temple gates and monumental rock niches, ТТКВ ХХХІХ, 1975, р. 401 sqq. (цит. по М. Сальвини).

60 Salvini, ук. соч. с. 581—582 (со ссылкой на работы Д. Штронаха, JNES 26' 1967, р. 278 sqq. и Р. Науманна, IsIMitt 18, 1969 р. 50 sqq.).

61 Площадка находилась на уровне второго этажа здания, и хотя собранные Б. Б. Piotrovским из частей каменные башенки реконструируются как находившиеся здесь, не исключено, что над площадкой находилась еще сырцовая башня, и уже на ней—башенки-зубцы. Так или иначе, хотя надпись УКН II 448 и упоминает храм-sūsa, однако по близости от надписи нет никакого сооружения, напоминающего sūsa в Эребуни (Аринберде), т. е. здание с колонным ялом. На Кармир-блуре колонный зал есть, но не в этой части крепости, а в ее юго-восточном углу, см. план на форзаде книги: Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, Л., «Аврора», 1970; является ли он святилищем, сомнительно.

62 В принципе нет безусловной необходимости, чтобы sūsa называлось то сооружение, на котором обозначено слово sūsa. Так, надпись УКН 25 из Ашотакерта сделана внутри скальной ниши, но в ней написано: ^DHal-de-e-i su-se ši-di-iš-tu-ne «построил sūsa Халдия»—«правда», не сказано *i-ne ^DHal-de-e-i sūsa, т. е. «это sūsa Халдия»!

63 М. И. Джандиери, Древнее башенное общинное жилище, ВДИ, 1981, № 2, с. 125 сл.

- 64 На такое понимание указывает, например, написание ba-(a)-du(-ú)-si-l-e (в 11 случаях из 2) при scriptio defectiva ba-du-si только 1 раз из 27.
- 65 Например, УКН 99, об. 2: ^D]Hal-di-ri-e ba-du-si-e DUB-te [te-r] u-ú-be „для (?) bāduse Халдия надпись я поставил“.
- 66 GAG § 55 с. 2, р. 30.
- 67 Работа Сальвини (Confronti lessicali . . . см. прим. 13) представляет собой пересмотр предложенного мной в 1972г. (Hurrisch und Urartäisch, p.) списка хуррито-урартских лексических сходжений (только в области имени).
- 68 Правда, CAD s. bibbi приводит в примеры из ассирийских надписей урартских царей, где встречается написание BI.BU, и дает ему традиционное (по А. Гетце и И. Фридриху) значение «жертвенное животное», но это ошибка, так же, как ссылка на якобы имеющиеся в урартском заимствованное слово bi-bu с тем же значением.

А. В. КОСЯН

К ИЗУЧЕНИЮ СКЛОНЕНИЯ В ИЕРОГЛИФИЧЕСКОМ ЛУВИЙСКОМ

Склонение является одной из наиболее хорошо разработанных областей грамматики иероглифического лувийского языка. В разное время исследователями были освещены многие аспекты системы склонения этого языка¹, что дало в конце концов картину, почти соответствующую системе склонения клинописного лувийского². Система Хоукинса, Морпурго-Дэйвис и Ноймана, основанная на новых чтениях ряда иероглифических знаков, дает серьезный повод для некоторых соображений, о которых речь пойдет ниже.

Определенные сомнения вызывает постулирование двух параллельных падежных окончаний -apza/-inza (ср. клинописное лувийское -pza) в дательном падеже множественного числа у основ на -i-³ (для а-основ этот падеж не засвидетельствован надежно; здесь скорее можно ожидать -apza). Чтобы в дальнейшем избежать возможных трудностей при констатировании -i- или -а-основ, слова, имеющие окончания -is(a) и -in(a) соответственно в именительном и винительном падежах единственного числа мы будем рассматривать как -i-основы, а -as(a) и -ap(a)—как а-основы. Правда, в некоторых случаях отсутствие указанных форм, как и отсутствие возможности сравнения данного слова с клинописными лувийскими и хеттскими параллелями, препятствует четкому разграничению основ.

Мы привлекли к изучению слова, представленные более или менее полной парадигмой, к тому же имеющие клинописные лувийские параллели, что в известной степени облегчает анализ.

1. Слово «господин», передающееся в письме наполовину идеографически, наполовину фонетически: EN-па-пí-⁴. В дат. пад. мн. числа засвидетельствовано трижды:

EN-па-пí-ia-za (A 15b, 4, 16)—пад. оконч.-anza

EN-pí-za (Karatepe, XIV 70)—пад. оконч.-inza

Слово это имеет основу на -i-, хотя в клинописном лувийском представлена а-основа⁵.

2. Слово „бог“, также передаваемое полуйдеографически—D(INGIR)-пí-⁶; в кл.-лув. maš(za)па-, лик. maḥana-(ср. хетт. šiw-(an)па). Слово это в иероглифическом лувийском имеет основу на-i-(ср. формы им. пад. ед. числа D-pí-sa и вин. пад. ед. числа D-pí-l-па и т. д.); кл.-лув. имеет в дат. пад. мн. числа—maššap-anza.

D-pí-za (A 11b; A18a; A 13d,8; A 33g,1; A 11c,1):-inza

D-pí-za (A 4d);—inza

D-па-za (A 3,9; Volkarmaden, 10; Tell Ahmar II,8);-anza

3. Слово «царь», переданное полуйдеографически—LUGAL-ti-⁷; формы им. пад. ед. числа и им.-вин. пад. мн. числа говорят об основе на -i-. В клинописном лувийском оно засвидетельствовано явно в хеттской форме LUGAL-uš (им. пад. ед. числа)⁸:

LG-ta/tá-za (Karatepe L 282 Hu/No; LII 301; A 15b, 13):-anza

LG-ti-za (Tell Ta'jlnat VII 8,2);-inza

4. Слово rapa/i- „дом“⁹; в кл.-лув. rapa(a)- (п-основа). Большинство форм вин. пад. ед. числа (pa + ra/i-па) и форма вин. пад. мн. числа (É-па-zi) свидетельствуют об основе на -a- или -п-:

É-па-za (Karatepe XIV 71);-anza

É-pí-za (A 2,16):-inza

5. Слово píwani- «ребенок»¹⁰; формы им. и вин. падежей ед. числа показывают i-основу:

DUMU-pí-ia-za (A 15b, 16):-anza

[DUMU]-па-za (A 15b, 4):-anza

DUMU-pí-za-(a) (A 4a, 6);-inza

6. Слово tanimi- «весь, все вся»¹¹; в кл.-лувийском—тапа/ита/i-¹². Конечное i- основы иер.-лувийского слова сохраняется в им., вин., дат. пад. ед. числа и в им.-вин. пад. мн. числа:

ta-ní-[i]-mi-za (Kırç-og'lu, 4):—inza

TANM+MI-та-za (Karatepe L 281 Hu):-anza

Абсолютное большинство -i-, -a- и согласных основ, кроме указанных слов, во мн. числе дат. пад. имеют падежное окончание -anza (ср. парадигмы склонения слов *huhati*-„дедовский“, *pati*-„нога“, *SAG-ti*-„человек, муж“, *harsitana/i*-„комната, помещение (?)“, *hamasi*-„внук“, *URU-mini*-„город“, *DUMU-niwa/i*-„сын“ и т. д.). Кроме того, привлекает внимание то обстоятельство, что все формы на -anza, за исключением *walitali*-„район, область“¹³, имеют параллельные окончания на -anza.

С целью изучения такого смешения падежных окончаний проведем систематизацию текстов, где налицо окончание -anza, проделав то же самое и для текстов с -anza. Все вышеприведенные слова распределяются в этих группах неравномерно; восемь из них имеют окончание -anza, и все они употребляются лишь однажды с таким окончанием (только *D-anza* дважды), в то время как некоторые из них имеют параллельные окончания на -anza в других текстах. Особняком стоит *tanimi*-, которое имеет параллельные окончания в билингве из Каратепа—*TANM+MI-za* и *TANM+MI-ma-z*¹⁴. А тексты *Volkaamadon*, A 3, A 11a и A 15b вообще не имеют дат. пад. мн. числа на -anza, хотя здесь относительно широко представлены окончания -anza. Лишь *tati*- «отец» и *walitali*- «район, область» представлены с -anza, но здесь следует отметить, что второе слово слишком редкое и в данном падеже зарегистрировано лишь однократно. Относительно первого слова нужно сказать, что в тексте из Джекке встречается несколько странная форма *ta+ga/i-a-za*¹⁵, стоящая в функции дат. пад. мн. числа /с ротацизмом t:g/.

Как видно из списка чередующихся падежных окончаний, в четырех случаях из шести в качестве падежных окончаний в дат. пад. мн. числа употреблены группы слоговых знаков -ia-za, pi-za, -pi-za, -pa-za. Известно, что носовой (назальный) элемент очень часто не передается в иероглифическом лувийском письме, как это нередко бывает и в хетто-лувийских клинописных текстах. Что в последних трех слоговых группах носовая фонема входит в основу, а не в падежное окончание, ясно видно на примере слова *EN-papi*-, а также в словах «царь» и «весь, вся, все», где этот носовой элемент вообще не фигурирует.

Возвращаясь к существующему параллелизму падежных окончаний в дат. пад. мн. числа, следует отметить одно важное обстоятельство. В приведенных четырех примерах (и в нескольких других словах) характер интересующего нас падежного окончания зависит от огласовки знаков па и пи/пи. В связи с этим интересно проследить за чередованием этих слоговых знаков. Отметим, что лишь в начале 60-х годов была предложена *i*-огласовка для последних двух¹⁶. Хотя для большинства случаев можно с уверенностью принять эту огласовку, но в некоторых—согласиться с такой трактовкой трудно. Здесь опять-таки вернемся к парадигме склонения. В аблативе ед. и мн. числа слова *taḡwapa/i-* «правосудие, справедливость»¹⁷ в двух случаях налицо окончание *-iti*, в остальных *шести* *-ati*. Так, например:

TRW-па-ti (Karatepe XVIII 90) : ,TRW,-wa/i-ni-ti (A 11a,4)
 ,TRW,-wa/i-na-ti (A 11b,6) : ,TRW-ni,-ti-i (A 12,11)
 ,TRW,-па-ti (A 11a,6)
 taḡa/i-u-па-ti (Kululu I, 15)

Замстим, что в тексте A 11a налицо два параллельных окончания. В слове *hagnisa/i-* «город, крепость»¹⁸ также замечается смешение па и пи в род. пад. ед. числа:

²³¹ há+ḡa/i-ni-sà-si (Karatepe L1a 288 Ho)

²³¹ há+ḡa/i-na-sá-si (Karatepe L1a 288 Hu)

Ниже приводим примеры смешения этих знаков в вин. пад. ед. числа слова «господин»:

EN-па-i-ni-i-па . (A 11b,5)

EN-па-i-па (Tell Ahmar 1,5)

EN-ni-па - (Bolkarmaden, 3; Şirzi, 2)

Явное соответствие конечной группы знаков *-ni-i-па* *-па-i-па* и *-ni-па* говорит в пользу того, что во втором случае па должен иметь *i*-огласовку, на что, как нам кажется, указывает следовавший за ним знак *i*¹⁹.

Таким образом, основываясь на этих последних проявлениях смешения знаков для слогов типа *Ci* и *Ca*, а также на чередовании падежных окончаний в дат. пад. мн. числа *-inza* и *-anza*²⁰, мы предполагаем возможность существования неопределенности огласовки для знаков № 411 *-ni* и № 214 *-ni*, а также для № 35 *-па*²¹. Это значит, что и для дат. множ. числа основ на *-i-*

(и согласных основ) можно предлагать не два, а одно окончание -anza.

Правда, возможно и другое объяснение. Это—наличие назализованных гласных *ā* и *ī* перед-za в дат. пад. мн. числа (также в имен. пад. мн. числа и в аблативе), т. е. в таком случае для этого падежа следует предложить параллельные падежные окончания-aza и -īza, а не -anza и -inza²².

Надеемся, что новые открытия в области иероглифической лувийской грамматики, а особенно новых надписей, дадут дополнительный материал для проверки наших предположений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Результаты многолетних исследований обобщены в книге П. Мериджи, MEG I, с. 25—59.
- 2 ННЛ, с. 25—37.
- 3 Там же, с. 27.
- 4 ННГ, с. 170. Здесь и далее мы пользуемся системой передачи части идеограмм иероглифического лувийского письма шумерограммами, практикуемой П. Мериджи. Система транслитерации с помощью лексики современных или классических языков (Э. Ларош, Д. Хоукис и др.), на наш взгляд, неприемлема, потому что соответствующие слова, применяемые для этой цели, не могут претендовать на абсолютную точность, так как нам далеко не всегда известны точные значения многих иероглифических лувийских слов. Шумерограммы же обозначают широкий круг близких по значению понятий. Порядковые номера иероглифических знаков приводятся по списку Э. Лароша (НН, с. 269—279).
- 5 DLL, с. 120.
- 6 ННГ, с. 166—168.
- 7 Там же, с. 173—175.
- 8 DLL, с. 123.
- 9 ННГ, с. 93—94.
- 10 Там же, с. 88—89.
- 11 Там же, с. 117—118.
- 12 DLL, с. 90.
- 13 ННГ, с. 215. Но ср. чтение этого слова у Хоукиса—walilita— (The Negatives in Hieroglyphic Luwian, „An. St.“ 25, 1975, с. 136.
- 14 MEG II, с. 84, LII, 300, с. 82, L 281.
- 15 Там же, с. 110.
- 16 Н. Mittelberger, Bemerkungen zu Merigg's hieroglyphisch-heithitisches Glossar „Die Sprache“ 9 (1963), с. 75.
- 17 ННГ, с. 124

18 Там же, с. 124.

19 О scriptio plena в иероглифическом лувийском см. NHL, с. 21—25. Подробный анализ иероглифических лувийских текстов показывает, что написания *plene pi-i, pi-i*, а также *mi-i* и *ti-i*—очень частое явление. Подобные написания встречаются во всех позициях и регулярно чередуются с написаниями без *i*. Функция этого *i*, как нам кажется, заключается в основном в уточнении огласовки предыдущего слогового знака типа *C+V*. Этот вопрос весьма спорный и ждет своего решения в будущем.

20 Включение в круг исследований других слов и словоформ зависит от дальнейших достижений в области изучения лексики и в особенности частей речи иероглифического лувийского языка. Поэтому мы пока ограничиваемся лишь парадигмой склонения существительных, представленных относительно полно. Имеются случаи смешения слогов *pa* и *pi*, но скудность материала не позволяет сделать сколько-нибудь обоснованных выводов; ср. формы вин. пад. ед. числа *ka-tu-pa-zi* (KI. VII, 4) и *ṣṣḫa-432-pi-zi*, а также личное имя ^m*Wa,i-pa-sa* (Karabulut, 1), что, кажется, имеет параллелью клинописное имя ^m*Wanni* (NHL, No 1489).

21 Подобное толкование легко ассоциируется с фактом существования в лувийской иероглифике ряда широко употребительных слоговых знаков типа *Ci* и *Ca*, которые проявляют регулярное чередование огласовки /см. знаки № 215—*ha/he*, № 391—*ma/mi*, № 383—*ga/gi*, № 445—*ia/i*, № 50—*ta/ti*, № 439—*wa/wi*, № 419—*ma mi*. Имеются случаи, хотя и немногочисленные, говорящие в пользу неопределенности огласовки для знаков № 415—*sa* и № 174—*si*.

22 На такое возможное объяснение указал нам недавно Вяч. Вс. Иванов в личной беседе. Очень заманчива идея видеть в дат. пад. мн. числа не два параллельных окончания, а одно—редуцированный гласный+*za*, т. е.—*эза*. Нельзя исключать и диалектные особенности разбросанных на весьма широком пространстве иероглифических лувийских текстов.

Н. А. МКРТЧЯН

УТОЧНЕНИЕ АККАДСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ ПО ДАННЫМ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

С помощью сохранившихся в армянском пехлевийских слов восстановлено немало иранских форм. Армянские параллели помогали лингвистам реконструировать не только исконно иранские-пехлевийские, но и общендоевропейские основы.

Значительное число аккадских слов не сохранилось ни в одном из других семитских языков, так же как и в языках, некогда соседствовавших с аккадским. Именно поэтому неоценимы те услуги, которые может оказать армянский язык при установлении значений аккадских слов.

Армянские параллели аккадских слов ценны особенно с трех точек зрения: 1) с их помощью можно уточнить и подтвердить те или иные значения аккадских слов, которые уже установлены, 2) с помощью армянских параллелей можно установить значения тех аккадских слов, которые пока не разгаданы и 3) можно установить звучание соответствующих аккадских слов, имеющих либо двойное написание, либо двойное чтение.

Среди аккадо-армянских параллелей особенно продуктивны сопоставления *названий растений данного ареала*, поскольку названия растений относятся к числу наиболее консервативных групп лексики, не изменяющих свои значения столетиями. Поэтому с уверенностью можно полагаться на армянские параллели этих названий растений—в смысле и значений, и звучаний,—при установлении соответствующих аккадских слов.

Совпадения названий в армянском и аккадском, восходящих к третьему источнику, относятся главным образом к растениям, не растущим в Нижней Месопотамии,—нагорным (яблоня, сли-

ва, мушмула, бутень кавказский, мята, айва, тмин, алтей, тимьян, проскурняк, виноград и пр.), поэтому «третий источник» — это язык одного из горных народов Загроса, или Армянского нагорья — либо хурритский, либо какой-то более древний язык.

Արբիշ (arbeš) (Cotoporus Caerdn.?), „воронья лапка“
Специалистами установлено, что акк. arībāš — «некое растение» означает точнее „воронье растение“, от arīb- (евр. ōgēb), арам. (ōgebā, араб. gugaḅ-) — „ворон, ворона“.¹

Иногда как синоним arībāš-выступает šēra arībi- „воронья нога“ (или šēr arībi = Ū GĪR.NĀG-GĀ, GĪR-Ū-NĀG, Ū GĪR UGA² MUŠEN Ū UR-PI-PI = uzup lale², что дает ключ к разгадке вида: этого растения.

Очень интересно, что это название сохранилось также в армянском: *արբիշ* (arbeš). В армянских средневековых лечебниках *արբիշ* представляется как волшебное растение³. Чаще употребляется название этого растения в переводе: *աղաշի թաթ*, *աղաշի թաթ* — „воронья лапка, *աղաշի ոտք* — „воронья нога“, *աղաշի ճանկ* — „вороний коготь“⁴: это соответствует акк. šēr a/arībi (arībāš), иначе — arībāš — „воронья нога“.

Поскольку нам известен вид этого растения в армянском, то можно установить и вид аккадского arībāš. Это наверно из семейства Капустных (= Крестоцветных — Brassicaceae), либо «воронья лапка», либо «вороника, водяника, шикша, ерник» из семейства Empetraceae, либо „воронец“ из семейства Ranunculaceae.

Արշաթ (aršat) (Hordeum?), „ячмень“, (Triticum?), „пшеница“
В армянских письменных источниках слово *արշաթ* (aršat) употреблено один раз в тексте «Ашхарацойца» (География, с. 32): «И имеет из плодов *արշաթ* (aršat) и мандрагор». В других изданиях (1843, 1869 г.) слову *արշաթ* соответствует *գալ-արշաթ*⁵.

Но существование такого слова в армянском очень сомнительно и пока в других источниках не зафиксировано. Правильность первого написания и существования арм. слова *արշաթ* подтверждается при наличии акк. aršāt — „ячмень“ (Gerste) или „пшеница“ (Froment), возможно и „полба“ (Triticum spelta); про-

исходит aršat от aršu, etšu—„воздвигать“. Например: še'am и aršatim—„зерну и ячменю“ (возможно пшенице или полбе), karpat aršatim—„сосуд для ячменя (или пшеницы, полбы).“

𐤁𐤓𐤓 (dir) (Triticum Vulgare, lam. var. turgidum L.)

В аккадских клинописных текстах описываются многие формы обработки земли и разнообразные способы выращивания хлеба, бахчевых культур: один из них так называемый «хлеб (урожай, зерно)—dir (= ^{NINDA}diru). Происхождение слова dir неизвестно. Производные от dir-midirtu—„грядка, клумба“ (Gartenbeet), midru I—„вид пашни, земли“ (eine Art Land) и „вид хлеба“ (^{NINDA}dir,- midr-, medir-(eine Brotart)?

Но что представляет собой этот хлеб—нам было бы не понятно, если б не было армянского языка, со своими многочисленными диалектами. Они помогают нам выяснить вид посева или хлеба. В армянских диалектах сохранились параллельные выражения вышеупомянутых аккадских форм. Например: դրի հաջ (dri haç)—„хлеб dir-a“, դրի զորհան (dri çorean)—„пшеница dir-a“ „դրի զանբ (dri çak')—„посев dir-a“, դրի հերկ (dri herk)—„вспахка dir“, դրի ի/հարոց (dri x/harog)—„соха от dir или соха, для dir-a, рало для dir-a“ и т. д.⁸

Слово դրի (dir) объясняется по-армянски как «порядок, распорядок, ряд, строй, канон, закон» (род. пад. դրի), например: աշխարհի դրրը— «порядок мира, постановка мира», դրի դնել (dir dnel)—«распорядить посев, сеять по порядку»⁹. Этот рядовой способ посева был распространен особенно в таких неорашаемых районах Армении, как Бзунник (Хлат), Хорхорунник (Арцке), Арджишкаовит (Долина Арджеша), Гнуник (Тимар), Беркри (Арберан), Коговит (Баязед) и т. д. Это не только очень результативный, но и более развитый и высокий уровень земледелия. Поэтому крупнозернистая пшеница, полученная способом dir, называется դրի զորհան или դրի и воспринимается как „отборная, благородная, крупная“¹⁰, в специальной литературе встречается еще синоним անշուտահան, ինժահան զորհան = դրի:

В „Illustrated Polyglottic Dictionary of Plant Names“ К. Бедевян Triticum Vulgare или turgidum L. объясняет как англ. Humpy

greined wheat, Turgid wheat, Riwet wheat, фр. Froment renflé, Gros blé, итал. Formento turgido, Granl grossi, немец. Englisher weizen.¹¹

Вот как объясняется слово *դիր* в «Диалектном словаре» Р. Ачаряна: «*ճիր*—особый способ сеяния (выращивания) зерна, который намного результативней обычного: зерна получаются очень крупными и большими, потому и поле не нуждается в отдыхе через каждые несколько лет»¹².

Так как слово *dir* (=акк. *diru*)—ареального происхождения и не имеется в других семитских и индоевропейских языках, а лишь в армянском и аккадском, то возможно, что унаследовано оно у аборигенов Армянского нагорья, как подсказывает нам эпитет [NINDA. K]UR. RA=«хлеб горный, превосходный», который употреблен как синоним слова *dir*.

կկլ, կկկլ, գլգլ, գլգլ, գլգլ (*klkl, klkl', glgil, glgl, glgil* (Panicum))

В армянских диалектах сохранилось слово *կկլ* (*klkl*) или *կկկլ, գլգլ, գլգլ* (*klkl', glgil, glgl*)—название одного из сортов Panicum «проса, пшена», заменяющего пшеницу в некоторых районах исторической Армении (Тарсн, Муш, Сасун, Арабкир, Харберд, Хнус, Шатах, Балеш, Малатия и т. пр.). То же самое растение *գլգլ* (*glgil*), отмеченное Р. Ачаряном в ՀԱԲ, у Р. Казаряна отождествляется с «апиос» (*Apios Boerh.*) из семейства Бобовых (Мотыльковых) (=Papilionaceae).¹³

Этимология арм. *klkl/glgil* пока не известна. Можно предположить, что это слово имеет ареальное происхождение и поэтому не встречается в других индоевропейских языках. Это подтверждается наличием в аккадском языке параллели (*akal*) *qal qāl* (в шумерограмме ZI. GAL. GAL(LA)), что переводят «вид муки». Встречается также выражение *akal qal qāl*—«мучнистый хлеб» (по Gloss.)¹⁴.

Вокализм не позволяет армянское слово считать заимствованием из акк. *qal qāl* и потому более вероятно их заимствование из третьего источника.

Համբուր/Համբուր (*zambur/zambur*) (*Thymus capitatus*) «чебрец, тимьян головчатый». Употребляется слово *Համբուր* (*zambur*; (вар. *Համբուր* (*zambur*)) в лечебниках ьрм. средневековья, а также в диалектах Бутании (Ченкилер, Никочидия, Асланбег, Кейве), в

Мушском диалекте также *զամբուր* (zambur) в значении „чебрец, тимьян головчатый“ из семейства Яснотковых (Губоцветных). Р. Ачарян отождествляет с *զամբուր* также слово *զամբուր* (zambur) — „некое растение, зелень, что едят с хлебом-солью“, Бябурдского диалекта, происхождение которого также не установлено.¹⁵

Нам кажется, арм. *զամբուր* имеет отношение к аккадскому слову *zambūru SAR* (от *zabbūru*) — „садовое растение“, встречающемуся в «Садовой табличке», с весьма неопределенным и общим объяснением, которое приводит Ф. Делич в «Словаре ассирийского языка». Там же под вопросом он дает также разночтение *šamrūru?* (II kol. No. 17)¹⁶. CAD дает правильное значение «Thymian», однако в качестве заимствования из арамейского *zambūra*, *Zambūra*, *zabbūra*.¹⁷

Нам кажется, армянская параллель *zambur* позволяет уточнить не только значение аккадского слова, но и правильное чтение из предложенных двух вариантов. Поскольку акк. *z* = арм. *z* (*զ*), а акк. *š* = арм. *с/с'* (*ժ/ճ*), то арм. *zambur* может восходить только к такому источнику, где оно имело звучание с *z*, то есть *zambūru*.

Հափրան, զաւհրան, զաֆրան (*zar'gan*, *zawhran*, *zafran*) (*stocus L.*), „шафран, крокус“.

Одно из распространенных слов в языках Востока — *шафран*; в сирийском *za'fagan*, в арабском *za'fagan*, а в аккадском *azurigan* или *azurigan*¹⁸. Происхождение этого слова пока не установлено, но, опираясь на его эпитет „горны“ *Ú ŠE-LÚ ĤUR-SAG^(SAR)* *Ú SULLIM ĤUR SAG^{SAR}* по данным аккадского,¹⁹ можно думать о его заимствованности у народов Армянского нагорья или других горных стран. В армянском языке оно засвидетельствовано в нескольких транскрипциях: *զափրան* (*zar'gan*), *զաւհրան* (*zawhran*) (у Мхитара Гераци), *զափարան* (*zar'agan*), *զաֆրան* (*zafran*),²⁰ а также употребляются синонимы: *քրքում, չիգտամ* (*k'rk'um*, *čigtam*).

Арм. *zar'gan* возможно, восходит к акк. форме *azurigan*-, где начальный гласный *a*- отпал, или к варианту *zarigan, скорее — к сиро-арабскому *za'fagan*.

Լոբի (*lobi*), *լոբյա* (*lobya*), *լոլիաս* (*lowlas*) (*Phaseolus L.*), „фасоль, бобы“.

В армянском языке есть слова из явно ареального субстрата, источник заимствования которых трудно установить. Например: наряду с армянскими *լորի* и *լուշի* (*lobi*, *luria*), в литературном языке и во многих диалектах употребляются также поздние заимствованные формы—*լորի*, *լուշի* (*lubya*, *lowias*) в значении «фасоль»²¹.

В классической армянской литературе *լորի* (*lobi*) не засвидетельствовано случайно и встречается лишь с XI в. Так как эта культура, по археологическим данным, известна жителям Армянского нагорья с незапамятных времен, кроме того, для обозначения фасоли другого названия не существует в армянском, то, по-видимому, армянская простая форма *lobi* (без суффикса *-ya*, *as*) древнее арабской или греческой *լորի*, *լուշի* (*lubya*, *lowias*).

Это подтверждается также наличием аккадской формы *lurru-* или *lubbu-* (в новоассирийском)—«бобы» (*Bohne*), которое Р. Лабат переводит, под вопросом, как *haricot?* (фасоль), *feve* (бобы?), в издании МЕА, 1952, а в издании МЕА 1976. *LU. UB SAR* ошибочно отождествляется с *lartu* «репа»²², так как *SAR* обычно детерминатив для луковичных, клубневых, корнеплодов: *lartu*—«репа» к «фасоли» не имеет отношения. Армянское *լորի* (*lobi*) подтверждает значение и звучание аккадского *lubbu-* (*lurru*, *lubbu*)—«фасоль, бобы, которые все вместе восходят к третьему источнику.

խիշ (*xaš*) (*Thymus L.*). «чебрец, тимьян»

В армянском тексте лечебника Галена слово *խիշ* (*xiš*)—«вид дикой мяты» (*Mentha pulegium L.*) часто заменяется словом *խոց* (*hogh*)—«дикая мята» (*Thymus L.*), «чебрец, тимьян». В некоторых армянских диалектах *хогп* (*o*) употребляется также в значении «чабер»²³. Таким образом, эти растения принадлежат к одному семейству Яснотковых (Губоцветных). Так как значение этих двух слов общеизвестно в армянском, то можно с их помощью уточнить также значение и звучание акк. слова *խիշ* III²⁴ (вар. *аши* VII²⁵) аккадских текстов. Поскольку в армянском имеется только *խիշ* (*xaš*), то из двух вариантов акк. *խиш* III, *as-VIII* как исконной нужно рассматривать *has*—Стоя-

шее же под вопросом значение его «вид мяты»? можно с уверенностью считать правильным.

Ժոթոռ, ծոթրիւ ծիթրոն, ծեթրոն, ծաթրիւ (cot'or, cot'rin, cit'ron, cet'ron, sayt'rin) (Saturea L.), „чабер“.

В армянском языке слово *тимьян, чабер, чебрец, будра* передано множеством вариантов: *ծոթոռ, ծոթրիւ, ծիթրոն, ծաթրիւ, ծեթրոն, զաթառ, զիւթրոն* (cot'or, cot'rin, cit'ron, ca'trin, cet'ron, zat'ar, cit't'ron). Некоторые из них, несомненно, соответствуют семитским параллелям и заимствованы в разное время из разных семитских языков и их диалектов: имеется оно также в аккадском либо как *sater-/zater-*, либо *satar-/zatar-*, арм. *šadra*, сир. *šātara*, араб. *ša'tar, sa'tar, za'tar*²⁸. По мнению Г. Хюбшмана, армянское слово *ot'or*, заимствовано из арамейского (сирийского) *šadra*²⁹, но тогда в армянском ожидалась бы форма *ծադրա* (*cadray*), кроме того, производные армянские формы с суффиксами *-ոն, -իւ, -աւ* не дают нам основания для этого. Правильнее было бы считать некоторые из этих форм заимствованиями из раннего арамейского, потому что суффиксы *-оп, ал* и окончание *-in* это показатели множественного числа раннего арамейского.

Կորդիւ, կորդիւն, կոթրիւ, կորաւ (kordin, kordiwn, kot'rin, ktran) (Saturea L.) „чабер“.

Как синонимы слова *ծոթրիւ* (cot'rin) „чабер“ в армянском языке выступает также *կոթրիւ* (kot'rin) вар. *կորդիւ, կորդիւն, կորաւ* (kordin, kordiwn, ktran) *կորթիւ* kot'in (в ереванском диалекте). При объяснении слова *զոպա* (*zopay*) „иссоп“ употребляются слова *ծոթրոն*, (cot'ron) и *կորդոն* (kordoun): «*Զոպայն՝ կանաչ ծոթրոն կորդոն կոչեցեալ* „Иссоп, зеленый чабер, называемый *ծոթրոն, կորդոն*“». Наоборот, в иных случаях *kordin*, или *kordiwn, kordoun* „разновидность будры“, сбъясняется при помощи синонима *կըր* (*urç*)— „чебрец, тимьян“²⁸. В „Армянском словаре“ Е. Мегреци есть объяснение *ծոթրոն/ծոնթրաւ* с помощью слова *կորդիւ*. Следовательно, если *cot'rin* и *kordin* два разных растения, то они принадлежат во всяком случае к одному семейству Яснотковых.

Возможно, что арм. *kordin* (вар. *kot'rin/kort'in, ktran, kordoun*) то же, что и *kurdinn-* или *kurtinn* аккадских текстов, значение которого нуждается в уточнении: в АНw оно переводится как «некое зловонное растение»²⁹, но, как уточняет армянская па-

параллель, его нужно переводить как «чабер». С метатезой арм. слово *կտրան* (ktran)—«чабер» также восходит к аккадо-хурритскому kurd/tinn, точнее, *qurd/tinn-, как показывает армянская параллель.

Утверждать, что оба слова—cot'rin, kot'rin (вар. kitan) восходят к одному и тому же источнику—пока трудно, так как варьирование между с (*ժ*) и к (*կ*) замечается иногда и в самом армянском, например: *ծուր* суг «кривой, изогнутый», *ծ-ել* (сг-ел) «согнуть, кривить, изогнуть» и *կոր* (ког) «вогнутый, кривой» *կոր-ել* (ког-ел) «сгибать, искривить». Несмотря на это, более надежным кажется предположение, что они заимствованы из разных источников, т. е. происхождение cot'rin от kot'rin (вар. kot'rin, kordin, kordlwn, ktran)—или наоборот, при наличии аккадо-хурр. kurd/tinn (*qurd/tinn).

Մախր/Մարխ. Մախրի/Մարխի (махр/мах, махр/махі) (Pini L.)

Г. Капанцян еще в 1945 г. писал, что неправильно возводить армянское слово *Մախր/Մարխ* (махр/мах)—«растопка, кедровая лучина» к иранскому махх, «вид дерева для получения огня при помощи трения», указывая на сходство с ним аккадского слова meḫru «вид дерева» (ein Baupart), со ссылкой на Ungnat, 149.³⁰

Теперь, когда уже установлен вид аккадского дерева ^{GIS}meḫru «сосна» (Föhre)³¹, от чего и название страны—^{GIS}pat meḫru «Страна сосен» (Страна Мехри) (ср. «Страна Кедров»=Ливан), подтверждается правильность мнения Г. Капанцяна, хотя и с оговоркой, из-за несоответствующего вокализма.

В пользу мнения Г. Капанцяна имеются следующие *дополнительные сведения*: арм. махх(і)/махх(і) имеет значение не только «лучины, растопки», что подчеркивается Г. Капанцяном, но и «дерева из рода еловых (сосновых), имеющего обильную смолу» (Pinus picea?)³², что не отмечено у Г. Капанцяна. Первоначальное значение махгі/маххі не лучина или растопка, а *сосна*, от чего и значение «сосновый» («еловый»).

«Армянский словарь» Е. Мегреци дважды приводит в качестве синонимов слова *Մախր* (махр) «кедр», *Մարխ* (махх) «сосна»,

փրփ (p'ice) «сосна», при объяснении идентичных слов փրփ (p'ak) и փրփ (p'at'i)³³. Автор книги «Введение в ботанику», А. Кишинецки употребляет փրփ только в значении «ели», а не «лучины, растопки», как и в многочисленных армянских диалектах (Амшен, Гаджи, Зейтун, Сведия, Гамирк), и лишь в некоторых как «желтоватый, маслянистый сук от соснового дерева»³⁴.

Видимо, по происхождению ^{Glš} meḥ- не аккадское слово и возводить арм. тахг/тахх к акк. meḥ- было бы неправильно из-за несоответствующего вокализма, поскольку от акк. meḥ- в арм. ожидалось бы тегг, тегх. Либо арм. тахг/тахх восходит к варианту *таḥг-, либо вместе с акк. meḥ- они восходят к более древнему ареальному субстрату.

Կնի, Կնիփտ (nni, папаху) (Сагит corticum Benth., амми), «ажгон».

Авторы «Словаря аккадского языка» и «Reallexikon»-а предупреждают, что неправильно отождествлять созвучные слова: апаниḥи «мята» и папани SAR (или папани)=U.KUR.RA «горное растение». Значение последнего слова устанавливается при помощи синонима nīnī ассир. nēnī, означающего «амми, сагит corticum Benth (Ammi corticum Bois) «ажгон».

Н. Holma предполагает, что, возможно, папани синоним слова zambūgi «sorte de thym, la menthe?»³⁵, однако, видимо, без основания. Это предположение не подтверждается, так как эти растения из разных семейств, как указывают на это армянские параллели.

В армянском языке, к счастью, сохранились все эти четыре названия растений—апах, zambūg, nni, папаху (ափախ, շամբուց, կնի, Կնիփտ).

Эти растения из двух разных семейств: первая пара—апах (ափախ)—«мята» и zambūg (շամբուց)—«чебрец, тимьян головчатый» из Яснотковых (Губоцветных),³⁶ а вторая пара—пах/ахи (ափախ/ափախ) и nni (կնի)—«ажгон», (амми) из Сельдереевых (Зонтичных). Отождествление последних слов nni и папаху, папах не вызывает сомнения, поскольку фактически эти слова обозначают одно и то же: папах, папаху с прилагательным суффиксом -ի, -ի хурритского, а nni-без суффикса -ի, -ի.

Неоправданным нужно считать мнение Р. Ачаряна в *ՀԱԲ* о происхождении арм. *բի* (*ββ/β*) от персидского *pāpī, т. е. *pāp* „хлеб“ со ссылкой на Broskelmann, *Lex. Syr.*, стр. 207, где сирийское *pīpūā* „ашшī“ представлено как заимствование из персидского языка³⁷. Ошибка Брокельмана, а вслед за ним и Р. Ачаряна, исправляется при помощи аккадского *pīpū* и ассир. *pēpū*, откуда и сирийское *pīpūā* и арм. *բի*.

Կուշ (*puš*) (*Amigdalus L.*) „миндаль“

В армянском языке пока не установлено происхождение слова *Կուշ* (*puš*)—«миндаль», хотя были попытки возвести его к латинскому *pix*, *picis*—„орех“, или евр. *lūz*, араб. *lūzā*, араб. *lauz*, эфиоп. *lawz*—„миндаль“³⁸.

При наличии в аккадском слова *pušḫi*, значение которого в «Словаре аккадского языка» фон Зодена пока стоит под вопросом—«какой-то куст»³⁹, представляется возможным искать более надежный источник для армянского *Կուշ* (*puš*).

Поскольку акк. *pušḫi* выступает в некоторых текстах как синоним акк. *šiqidu*, *šiqdu*, или *šiqittu*⁴⁰, (евр. *šaqēd*, араб. *šigda*, *šgeḏtā*—„миндаль“, вернее, „миндальное“—несомненно семитское слово и поддается этимологии: *šaqēd* означает «бдительный, бодрый», так называли миндальное дерево из-за раннего его цветения весной, неоспоримо также семитское происхождение синонима *lūz*), то его значение уже объясняется. Следовательно, *pušḫi* означает «миндаль», вернее, «миндальное», как указывает прилагательный суффикс *-h-*. В форме *uḫḫi* несомненно, *-hi* суффикс, и не исключена его принадлежность к хурритской лексике. Конечно, *pušḫi* не могло быть прототипом армянского *բի*, поскольку армянские заимствования из хурритского сохраняют хурритский суффикс *-h-*, как, например в следующих случаях: хурр. *apapīḫi* и *papapīḫi*=в арм. *ապախ* и *պապախ*. Но в других случаях, как, например, акк./хурр. *ragraḫi* и арм. *ր'агр'аг* «портулак» суффикс *-h-* не сохраняется, что указывает на нехурритское посредство при заимствовании этого ареального слова в армянском. Армянское *բի* (*Կուշ*), где также отсутствует суффикс *-h-* показывает не хурритский путь его заимствования и не аккадский, а более древний источник. Однако отсутствие суф-

фикса $h +$ гласный в армянской форме не может служить категорическим основанием для окончательного отрицания хурритского происхождения этого слова, так как хурр. $h +$ гласный есть показатель прилагательного: поэтому названия растений могли в хурритском существовать как с суффиксом $-h-$ в значении «миндальный (орех)», «миндальное (дерево, растение)» и т. д., так и без $-hu$: $piš$ —просто «миндаль».

Армянская параллель $piš$ представляет возможность выделить суффикс $-hu$ в аккадском слове $pišhu$ и тем подтвердить его принадлежность к хурритскому языку, а простой формы $piš$ —к ареальному неизвестному языку. Выделение суффикса $-h-$ становится возможным при наличии арм. $piš$, хотя по правилам самого хурритского ожидалось появление гласного между $š$ и h , т. е. * $pišuh$, $piših$ и т. д. (указание М. Л. Хачикян).

$\text{Շիմար, շումրաւ/շամրաւ}$ ($šimāg, šumrau/šamrau$) (Foeniculum Mill) «фенхель».

В ՀԱԲ Ր. Ачаряна слово շիմար ($šimāg$) по праву отождествлено с շումրաւ/շամրաւ ($šumrau/šamrau$ «фенхель»⁴¹ которое по Г. Гюбшману заимствовано из арабского $šumra$, а по Р. Ачаряну— из сирийского $šamāgā, šumāgā, šamgā$ ⁴², так как это слово имеется в армянских письменных источниках доарабского периода, (например, в произведении « Վերորհաւր » Барсега с объяснением: « Շումրաւ ($šumrau$) есть *дикий укроп*, Р. Ачарян справедливо заключает, что оно заимствовано дважды: «Древняя форма շամրաւ ($šamrau$) под влиянием арабского превратилась в дальнейшем в շումրաւ ($šumrau$)⁴³.

Однако остается нерешенным вопрос о происхождении третьего варианта— շիմար ($šimāg$), который восходит явно не к сирийскому из-за несоответствия вокализма: շիմար ($šimāg$) употреблено Г. Алишаном в «Геопониках» для объяснения слова նազրաւ ($gazian$), «фенхель». Видимо, это диалектная форма, взятая из неизвестного нам источника. Отсутствие конечного $-աւ$ (au) в форме շիմար ($šimāg$) вынуждает нас предположить, что источником заимствования является не араб., а араб. $šimāgā$, или более древний язык—возможно сиро-арабский койнэ, так как это слово имеется и в табличках из Нузи: $šimer, šimr.$ ⁴⁴

Սամիթ, շուլթ (šamit', šult') (Anethum L.), „укроп“.

Источник заимствования армянского слова *սամիթ* (šamit') „укроп“ в *ՀԱԲ* Р. Ачаряна отсутствует⁴⁵. Слово *սամիթ* зафиксировано с V века в переводе Библии (Матф. 23.23), в «Վեցորիշք» Барсега и т. д.

Р. Ачарян, приводя семитские формы: акк. šl-betūm, евр. šobīta арам. šblitta, араб. šiblā, сир. šabēta, а также перс. šibit (дйал. šivīd), по праву спрашивает: „Каково же происхождение арм. формы, если она не восходит непосредственно ни к персидскому, ни к сирийскому языкам?“⁴⁶

Ни одна из вышеупомянутых форм не могла быть прототипом арм. *սամիթ* (samit'), «потому, что в таком случае в армянском ожидалось бы формы šbitay, šviday, šibit, šivīd, šibet; и действительно, такая форма имеется в некоторых диалектах арм. языка, например, в диалекте Тбилиси *շուլթ* (šult') — „укроп“,⁴⁷ которое несомненно позднее заимствование (перс. šivīd).

Заключение Р. Ачаряна вполне правильно, тем более, что по происхождению *šebit/šibit*⁴⁸ не семитское слово, потому и для армянской формы можно предположить другой источник заимствования.

Սիւշ (ն), սիւշ (osp(n),sp) (Lens Adonis), „чечевица“

Как свидетельствуют археологические данные, культивирование чечевицы было знакомо народам Древнего Востока издавна.

В армянском языке известны два написания названия чечевицы — *սիւշ(ն)* osp(n)⁴⁹ и *սիւշ* (sp). Последнее известно из текста «Вопросы Барсега» (§ 44, VI в.), употреблена форма творительного падежа — *սիւշօր* sprok', а также из «Лечебника лошадей» (стр. 59, XIII в.), в производной форме — *սիւշնիւսիւշլի* (srnaxaut) — «чечевица пятнистая» (о масти лошади)⁵⁰. Последняя форма считается необычной. Но так как происхождение этого слова нам пока неизвестно, то считать правильным из упомянутых двух написаний только *սիւշ(ն)* osp(n) — неосновательно, тем более, что в армянском имеются аналогичные параллельные формы и других слов, варианты с *ն* (o) и без *ն* (o), например: *սիւրն* (osin)/*սիւրն* (sin) — „пустой, тщетный“, *սիւրն* (o)in//*սիւրն* (in) — „палка, розги“ и правильными из них считаются формы без *ն* (o), т. е.

սրփ (sɪp) и փփ (ʃɪp)¹⁵: следовательно, из двух форм փփ(փ) (osp(p) и փփ (sp) также правильное փփ (sp).

Основанием для этого может послужить также сохранившееся в позднеаккадских текстах слово sēr-, значение которого установлено приблизительно: «ein Getreideart» («вид злака»)⁵². Видимо, этот злак и есть «чечевица». Армянская параллель помогает уточнить, что за «сорт злака» аккадское sēru (aka se-(e)-re «еда (или хлеб (из) чечвицы».

Таким образом, основываясь на обсужденных в настоящей и предыдущей статьях 35 аккадо-армянских параллелях, можно сделать следующие заключения:

Большая часть названий растений в армянском не семитские и не индоевропейские по происхождению и восходят к ареальной лексике пока не известных нам языков.

Часть параллелей этих названий в аккадском подверглась хурритизации и носит хурритские суффиксы, например, рагра-ḥu; апапḥu, пуṣḥu, папуḥu, с прилагательным суффиксом -ḥ+гласный, или типа ḥlnzūgu, ṣallūgu, ḥallūgu с суффиксом -ūg-/*ōg- и можно говорить о хурритском (возможно и хаттском) посредничестве между аккадским и армянским языками, а часть параллелей, что без суффиксов, указывают на другие пути заимствования. В выявлении подлинных первоначальных форм данных ареальных слов важная роль принадлежит армянскому языку, где сохранились простые формы как пуṣ—«миндаль», р'агр'аг—«портулак», пуḥ(п)—«гр-нат» (соответственно пуṣḥu, рагра-ḥu, пуḥти, пуḥtiadu—в аккадском).

С помощью армянских параллелей уточняются и устанавливаются значения следующих названий растений в аккадском:

акк. sēr-	=арм. sp/osp—«чечевица»
акк. пуṣḥ-	=арм. пуṣ —«миндаль»
акк. папаḥ-	=арм. папих—«ажгон»
акк. ḥalul-	=арм. хаḥol—«виноград»
акк. ṣallur-	=арм. salor/šlor—«слива»
акк. zambūr-	=арм. zambur—«чебрец, тимьян головчат.»
акк. */kurd/tinn-	=арм. kordin—«чабер»
акк. elīan/erīann	=арм. eḥewan—«полынь»
акк. ḥaš-	=арм. хаš—«чебрец, тимьян»
акк. tulḏ-	=арм. tulḏ—«алтей»

Наличие как в армянском, так и аккадском нескольких вариантов одного и того же слова подтверждает предположение специалистов о существовании множества диалектных раздроблений и расхождений в аккадском и хурритском языках: интересно, что диалектные расхождения отражаются также в армянском. Например: акк. hallūr-, hillūr-, hullūr-, hallar-: арм. xlog-ik, xlog-uk, xlog, olog, k'illur, k'illo, xalar — „горох“. акк. satar, sater, satur, zatar, zater (араб. s/z/ṣa'tar): арм. cot'or, cat'ar, cot'rin, cit'ron, citraun, çitron, zat'ar (<араб.), — „чабер“.

Уточняются звучения следующих аккадских слов при помощи их армянских параллелей:

Исконно акк. huḡn- и можно считать uḡn- при наличии арм. хуḡn/хоḡn — «чебрец, тимьян». Также правильное написание акк. ḥaṣ- и неправильное aṣ- при наличии арм. хаṣ — «чебрец, тимьян». Поскольку акк. эмфатическому q регулярно соответствует в арм. k, то исконным нужно считать, *quḡd/tinn — взамен акк. kurd/tinn — так как арм. параллель имеет написание с k (=q) kordin, kot'rin, ktraun, kordoun, kordiwn — „чабер“.

Из двух возможных чтений акк. satar и ṣ/zatar при наличии арм. cot'or — «чабер» нужно считать правильным satar, так как акк. s соответствует с(s) в армянском, а также знак $\frac{VV}{VV}$ имеет два чтения: ZA и ṢA.

Однако не исключено и существование, наряду с акк. ṣatar, возможных фонетических или диалектных вариантов этого слова, как об этом свидетельствуют сохранившиеся в арабском варианты sa'tar, ṣa'tar, za'tar.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 АНУ, S. 68.

2 Там же.

3 Л. Աճառյան, Հայերեն արմատական բառարան (далее ՀԱԲ), Երևան, (1—4, 1971—1978), 4. 1, с. 300 Ղ. Ալիշան, Հայրուսակ կամ հայկական բուսաբանություն (далее Հրուս), Վենետիկ, 1895, с. 263, 2148, 3000.

4 ՀԱԲ, 1, с. 79, Հրուս, с. 5—7.

5 ՀԱԲ, 1, с. 330, Ս. Ս. Սրեմյան, Հայաստանի ըստ «Աշխարհացոյցի» Երևան, 1963, с. 108.

6 АНУ, S. 71, 246. МСА, с. 201. № 446.

- 7 AHw, S. 173, 650, 851.
- 8 Լ. Անտոնյան, Գուտառական բառարան (далее ԳԲ), Քիֆլիս, 1913, с. 278—279.
- 9 ՀԱԲ 1, с. 675—676. Նոր բառգիրք հայկազգեան լեզուի (далее ՆԲԷ), Վենետիկ, Վ. Լիդյան, Երկրագործական մշակույթը Հայաստանում, Երևան, 1972, с. 251. 1—2, 1836—1837, Ա, с. 627; ԳԲ, с. 279.
- 10 Վ. Լիդյան, указ. соч. с., 251—252. ԳԲ, с. 278—279. Վ. Բելի, «Արարատ» 1893, № 5, с. 541. Մ. Խրիմյան, Պապիկ և Թոռնիկ, с. 28—29.
- 11 А. К. Bedevian, Illustrated polyglottic dictionary of plant names, Cairo, 1936, с. 596, № 3484; М. С. Kouyoumdjian, A comprehensive dictionary Englisch-Armenian, Cairo, 1961, с. 1375.
- 12 ԳԲ, с. 278.
- 13 Ս. Ամատունի, Հայոց բառ ու բան (далее ՀԲԲ), Վաղարշապատ, 1912, с. 134—135. ԳԲ, с. 232. ՀԱԲ, 1, с. 566, 2, с. 586. Հրուս, § 313, 2925. Ռ. Ղազարյան, Բուսանունների բառարան, Երևան, 1981, с. 28.
- 14 AHw, с. 895.
- 15 ՀԱԲ, 2, с. 77—78.
- 16 ԳԲ, с. 315.
- 17 F. Delitzsch, Assyrisches Handwörterbuch, Leipzig, 1968, с. 257, CAD, с. 39a.
- 18 AHw, с. 5, 1093
- 19 AHw, с. 5, 93
- 20 ՀԱԲ, 2, с. 85—86.
- 21 ՀԱԲ, 2, с. 297.
- 22 AHw, с. 454. МЭА, с. 223, № 537.
- 23 ՀԱԲ, 2, с. 332.
- 24 AHw, с. 335. МЭА, с. 401.
- 25 AHw, с. 85, 335.
- 26 AHw, с. 1033.
- 27 ՀԱԲ, 2, с. 466.
- 28 ՆԷԲ, Ա, с. 1023; Նրեմիա Մեղրեցի, Բառագիրք Հայոց, Երևան, 1975, с. 153. ՀԱԲ, 2, с. 647—678.
- 29 AHw, с. 510.
- 30 Գ. Ղափանցյան, Ասուրա-բարելիքեն բառեր հայերենում «Известия» АН Арм. ССР (обществ. науки), 1945, с. 32—33.
- 31 AHw, с. 649.
- 32 ՀԱԲ 3, с. 284. Ե. Մեղրեցի, ԲՇ, с. 276. Ա. Քիչմիշեանց, Նախագիտելիք բուսաբանության, Քիֆլիս, 1985, с. 104, 141, 123, 256, 290.
- 33 Ե. Մեղրեցի, ԲԷ, с. 207, 276.
- 34 Ա. Քիչմիշեանց, указ. соч., с. 104, 123, 141, 256, 290. ՀԱԲ, 3, с. 284.
- 35 AHw, с. 731. RLA, III G. с. 342. F. Delitzsch, АН, с. 470.
- 36 ՀԱԲ, 3, с. 427, 450—460. Ռ. Ղազարյան, указ. соч., с. 56.
- 37 ՀԱԲ, 3, с. 460.
- 38 ՀԱԲ, 3, с. 472.
- 39 AHw, с. 806.
- 40 AHw, с. 1247—1248.

- 41 ՀԱԲ, 3, Ե. 518.
42 ՀԱԲ, 3, Ե. 533—534.
43 ՀԱԲ, 3, Ե. 533—534.
44 ԱԽԿ, Ե. 1238.
45 ՀԱԲ, 4, Ե. 168.
46 ՀԱԲ, 4, Ե. 168.
47 Ա. Քեզմիջեանց յԿԱՅ. ՏՕԿ., Ե.
48 ԱԽԿ, Ե. 1227.
49 ՀԱԲ, 3, Ե. 588.
50 ՀԱԲ 4, Ե. 267, Հրու. § 2827, Բժշկարան ձիւ, Երևան, 1979, Ե. 59, 287—288.
51 ՀԱԲ, 3, Ե. 564—585, 4, Ե. 127, 214—215.
52 ԱԽԿ, Ե. 1636—1637.

А. А. ПАПАЗЯН

ЕЩЕ РАЗ О БОРЬБЕ БРАТЬЕВ И РОЖДЕНИИ ГЕРОЯ В ПРЕДАНИЯХ КНИГИ БЫТИЯ

Эта статья—дополнение и продолжение предшествовавшей ей в предыдущем номере настоящего сборника статьи¹, в которой рассматривались сюжетные структуры, конструирующие ветхозаветные нарративные циклы в патриархах: предлагалась реконструкция основного сюжета о рождении противоборствующих братьев и о божественном зачатии будущего героя или лидера после долгого бесплодия матери.

Здесь мы попытаемся дополнить материал, приведенный в предыдущей статье другими ветхозаветными отрывками и предложить реконструкцию сюжета о рождении и противоборстве братьев (первоначально, вероятно, близнецов), лежащего в основе рассматриваемых преданий.

В первой статье, в связи с преданием о Фаресе и Зарре, говорилось уже об определенном сходстве между рассказом о рождении этой пары близнецов рассказом о рождении Иакова и Исав². Говорилось о том, что мотив божественного зачатия трансформирован здесь в зачатие от недозволенной связи. При этом, первоначально, Фамарь в облике сакральной проститутки (см. употребление термина *qədeša*, а не *zōpā*) могла быть представительницей богини, идентичной Иштар.

Можно прибавить еще, что тему красного цвета (ср. Исав—Эдом, «красный»), как признака одного из близнецов (не «лучшего», первородного, но лишившегося первородства) можно усмотреть как в красной нити, повязанной на руку первенца, так и в имени Зарры (несмотря на то, что это имя рассматривается как сокращенная форма от теофорного имени *zəraḥjā*)³ См. в

другом случае (Gen 46,10 : Цохар=IChr 4,24 и Nu 26,13 : Зарра) смешение этого имени с *šōḥar* (ср. *šāḥōg*, „желтовато-красный“, сопоставляемый с арабск., *aṣḥaḡi* „желтовато-красный“)¹.

Дж. А. Эмертон, посвятивший исследованию Gen 38 три статьи⁵, рассматривает в одной из них⁶ интерпретацию этого отрывка П. Ф. Эллисом⁷, который также относит историю Фамари к мотиву долгого бесплодия перед рождением providенциального сына, приписывая его к „antifertility cult polemic“, присущей Яхвисту. Он ставит Фамарь в один ряд с Саррой, Ревеккой и Рахилью, по признаку долгого бесплодия («and in a somewhat different way the barrenness is as it were an „enforced“ barrenness—...Thamar», стр. 139). Дж. Эмертон, обращаясь к объяснению П. Эллисом этого мотива в книге Бытия (а именно: Яхвист желает показать, что «истинный израэлит просит детей у Яхве, а не у богов культа плодородия») отмечает, что его (П. Эллиса) утверждение несостоятельно по отношению к Gen 38, так как здесь нет намека на то, что Фарес и Зарра были прощены у Яхве. Нам же кажется, что ошибка П. Эллиса заключается в приписывании им Яхвисту некой всепронизывающей идеи противопоставления Яхве прочим богам и в желании объяснить все, исходящее от Яхвиста, стремлением проводить снова и везде эту идею. Однако не следует забывать, что Яхвист, и на самом деле проповедующий культ Яхве и противопоставляющий его другим богам, все же сообщает во многих случаях народные предания. А наличие этого мотива (чрезвычайно широко распространенного в мировом фольклоре) выглядит совершенно естественным в генеалогической начальной истории народа. Яхвист же только акцентирует роль Яхве в событиях, строящихся по известному сюжету, к тому же делает это не повсеместно: как было замечено Дж. Эмертоном, в истории о Фамари отсутствует момент обращения к Богу. Правда, рассказ о том, как Фамарь добивается потомства от Иуды, можно было бы рассматривать как трансформированный мотив прощения от Бога. Какова бы ни была основная идея и цель Яхвиста (которых не следует преувеличивать: он все же прежде всего излагает историю), не только материалом для него служит созданная задолго до него и его

идеологии народная традиция, но и мысль его движется часто по проторенным этой традицией дорогам, пользуясь образами и сюжетами, во многом повторяющими своей структурой те, которые занимали воображение его предков. Следует заметить также, что перед читателем истории патриархов последние предстают отнюдь не активными деятелями. Наоборот, их действия постоянно направляются Богом. Возможно, это и есть одна из черт, характерных для Яхвиста. Поэтому мотив прошения «истинным израэлитом» потомства у Яхве встречается всего два раза на всем протяжении повествования Яхвиста.

Второй тезис П. Эллиса, критикуемый Дж. Эмертоном — „Genealogical legitimation of David's claim to the throne“: выбор Бога все сужается по ходу продвижения генеалогической линии, начиная с Авраама из всего человеческого рода и затем, последовательно, одного из братьев в каждом поколении. Дж. Эмертон выдвигает два возражения против этого тезиса П. Эллиса. Первое: нужно различать избрание Богом Израиля из других народов и избрание отдельного колена внутри Израиля. Если Яхвист и считал, что Иуда поднят на положение особой важности, то возвышение его не есть продолжение абсолютно того же процесса, что и отбор Израиля из народов. К тому же, замечает Дж. Эмертон, Gen 49, на котором основывается П. Эллис, вовсе не обязательно принадлежит Яхвисту. Это возражение не совсем убедительно. Как бы ни различал составитель положение Иуды среди колен от положения Израиля среди народов, тема сужения отбора в повествовании выступает вполне отчетливо. И возвышение Иуды на особое положение это, конечно — тот же процесс отбора в том смысле, что формально он выражен тем же самым мотивом отбора лучшего из братьев. Что же касается 49-й главы кн. Бытия (которую вовсе нельзя считать единственной опорой для точки зрения П. Эллиса), то, по мнению большинства исследователей, она все же имеет отношение к Яхвисту.

Второе возражение Дж. Эмертона: пытаюсь реконструировать модель в мысли Яхвиста, нужно остерегаться того, чтобы читать слишком много в каждой истории о предпочтении одного брата другому. Ведь, как замечает сам П. Эллис, пред-

почтение, отданное Иаковом Ефрему (см. об этом ниже) стоит в стороне от сужающейся генеалогической линии до Фареса (и его потомков). История о рождении Фареса, следовательно, вовсе не обязательно является фокусом процесса отбора в повествовании Яхвиста. Это замечание справедливое, но это снова говорит о том, что не нужно искать чрезмерно строго проводимую идеологическую-политическую линию там, где передаются народные предания о происхождении племени или народа. Здесь мы имеем дело с преданием о происхождении народа (или племени) от двух (или нескольких) братьев (счень распространенное в мировом фольклоре), преданием, хранимым разными племенами, каждое—о своем предке. В данном случае, речь идет, по-видимому, о преданиях бытовавших среди Иуды и среди Ефрема, либо, соответственно, в Южном и в Северном царствах.

Наконец, третий мотив, занимающий П. Эллиса и, вслед за ним, Дж. Эмертона, это «выбор второго сына Иуды от Фамари». Хотя П. Эллис считает, что если такой мотив и существует в этой истории, то это—второстепенный мотив, он полагает, однако, что уступка Заррой первородства Фаресу это—«апология Давида и Соломона», которые также не были первородными. И здесь, как кажется, ошибка П. Эллиса заключается в том, что он не учитывает простую естественность в сообщении предания и пытается видеть в нем больше политической целенаправленности, чем оно содержит.

Завершая на этом разбор подхода П. Ф. Эллиса и Дж. А. Эмертона к интересующим нас сюжетам, добавим еще, что П. Ф. Эллис принадлежит к числу тех исследователей, которые предполагают наличие у евреев «древнего права наследования младшим сыном (*ultimogeniture*), или предпочтения, отдаваемого отцом младшему сыну, как наследнику». Что же касается Дж. А. Эмертона, то он считает более естественным объяснить Gen 38, 27—30 тем, что хотя Зарра, возможно, и считался некогда старшим, на самом деле первым родился Фарес.

Последняя пара братьев в книге Бытия, заслуживающая внимания в связи с представлениями, связанными с братьями—первопредками это—Ефрем и Манассия. Хотя нигде не гово-

рится специально, что они—близнецы, все же наличие некоторых параллелей дает, может быть, основание рассматривать и этот рассказ как представляющий вариант исследуемого сюжета. Как и в других приведенных случаях, и здесь первородство перенесено со старшего брата на младшего. Как об Исааке, в рассказе о благословении, полученном Иаковом, так и об Иакове—в рассказе о благословении Ефрема и Манассии—говорится специально, что зрение его притупилось от старости. Причем, если в истории об Иакове, получившем благословение, слепота отца функционально необходима, она объясняет почему благословение получил Иаков, а не Исав, (Исаак принял Иакова за Исав), то в истории о благословении Ефрема и Манассии слепота не выполняет никакой функции: Иосиф подводит сыновей к отцу таким образом, чтобы Ефрем оказался против левой руки Иакова, а Манассия—против правой, но Иаков, несмотря на притупившееся зрение, кладет скрестив руки, правую руку на голову Ефрема, а левую—на голову Манассии. Возможно, слепота отца выполняет в сюжете какую-то иную функцию. Во всяком случае, она несомненно подчеркивает предренность событий, их зависимость от божественной воли.

Небезынтересно, может быть, обратить внимание на то, что Ефрем и Манассия, внуки Иакова, числятся сыновьями Иакова (Сеп 48, 5, 12) подобно тому, как и Фарес и Зарра, сыновья невестки Иуды, одновременно—сыновья самого Иуды. Конечно, рассказ об усыновлении Иаковом сыновей Иосифа необходим составителю для объяснения включения Ефрема и Манассии в число двенадцати колен Израилевых. Однако, возможно, что мотив: «близнецы—сыновья отца и деда» можно рассматривать как трансформированный архаичный мотив божественного зачатия.

Примечательна этимология имени Асенефы, матери братьев, Ефрема и Манассии: египетск. Ns-N(j)t, «принадлежащая (богине)Нейт»⁸. Согласно ветхозаветному преданию Асенефа—дочь илиопольского жреца. Интересно, в связи с этим, что существует довольно популярная мидрашитская традиция, согласно которой Фамарь была дочерью Сима (жреца)⁹. При учете параллели с Асенефой, жреческой дочерью, можно допустить, что

традиция о Фамарии—дочери жреца не обязательно—всего лишь плод умозрительных спекуляций раввинов (именно: согласно Gen 38, 24 Фамарь была приговорена к сожжению, а согласно Lev 21, 9 это наказание предназначено жреческой дочери за прелюбодеяние, жрецом же до Аарона мог быть только Сим, отождествляемый с Мелхиседеком)¹⁰). Эта традиция может быть отголоском не попавшей в ветхозаветный текст детали в предании. К тому же ведь и на самом деле согласно закону сожжение предписано жреческой дочери. По отношению к другим применялись другие виды наказания.

В связи с мотивом долгого бесплодия, предшествующим рождению героя и связанных с ним прочих элементов, представляет интерес следующий рассказ о рождении Мелхиседека, сохранившийся в 23-й главе Уваровского списка славянской книги Еноха¹¹. Жена Нира, брата Ноя (см. еще один пример составления жития по модели двух братьев, но более позднее), бездетная Софонима, безгрешно зачала в глубокой старости (сочетание мотивов непорочного зачатия, долгого бесплодия, предшествующего рождению героя и зачатия в глубокой старости). Вопреки уверениям жены, что она невинна, Нир в неволе прогоняет ее. Софонима умирает. Приготовив могилу для нее, Нир и Ной, вернувшись к покойнице, находят возле нее трехлетнего мальчика с печатью святительства на груди. И. Д. Амушин предполагает дохристианское происхождение этой легенды, лежащей в основу 23-й главы славянской книги Еноха¹².

Итак, на основе всего сказанного выше¹³, мы можем выделить следующие элементы, составляющие основную сюжетную канву рассказов о патриархах и переходящие из одного «жития» в другое, начиная с сыновей Адама до сыновей и внуков Иакова. И хотя эти элементы не представлены в полном наборе в каждом отдельном «житии», у читателя все же создается отчетливое представление о некоем основном (идеальном) сюжете, конструирующем повествование.

1.0 Божественное зачатие

Ева (Гн 4, 1с); Батэнош (Gen. Аросг.); Сарра, Фамарь.

1.1. непорочное зачатие

Софонима¹⁴

1.1.1 после долгого бесплодия

1.1.2 и после прошения

1.2 после пребывания в доме чужого владыки (враждебного, хтонического существа)

1.2.1 Муж (отец) подозревает жену в прелюбодеянии

1.3 мать близнецов (или одна из матерей единокровных братьев, наделена чертами хтонического существа)

2.0 Рождение близнецов

2.1 сводных братьев от разных матерей:

2.1.1 от жены и наложницы

2.1.2 от любимой жены и от нелюбимой

3.0 Братья противопоставляются друг другу:

3.1 сын жены—сын наложницы

3.2 сын любимой жены—сын нелюбимой жены

3.3 свой предок—предок чужих племён

Ева (несмотря на запрет и впервые после эпохи абсолютного бесплодия); Сарра; Ревекка; Фамарь (после смерти обоих мужей и долгого безбрачия)

Авраам (Гп 15, 2, 3); Исаак (Гп 25, 21); Рахиль (Гп 30, 22: «... и услышал её Бог...»); Фамарь (добивается сама).

Сарра (Гп 12, 10—23—в доме Фараона; Гп 20—у царя Герара, Авимелеха)

Ламех; Нир.

Агарь (египтянка); Асенефа (дочь египетского жреца); Фамарь (если рассматривать её как иеродулу)

Каин и Авель; Иаков и Исав; Фарес и Зарра; Ефрем и Манассия

Исаак и Исмаил

Иосиф и Иуда/Рувим

Исаак—Исмаил

Иосиф—Рувим/Иуда

(Сиф—Каин; Исаак—Исмаил; Иаков—Эдом)

3.4 один из близнецов наделён демоническими чертами

4.0 Мотив «старший будет служить младшему»

4.1 одному из братьев содействует мать, при том, что отец—либо на стороне другого, либо лоялен

4.1.1. при этом именно мать поступает согласно воле Божией

4.1.2. слепота отца при благословении

4.2. отец сам передает право первородства младшему сыну

5. Акт, символизирующий вступление в преемство отца—связь с его женой

Исав Каин (кузнец)

жертве Авеля (младшего) отдано предпочтение; Исаак—младший брат, но—наследник; Иаков—младший—получает право первородства; Фарес опережает брата при рождении (сходный сюжет—об Иакове); право первородства Манассии передано Ефрему

Ева (? даёт имя Каину, в то время как об её отношении к Авелю ничего не известно); Сарра (добивается права на наследство для Исаака, при том, что Авраам скорее против изгнания Исмаила); Ревекка (любит и поддерживает Иакова, в то время как Исаак предпочитает Исаву).

Сарра; Ревекка

Исаак; Иаков

Иаков отдает предпочтение Иосифу; Иаков передает первородство Манассии Ефрему

Каин; Рувим

6. Борьба непосредственно между братьями

7. Спасение героя благодаря замене его другим юношей, младенцем или жертвенным животным

8. Временное изгнание или удаление младшего сына

9. Изгнание или удаление старшего брата

Каин убивает Авеля; Исаак сам пассивен, но права первородства для него добивается мать (4.1); Иаков 1) пытается опередить Исава при рождении, 2) покупает у него первородство, 3) получает с помощью матери (4.1) благословение отца, 4) Исав собирается убить Иакова, 5) Иаков бежит¹⁵; братья, во главе с Иудой хотят убить Иосифа, но при посредничестве Рувима довольствуются продажей его исмаильтянам. Иосиф оказывается в Египте¹⁶

(Авраам дважды заменен сводным братом в позднем «житии Авраама»); Исаак заменен овном; Иаков укрывается козлиной шкурой, чтобы получить благословение отца вместо брата; вместо Иосифа заколот козел; Иуда предлагает себя в рабство Иосифу в Египте вместо Вениамина Исаак; Иаков; Иосиф

Каин; Исмаил; Исав (переходит в Сеир)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 А. А. Папазян, Борьба братьев и рождения героя в ветхозаветных легендах, ДВ, IV, стр. 38—53.

2 Там же, стр. 52.

3 L. Koehler und Baumgartner, Hebräisches und Aramäisches Lexikon zum Alten Testament, Lieferung I, Leiden, 1967, sub. v.

- 4 *L. Koehler, W. Baumgartner, Lexicon in Veteris Testamenti Libros, Leiden, 1958, sub v.*
- 5 *J. A. Emerton, Some Problems in Genesis XXXVIII, VT, 25, 1975, Fasc. 3, стр. 338—361; id. An Examination of a Recent Structuralist Interpretation of Genesis XXXVIII, VT, 26, 1976, Fasc. 1, стр. 79—97; id. Judah and Tamar, VT, 29, 1979, Fasc. 4, с р. 403—415.*
- 6 *J. A. Emerton, Judah and Tamar, VT, 29, 1979, Fasc. 1, стр. 407—419.*
- 7 *P. F. Ellis, The Yahwist, the Bible's First Theologian, Notre Dame, 1968, and London, 1969, (Цит. по J. A. Emerton, Judah and Tamar).*
- 8 *L. Koehler und Baumgartner, Hebr. u. aram. Lexikon, Lief. 1, 1967, sub v.; Wilh. Spiegelberg, Agyptologische Randglossen zum Alten Testament, Strassburg, 1904, стр. 18.*
- 9 *Genesis Rabba, 85; Targum Pseudo-Jonathan, Gen 38,6. Ruth Rabba, 8,1; Midraš Haggādōt I, стр. 644, изд. M. Margulies, Jerusalem, 1947, (посл. цит. по R. Bloch, „Juda engendra Phares et Zara, de Thamar“. *Match.*, 1,3, „Mélanges Bibliques rédigés en l'honneur de André Robert“, Paris, 1957, стр. 383).*
- 10 См. напр. *Genesis Rabba, 85: «...Фамарь—дочь Симы, ведь написано (Lev 21):... и дочь жреца... поэтому пусть выведут ее и будет сожжена».*
- 11 На эту параллель обратил мое внимание И. Д. Амусин.
- 12 *И. Д. Амусин, Тексты Кумрана, М., 1971, стр. 297—298.*
- 13 См.: *А. А. Папазян, Борьба братьев... ДВ, 4, стр. 38—52.*
- 14 Мы рассматриваем предание о рождении Мелхиседека, сохранившееся в славянской книге Еноха, и предание о рождении Ноя из *Genesis Arosghon*, как довольно древние (во всяком случае—дохристианского происхождения) ветхозаветные апокрифические сюжеты.
- 15 Временное пребывание младшего брата вдали от земли предков рассматривается, как известно, как трансформация смерти. Она, поэтому, может рассматриваться как вариант смерти Авеля, тем более, что в наших сюжетах пребывание героя на чужбине—вынужденное.
- 16 См. № 15.

М. Л. ХАЧИКЯН

О СООТНОШЕНИИ ХУРРИТСКИХ И УРАРТСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Тексты на хурритском языке, как мы пытались показать в наших прежних работах¹, представляют шесть диалектов: «уркешский», «вавилонский», «диалект словаря»², «богазкейский», «угаритский» и «митаннийский»³. При этом следует отметить, что мы имеем дело с текстами не синхроничными, а отделенными друг от друга временными промежутками в несколько столетий и, следовательно, обозначение «диалект» в некоторой степени условно: термином «диалект» мы обозначаем языковую общность, явным образом отличную от других таких же, но восходящих вместе с ними к общему прадиалекту. Так, хурритские диалекты относятся к хурритскому прадиалекту, а урартские⁴ — к урартскому прадиалекту хуррито-урартского праязыка.

В статье делается попытка выявить соотношение хурритских и урартских диалектов в синхронии и диахронии.

Для наглядности их отличительные особенности, наиболее существенные для целей настоящей статьи, представим в виде таблицы.

Примечания к таблице 1.

1) Данные урартского языка приводятся в одной графе, так как разница между «ванским» и «муцацирским» диалектами очень незначительна.

2) Эти местоимения, вероятно, восходят к классным показателям восточнокавказских языков⁵.

3) Местоименную частицу 3 л. ед. не следует путать с энклитическим личным местоимением 2 л. ед. -та⁶. Она восходит к указательному местоимению тапә и употребляется только в

Таблица 1. Сопоставительная таблица хуррито-уратских диалектов

	Укреш- ский	Вавилон- ский	Диалект "Словья"	Богазей- ский	Угарит- ский	Митанний- ский	Урарт- ский (I)
Притяжательное местоимение 3 л. ед. ²⁾	-(y)а?	-ya	-da	-ya-, -ya	-ā	-ya	-ya-, -ya
Личное субъектное местоимение 3 л. ед.:	-me- ³			-me- ³		-ma//e- ³	
а) субъекта действия	-m	-v	—	-b ¹⁰	—	—	-b ⁴
б) субъекта состояния	-n	-n	—	-n	-n	-n	-na
Видовые показатели							
а) перфектива	-u ⁴⁻⁵	-u- ^{5?}	[-u- ^{5?}	-u- ⁶ / -x- ⁶	- ⁶ x-	- ⁶ x-	-u- ⁵
б) имперфектива				-ed- ⁷		-ed- ⁷	-ed- ⁷
Спряжение транзитивного глагола	I ⁹	I II	Ia II ¹⁰	I ¹¹ II	— ¹² II	— ¹² II	— II
Наличие (+)/отсутствие (—) кате- гории версии ¹³⁾	—	—	+(показа- тель—ta)	—	— ¹⁴	—	—
Наличие (+)/отсутствие (—) причас- тия на-u/oga ¹⁵⁾	—	—	—	—	—	—	+

цепочке служебных частиц; во множественном числе ей соответствует личное местоимение 3 л. мн.—l'(a): iye-ma-nin Kellya^z Man-e^zan kuleda „то, что Келия и Мане скажут“, Mit. IV₂₇; :iua-l'a-nin am'adif'uz... maganina kebalolosta^zena „те подарки, которые мой дед послал“ там же, III 57—59.

4) Показатель субъекта только интранзитивного действия: nin-a-ba „он пришел“, УКН, passim.

5) В посвященной этому суффиксу заметке⁷ автор интерпретирует показатель транзитивности -u-, засвидетельствованный в «уркешском» диалекте и в урартском языке, как транзитивный формант совершенного вида (перфектива), в отличие от суффикса -i-, показателя транзитивности в безвидовых формах. Вероятно, однако, что этот формант был известен и в «вавилонском» диалекте. На эту мысль наводит существование в «вавилонском» диалекте, наряду с формами опатива множественного числа pi^s'-id (u/o)-i/e-n, pi^s'-lst-id (u/o)-i/e-n, Mari 5₁₀, 17, формы ha-tu-di-en (граф.), вероятно, hat'-u-(l)d (u/o)-i/e-n, там же, 5₁₀ (ср. ta^{sp}-u-i/e-n „пусть уничтожит“ в „уркешском“ диалекте), а также формы 3 л. мн. II спряжения (см. прим. 86 к табл. 1) aduda и pidunda, Mari 5₈, 9, в которых гласный -u- является, видимо, показателем перфектива: ad-u-(l)d (u/o)-a „они ad-овали“ и pid-u-(i)ⁿd (u/o)-a „они pid-овали“, ср. параллельные урартские формы 3 л. мн. kug/y-it (u/o)-u-∅-nə „они воздвигли-его“, УКН 22₄; harḥar^s-it (u/o)-u-∅-lə „они разрушили-их“, там же, 155 B₃₂. Показатель множественного числа -itu/o- в урартских формах предшествует перфективному показателю -u-, в отличие от «вавилонского» диалекта хурритского, в котором -idu/o- следует за суффиксом -u-; следует, однако, отметить, что в отличие от других хуррито-урартских формантов, для которых характерна фиксированность позиции, суффиксу множественного числа -itu/o- присуща некоторая подвижность: в ирреальных наклонениях он смещен с четвертой позиции (перед суффиксом -u-) на девятую: u^zedilātəpə < *u^z-ed-i-l â-(l)-tu/o (> ə в безударной позиции)-nə, УКН 89₁₁. Что касается личного субъектного показателя 3 л. ед., то он присутствует в урартском только в перфективных формах единственного числа с объектом 3 л. мн. (atḥ-u-a-lə „он нашел (?) -их“, УКН 92₃, b₃, c₃) и безвидовых (tiy-a-nə

„он говорит-это“, там же, 100₃, 124₂; а также, вероятно, в вавлонской прямой речи частице $al\bar{i} < *al-l-(y)a (< \bar{a})$ он говорит“, там же, passim)⁸.

Есть основания предполагать наличие показателя транзитивного перфектива -u- и в «диалекте словаря», ср. форму $bi-\bar{s}u-\bar{s}u-te$ (граф.), вероятно, $pl\bar{s}-u-\bar{z}\bar{a}$ (-) «он вырыл», Voc. III₂₂ (о спряжении глаголов в «диалекте словаря» см. прим. 86 и 13 к табл. 1). Это, однако, совершенно не доказуемо, так как ошибочная огласовка—явление, обычное для данного текста.

В урартском языке транзитивным перфективным формам с показателем -u- параллельны интранзитивные формы без особого видового показателя: . . . $u\bar{s}t-a-d\bar{a}$ . . . $at-u-v\bar{a}$ $ama\bar{s}t-u-v\bar{a}$

«..я выступил... разорил, сжег», УКН 28 лиц. 2-3. Это позволяет предположить, что в урартском (и, видимо, во всех хурритских диалектах, которым известен суффикс -u-) оппозиция «перфективность-безвидовость» распространялась только на транзитивный глагол.

6) Из того факта, что перфективный показатель $-\bar{\delta}z-$ известен более поздним хурритским диалектам («богазкейскому», «угаритскому» и «митаннийскому»), а показатель транзитивного перфектива -u-, известный более ранним диалектам, засвидетельствован в «богазкейском» диалекте только в архаичной форме $\hat{u}p-u-b$ (см. прим. 11 к табл. 1), следует, что $-\bar{\delta}z-$ — инновация. В отличие от суффикса транзитивного перфектива -u-, $-\bar{\delta}z-$ является показателем перфектива не только в транзитивных но и в интранзитивных глаголах (в 3 л. ед. интранзитивного глагола $-\bar{\delta}z-t\bar{o}$, вероятно, во избежание путаницы с фактивными формами от интранзитивных глаголов: $\hat{u}p-\bar{\delta}z-a$ «он дал пойти, отправил», Mit. I₈₆, но $\hat{u}p-\bar{\delta}z-t-a$ (—) «он пришел», там же, II¹¹⁰).

Таким образом, в поздних диалектах хурритского, в отличие от более ранних, в которых оппозиция «перфективность: безвидовость» была известна только транзитивному глаголу (см. выше, прим. 5), эта оппозиция распространяется и на интранзитивный глагол.

7) Менее ясна ситуация с категорией имперфектива: означает ли отсутствие показателя -ed- в «куркешском», «вавилон-

ском» «угаритском» и в «диалекте словаря», что эта категория не была им известна, или просто не засвидетельствована в дошедших до нас текстах?

3) Хурритский и урартский глаголы изъявительного наклонения спрягаются по двум типам:

а) I тип (спряжение) образуется присоединением к причастной основе (R+показатель транзитивности -i, -u/интранзитивности -a/состояния -o) личных энклитических местоимений хурр.: ед. 1 л. -t ('a), 2 л. m('a), 3 л. -b/m, -n, -Ø; мн., 1 л. -dil ('a)², 3 л. -l ('a); урарт.: ед. 1 л. -dә, 3 л. -bә; -пә; мн. 1 л. -dile⁶, 3 л. -lә. По I типу спрягаются интранзитивные глаголы (в том числе и глаголы состояния) во всех диалектах хурритского и урартского языков и транзитивные глаголы в некоторых из них (см. табл. 1).

б) Разновидностью I спряжения является, вероятно, тип спряжения, широко распространенный в «диалекте словаря». Он образуется присоединением к причастной основе частицы -z в 3 л. ед. и z-i'ә в 3 л. мн. Формы 1 и 2 лица в этом диалекте не засвидетельствованы. Этот тип спряжения условно называем Ia.

Видимо, формами спряжения Ia являются глаголы на -z, встречающиеся в ономастике: Hal-z—Teš'öb, Kel u/o-z—Heba, Palz—Kuš'ә).

в) II тип (спряжение) образуется присоединением к глагольной основе личных окончаний эргативного ряда, восходящих к possessивным местоимениям. По II типу спрягаются только транзитивные глаголы.

9) Засвидетельствована всего одна индикативная форма: raḥast-u-ṣ «он построил», Urk. 6.

10) Засвидетельствована только одна форма II спряжения: pa-l-i-(y) a-ma «он не сказал», voc. I₁₈.

11) Единственная засвидетельствованная форма I спряжения с местоимением -b (ṣp-u-b 10), фактив 3 л. ед. от интранзитивного глагола ṣp-«идти», в выражении peḡ-v-u-ṣ'a¹¹ Kuṣaḡb /ve-pe-z ṣp-u-b «мать твоя, Кумарби, родила тебя», KUB XLVII 78 I 13'—14', параллельном at'a-v-u-ṣ'a An-u-z fut'ōz'a «отец твой. Ан, зачал тебя», там же, стк. 12' (fut'ōz'a—форма перфектива 3 л.

ед. II спряжения). Эта транзитивная форма I спряжения, столь необычная для «богазкейского» диалекта, вероятно, несет определенную семантическую нагрузку: фактив I спряжения от глагола *ûp-* «идти» означает «вынашивать, рожать», в то время как фактив II спряжения от того же глагола выражает (насильственный) перенос из одной точки в другую: *ûp-ôz-* «он заставил пойти, отправил». Mit. I₈₈.

12) К I спряжению не относятся такие формы «угаритского» и «миганнийского» диалектов, как *ḥanašl-e-k-i* (признались, вероятно, *ḥanaštək-ə*, с нейтрализацией гласных в безударной позиции) в выражении *aštā ḥanaštək-ə* «его жена не будет рожать», RŠ 15,10₉, и *fašôzi*; в выражении *šēnif-ə fašôzi* «мой брат — пославший», Mit. I₆₅. Здесь имеем дело с входящими в состав именного предиката причастиями. Об этом свидетельствует постановка субъекта в абсолютном, а не эргативном падеже, что характерно для эквативной конструкции, в отличие от эргативной, с субъектом в эргативе¹².

Что касается выражения *Tižadal endan Urkez(-we)...fur¹la* «PIRIG.GAL *rahaštum*, Urk. 1—6, то постановку *Tižadal* в абсолютном падеже следует объяснять, видимо, тем, что это выражение состоит из двух предложений: именного предложения *Tižadal endan Urkez(-we)*, «Тижадал есть жрец/правитель? Уркеша» и глагольного-*fur¹la P. rahaštum* «храм (богини) П. он построил»¹³.

13) В «диалекте словаря» шумерским глаголам с префиксом спряжения *tu-* соответствуют хурритские глаголы с суффиксом *-te* (граф.), в то время как формы с префиксом спряжения *i-* и причастные передаются в хурритском глаголами без этого суффикса. Это явление, видимо, говорит о существовании в «диалекте словаря» категории версии.

14) Что представляет собой суффикс *-te* (граф.) в формах *ra-li-IZ-te* RŠ.15.10₁₄, *šl-nu-te*, *ḥa-nu-te-tl*, RŠ ḫ. 6₁₄, совершенно не ясно.

15) Употребляются только с отрицательной частицей *ouə*. Показатель транзитивности /интранзитивности/ состояния в этих причастиях отсутствует, за исключением форм, выражающих состояние как результат транзитивного действия. В этих формах, во избежание путаницы с соответствующими транзитивными форма-

ми, перед суффиксом -u/og- появляется показатель интранзитивности -a (хурритскому и урартскому присуще колебание в употреблении показателей интранзитивности и состояния): ouэ ...ag/y-u/ogэ „(никто до меня) не провел“, УКН 136₃, ouэ ušt-u/ogэ „(ни один царь до меня) не отправлялся“, там же, 155 E₃; ouэ... sld-a-(y)u/ogэ „(ничего) не было построено“, там же, passim.

Типологически хуррито-урартские диалекты находятся на разных ступенях развития эргативности¹⁴. Наиболее архаичным представляется «вавилонский» диалект». В «вавилонском диалекте» глаголы противопоставлены по признаку транзитивности-интранзитивности-состояния. Такое противопоставление является результатом наложения на присущую фиентивному (активно-му)¹⁵ строю оппозицию «действие: состояние» новой оппозиции «транзитивность: интранзитивность», характерной для эргативных языков. Это противопоставление сохраняется во всех хурритских и урартских диалектах, следует, однако, отметить непоследовательность в употреблении показателей интранзитивности и состояния: ūp-a(—) „он (она) идет/пришел“, Mit. passim, но ūp-o-k'-a-l'a-ap“ они постоянно приходят (или: они не приходят?)“, там же, IV₃; ug-o-w(a)-l/e-p „пусть не случится“, там же, III_{110. 116}, но ug-a-l'a „они случаются/имеют место?, КВо XXIII, 23₄₀. В системе местоимений сохраняется противопоставление субъекта действия субъекту состояния, присущее языкам фиентивного строя: faš'-l-b „он посылает“, Mari 1_{1,3}; slw-a-b, VS 17 (NF 1) 5_{3, 5}, но sat'-o-p, Mari 1₆.

Транзитивные глаголы спрягаются как по I, так и по II типу: I спр. faš'-l-b „он посылает“, Mari 1_{1,3} и др.; ūl-g-l-b, там же, стк. 4 и др; II спр. kiw-iw-ma-l „ты не ставишь/устанавливаешь-их?“, VS 17 (NF 1) 15₆; ad-u-(l)l u/o)-a .nud-u-(l)^od(u/ɔ)-a „они ад-овали, ... они nud-овали“, Mari 5_{8, 9}.

Таким образом, наряду с такими чертами эргативного строя, как оппозиция «транзитивность-интранзитивность» и особый (II) тип спряжения транзитивных глаголов, в «вавилонском» диалекте сохраняется существенная черта фиентивного строя—противопоставление субъекта действия субъекту состояния (в отличие от эргативных языков, в которых противопоставляется субъект транзитивного глагола субъекту состояния).

Не представляется возможным, в виду скудости материала, точно определить, на какой стадии развития находится «уркешский» диалект. Но спряжение транзитивного глагола по I типу, а также наличие показателя субъекта действия -m позволяют поместить его приблизительно на той же ступени, что и «вавилонский».

В «диалекте словаря» глагол спрягается преимущественно по типу Ia, которому, в отличие от типа I, присуща нейтрализация в глагольной словоформе противопоставления субъекта действия субъекту состояния, из чего можно предположить, что этот диалект более продвинут в своем развитии, чем «вавилонский».

«Богазкейский», «угаритский» и «митаннийский» диалекты отражают более развитую стадию эргативности. Для них характерно четкое разграничение транзитивного и интранзитивного глаголов: транзитивные спрягаются исключительно по II (эргативному) типу, в отличие от интранзитивных, спрягаемых по I типу. Глаголы состояния сливаются с интранзитивными, показатель субъекта действия -b выходит из употребления, а -n, бывший показатель субъекта состояния, выступает в функции показателя субъекта состояния как результата транзитивного действия.

В урартских диалектах, как и в наиболее продвинутых в своем развитии «богазкейском», «угаритском» и «митаннийском» диалектах, транзитивный глагол спрягается исключительно по II типу. Однако в местоимениях здесь не наблюдается слияния показателей субъектов интранзитивного действия и состояния, как в хурритском. В ходе развития урартского языка показатель субъекта действия 3 л. -b₃ закрепился за субъектом интранзитивного действия (ср. ušt-a-ba «он выступил», УКН, *passim*), а местоименный суффикс -n за субъектом состояния как результата транзитивного действия (=объектом транзитивного действия): ha-u-Ø-na «(он) взял-его», УКН, *passim*. Такое развитие привело к дифференциации субъекта интранзитивного и объекта транзитивного глагола, создав тем самым предпосылки для возникновения в эргативном урартском языке грамматической категории прямого объекта, характерной для языков номинативного типа¹⁶.

Другой, чертой, характерной для языков номинативного строя, в урартском следует считать противопоставление транзитивного и интранзитивного причастий на -u/og, причастию состояния как результата транзитивного действия (= пассивному причастию) с тем же суффиксом¹⁷.

Таким образом, из сохранившихся хурритских диалектов два—«уркешский» и «вавилонский» представляют приблизительно одну стадию развития. «Диалект словаря» находится на более развитой ступени, хотя и обнаруживает архаичную черту (наличие категории версии), неизвестную «уркешскому» и «вавилонскому» диалектам. Из этого следует, что «диалект словаря» не может быть возведен к одному из этих двух диалектов, а является развитием другого, не засвидетельствованного письменными источниками. Наиболее продвинувшиеся в своем развитии «богазкейский», «угаритский» и «митаннийский» диалекты, по всей вероятности, должны быть возведены к очень близким или, скорее, к одному диалекту. В пользу этого предположения говорят:

а) утрата местоименного показателя субъекта действия 3 л. ед. -b и функционирование -n, бывшего показателя субъекта состояния в качестве субъекта интранзитивного глагола в этих трех диалектах, ср. иную судьбу -bā в урартском.

б) общая только для этих диалектов инновация—замена показателя транзитивного перфектива -u- показателем перфектива-ōz-.

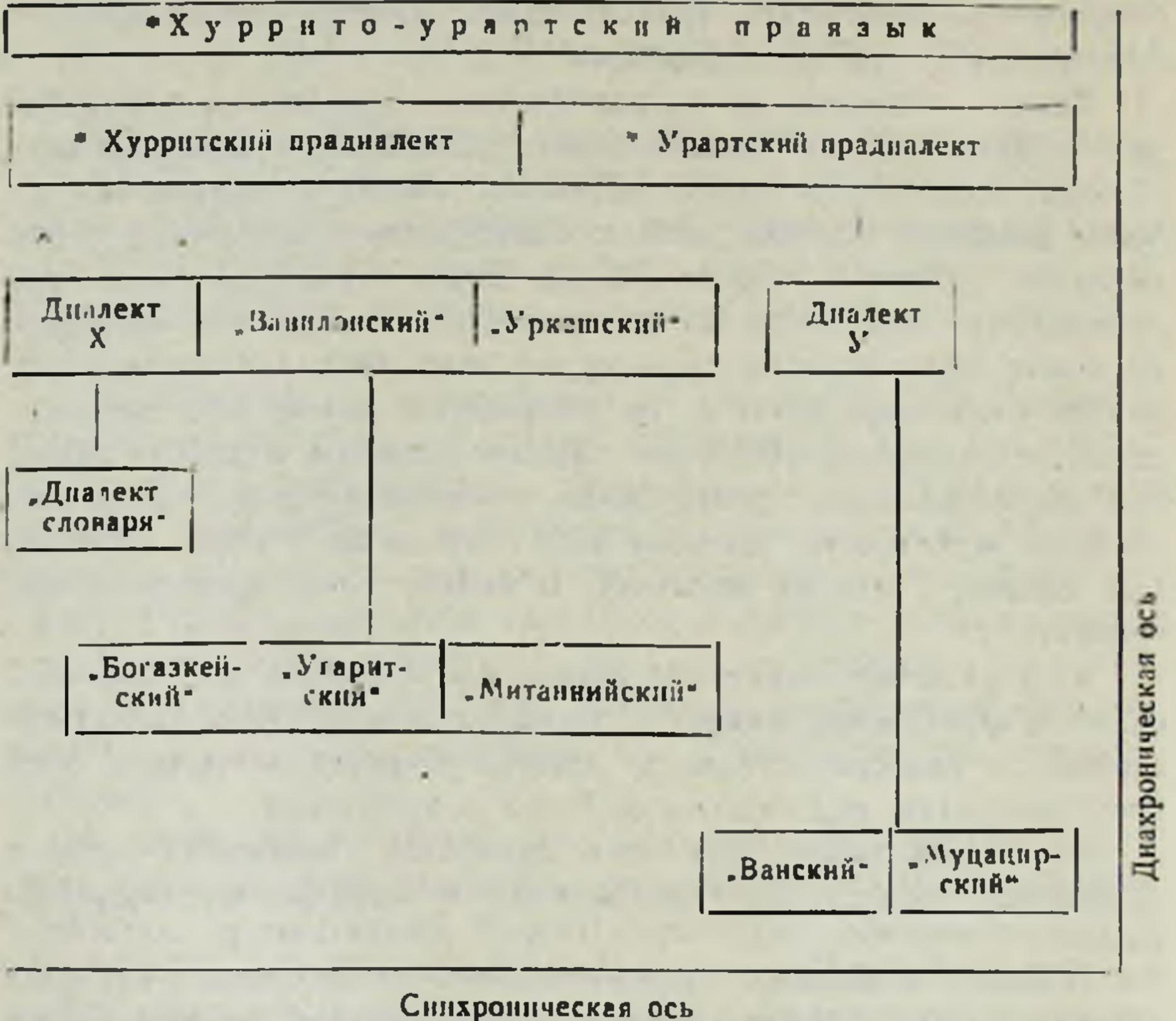
Вполне возможно, что диалектом, к которому восходят «богазкейский», «угаритский» и «митаннийский», является «вавилонский», ср. показатель субъекта действия -b в «вавилонском» и в форме ūp-u-b «богазкейского» диалекта, в отличие от -m в «уркешском». Это, однако, не доказуемо.

Урартские диалекты являются, очевидно, развитием диалекта, близко стоящего к ранним хурритским.

Наличие во всех хурритских и урартских диалектах противопоставления «транзитивность: интранзитивность: состояние», а также II типа спряжения (с окончаниями, восходящими к пассивным местоимениям), позволяет возвести эти черты к праязыковому состоянию.

Соотношение хурритских и урартских диалектов в синхронии и диахронии можно представить в виде таблицы.

Таблица 2. Хуррито-урартские диалекты в синхронии и диахронии

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ср. М. Л. Хачикян, Шумерско-хурритский словарь из Рас-Шамры как источник по хурритской диалектологии.—ВДИ, 1975, № 3, с. 21—38; ее же, Из старохурритских заклинаний.—ДВ 2, 1976, с. 251—264; она же, Диалектное членение хурритского языка (краткая сводка)—ДВ 3, 1978, с. 39—46.
- 2 «Диалектом словаря» условно называем хурритский язык двуязычного словаря из Угарита (Рас-Шамры).

- 3 О диалектной принадлежности языка текстов из Эмара, еще не опубликованных, нам ничего не известно.
- 4 О диалектах урартского языка см. Г. М. Меликшвили, УЖН, с. 82—89.
- 5 И. М. Дьяконов, Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки.—ДВ 3, 1978, с. 26, прим. 5.
- 6 Значение 2 л. ед. для местоименной энклитики *-m(a)* установлено Г. И. Тялем и И. Вегнер: *Eine Angufung an den Gott Teššur von Halab in hurrischer Sprache*—SMEA (в печати).
- 7 М. Л. Хачикян, Заметки по хурритской и урартской грамматике 2.—«Древняя Анатолия», М., 1983, с. 22—23.
- 8 М. Л. Хачикян, Заметки по хурритской и урартской грамматике, ДВ 4, 1983, с. 177—178.
- 9 Из формы этого местоимения («я+они») явствует, что она является отгосским языковым состоянием, которому была известна категория инклюзива-эксклюзива.
- 10 Точка зрения Г. Вильгельма относительно этой формы как «антипассива» (ср. К хурритской и урартской грамматике в наст. сборнике с.) нам представляется неприемлемой.
- 11 О значении пага- «мать» см. Н. J. Thiel und I. Wegner. *op. cit.*
- 12 Ср. М. Л. Хачикян, Заметки по хурритской и урартской грамматике 2.—«Древняя Анатолия», М., 1983, с. 23.
- 13 I. M. Polakoff. *HU*. n. 111.
- 14 Г. А. Климов, Очерк общей теории эргативности, М., 1973.
- 15 Г. А. Климов, Типология языков активного строя, М., 1977.
- 16 В отличие от языков фиеативного типа, в которых объект транзитивного глагола трактуется как субъект состояния и формально совпадает с последним, в языках эргативного типа, с объектом транзитивного глагола, трактуемом как субъект интранзитивного глагола и формально совпадающим с ним, в языках номинативного типа объект транзитивного глагола противопоставлен субъекту как транзитивного, так и интранзитивного глагола, что выражается оформлением его особым падежом (аккузативом), в противоположность субъекту, оформляемому номинативом.
- 17 Это противопоставление можно было бы интерпретировать как противопоставление действия состоянию, что было бы верно для языка, стоящего типологически на более ранней ступени развития. Однако тот факт, что в функции показателя состояния здесь выступает показатель интранзитивности *-a* (ср. показатель состояния *-o* в арханском урартском глаголе *тди-о-«быть»*, свидетельствует о том, что образованию причастия на *-a-и/ог* предшествовало слияние глагола состояния с интранзитивным. Это слияние, как мы пытались показать выше (см. стр. 219), характерно для диалектов, находящихся на достаточно развитой стадии эргативности, для которых оппозиция «действие: состояние»—пройденный этап.

S U M M A R I E S

H I S T O R Y

H R A Y R A V E T I S Y A N

FROM THE POLITICAL HISTORY OF KIZZUWATNA

Išputahšu son of Parlawatri is the first king of Kizzuwatna whose name is known to us. He was the contemporary and ally of the Hittite king Telepinu.

After Išputahšu, Pillia, Šunaššura I, Paddatiššu, Talzu(?), and Šunaššura II ruled in consecutive order over Kizzuwatna.

In the article the main aspects of the military and political history of Kizzuwatna are discussed, also the relations between Kizzuwatna and the neighbouring states are considered in some detail. As far as possible, some chronological points are defined more exactly. It is shown that Pillia, the king of Kizzuwatna mentioned in a Hittite source is actually identical with Pillia of the documents from Alalakh.

It is shown that the Hurrian of the Hurro-Luwian state of Kizzuwatna, in contrast to the other Hurrian states at the time when Mitanni lost its strength, always voluntarily took the side of the Hittite Empire, in order to avoid war.

A N A H I T A R A K E L Y A N

„WASHING-HOUSE„ ACCORDING TO THE HITTITE SOURCES

In the Hittite cuneiform documents the term ^E *tarnu* (ideographic writing ^E HI.US.SA), meaning „Washing-house“, is often men-

tioned. The analysis of the contexts where the indicated term occurs reveals the following: „Washing-houses“ were usually built near the *halentu* (*wa*), in a wood or sacred grove. Water and rites connected with it were of central importance in the „Washing-house“.

The visiting of a „Washing-house“ and the rites of washing (meaning purification), 'dressing and performing sacrifices were the obligatory elements of Hittite spring and autumn festivals.

CLAUS WILCKE

A NOTE ON TI'ĀMAT-BĀŠTĪ AND THE GODDESS ŠA (W) UŠ- (K) A OF NINEVEH.

This short note owes its existence to I. M. Diakonoff's stimulating overview over the panthea of the different Hurrian groups in the whole of the Near East and throughout the millennia. I gladly publish the following bits of information in this journal.

At the end of the third millennium B. C. in the Archives of the Third Dynasty of Ur, the name of the goddess Ša (*w*) uš (*k*) a occurs several times as the theophorous element of personal names of the type *Géme*-^dŠ., *Lu*-^dŠ. and *Ur*-^dŠ. The spellings of the divine name are ^dŠa-u₁₈ (= ÛLU)-ša, ^dŠa-ū-ša and ^bŠa-u-ša with different writings for the glide between [a] and [u] and with no hint for the [k] which is also missing in the Mari attestation spelled Ša-ū-ša-ūš-a-an. People hearing these names are attested in texts from Ur, Girsu (Lagaš) and Puzriš-Dagan.

(A statue of) the goddess made of silver is listed in the undated Ur III inventory HSM 7058 published by T. Fish in transliteration in MCS I, 56 (see now D. I. Owen's copy in MVN 11, 157), line 1: 1 ^dŠa-u₁₈-ša kú-babbar.

References to offerings to the goddess seem to be very rare. N. Schneider, AnOr 13 s. v. ^dŠa-ū-ša listed only one: M. V. Nikol'skij, Dokumenty... Lichačeva II 316, from Umma, the very modest offering of a liter each of fine flour (*eša*) and *zi-dub-dub-bu*-flour in the 5th month of the year Šu-sin 5.

In the meantime two Dehem texts were published, listing offerings for the goddess and linking them to king Šū-Sin's *lukur* (i. e., a member of his harem) named Ti'āmat-bāštī (A. AB. BA-ba-aš-ti):

BIN 3, 328 (dated Amarsu'ena 9 XI 17, i. e., shortly after Šū-šīn's accession to the throne), l. 8—10: 1 *udu-niga* ^dŠa-u₁₆-ša (mu-A. AB-BA-ba-aš-ti-šè) Ḫa-ab-ru rá-gaba maškim "I fattened sheep for ša (w) uša, because of Ti'āmat-bāštī; ordering official: Ḫabru, the travelling officer". Kang, SACT 1, no. 172, l. 16ff., (dated Šū-šīn 1) 1 *sila*₄ ^dŠa-u₁₆-ša A. AB. BA-ba-aš-ti (^dEn-lil-zi-ša-gal maškim) šá é-Puzur₄-lš-^dDa-gan "I lamb for Ša (w) uša (because of) Ti'āmat-bāštī; ordering official: Enlilzišagal. In the house (/temple?) of Puzriš-Dagān".

This translation (by analogy with BIN 3, 328) is not certain, since ^dŠa-u₁₆-ša-A. AB-BA-ba-aš-ti could also be read "the of Ša (w) uša of Ti'āmat-bāštī" expressing a relationship comparable to that of ^dGeštin-an-na-Sl.-A.-tum, ^dGeštin-an-na-ama-lugal, ^dGeštin-an-na-nin, ^dGeštin-an-na-lugal and ^dBil-ga-mes-lugal. In these, the relationship between the deity and the queen or king does not seem to be one of identity but of a different kind: Gilgameš is regarded brother of the King and Geštinanna is called his sister; the Geštinanna of the queen Sl. A-tum, the mother of King Šulgi, who was venerated at king Urnammu's libation place (*ki-a-nag*), is in my eyes the king's divine sister joining the queen in her wailing over the dead Urnammu.

Thus the Ša (w) uša of Ti'āmat-bāštī could be - perhaps—the goddess sharing the love of one of the king's wives for Šū-Sin.

Whether this assumption be correct or not, there remains the strange fact that two out of three occurrences of Ti'āmat-bāštī's name in the Ur III economic archives link her to the goddess Ša (w) uša. Was she perhaps a foreign princess from a country in which the goddess Ša (w) uša played the role equivalent to that of Ištar-Inanna in Babylonia? Since there is ample documentation of marriages of Babylonian princesses to foreign rulers, we may well suspect that the kings of the Third Dynasty of Ur married princesses from abroad in return.

The country she came from would then be very likely a Hurrian one. Now the only place name mentioned in the Ur III archives in connection with the goddess Ša (w) uša is Nineveh: AnOr 7, 79 (dated Šulgi 46 XII 9) lists 2 fattened sheep for Enlil, 2 fattened sheep for Ninlil and (I, 5—7) 1 *silla₄-niga* /^dŠa-u₁₈-ša- / *Ni-nu-a-kam* „1 fattened lamb for the Ša (w) uša of Nineveh. Unfortunately, no reason for this offering is given. But if one may speculate a bit, it might have taken place on the occasion of the foreign princesses arrival at the court of Ur and her becoming a daughter in law of Šulgi's.

Tl'amat-bašti did not become king Šū-Sin's main wife. This role fell to his other *lukur* Kubātum, as P. Steinkeller just demonstrated. But she seems to have been second in rank according to BIN 3, 558, quoted in note 9. Until now there are no references to her later than Šū-Sin 2 X and one wonders whether the visit of Tišatal of Nineveh one year after this last mention of her has anything to do with her disappearing from the records.

There rests another question to be mentioned: From AnOr 7, 79 it seems obvious that the goddess Ša (w) uša of Nineveh is to be regarded as the same as the Ištar of Nineveh known from later sources. But we know Šamšī-Adad I.: Nineveh inscription (R. C. Thompson, AAA 19, 1932, p. 105—107 with pl. LXXXI-LXXXIV), that this king restored the building and stelae erected for the Ištar of Nineveh by the ruler Maništišu of Old Akkadian times. To whom had they been dedicated, to Ištar or to Ša (w) uša? Did the goddess change her name several times in history or was she just known under her Akkadian and her Hurrian name during the early periods?

Finally, I. M. Diakonoff suggests that *Sawuska* is a well-known form of Hurrian diminutive-*ka* Ša(w)uša.

ANAHIT MARTIROSYAN

THE WEAVERS OF THE EANNA TEMPLE IN THE NEO-BABYLONIAN URUK

The paper is a survey of data on the produce, income as rent and distribution of wool by the estate of Eanna during the

VII—VI Cent. B. C. with special stress on the work of the temple weavers. Wool was used as means of temple deliveries, was loaned or sold. In the latter case the income of Eanna reached 15 talents of silver, with the price of wool 1 sheckel of silver per 15 minas, there should be nearly 54.000 kg sold.

Dye-stuff such a sumach, *inzahuretu*, *hathuretu*, *uqnu*, alum and purple wool delivered from the West, then was given to the temple weavers to prepare garments for the goddesses of Uruk.

Between the period of 611—522 B. C. only few weavers are mentioned in the temple contracts. In 611—588 garments were ordered to Nanaja-iddin, Iqiša, Kudurru and Nadin, later-to Bel-iddin, Remut, Nabl-apli-iddin (543—522 B. C.). The large number of the garments and little time given to their weaving lead to the conclusion that the weavers mentioned were heads of weaving-shops. This conclusion is supported by ration-lists, mentioning fullers and two kinds of weavers (*išparu*, *išpar birmu*, the number of the latter rose with the time). Assuming that the daily ration consisted of 1 qa of barley, the deliveries were supposed to satisfy up to 70 weavers divided into 3 or 4 smaller groups. The weavers were neither *erib biti*, nor *rab banu*.

Of special interest are the texts showing the difference of the clothing of *Belet of Uruk* and *Nanaja* on the hand and *Belet ša reš Gula* and *Ušur-ammassu* on the other. Even in cases when the same garments are made for all the goddesses the quantity of the textiles used differs strongly due, perhaps, to the different sizes of statues, of which that of *Ištar* and *Nanaja* were the largest. The latter are clothed in three colours (red, white and blue-purple, ornaments-gold, silver, carnelian and lapis-lazuli). The minor deities have only two colours (red and white, ornaments-mainly silver and carnelian stone).

GAGIK SARKISYAN

DIE MANUMISSIONEN IN URUK DER SELEUKIDISCH ARSAKIDISCHEN ZEIT

Das früheste konkrete zeugniss von der Tempelsklaverei (*Šir-kûtu* im Babylonien der hellenistischen Zeit findet sich im Proto-

koll einer Gerichtssitzung in Uruk (302 v. u. z.). In einem Vertrag aus Uruk datiert von 219 v. u. z. wird einer der Zeugen als *rab širke* (Vorgesetzter von *širku*) bezeichnet. Wenig früher, 225 v. u. z. wird in einer Urkunde aus Seleukia am Tigris (Tell Umar) eine Sklavenweihe an *širkûtu* erwähnt.

Ausser diesen Verträge über die Institution *širkûtu* in der Hellenistischen Zeit werden Angaben auch in dem Formular der Verträge über Sklavenverkauf erwähnt. Die Erwähnung von *širkûtu* in einem Standardformular, als auch die Erwähnung von *rab širke* lassen darauf schliessen, dass diese Institution, wie spärlich auch unsere konkreten Angaben darüber für die hellenistische Zeit sind, auch fortbestanden und ihre Rolle in der Gesellschaft gespielt hat.

Ausser diesen Angaben gibt es noch eine Serie von Verträge über Sklavenweihungen an den Tempel, in denen jedoch die Termini *širku* oder *širkûtu* nicht vorkommen. Äusserst interessant ist die Zusammensetzung der dem Tempelgeweihten Sklaven. Es handelt sich um Kinder von 4–10 Jahren.

Angesichts des Alters der Sklaven, die in der gegebenen Serie von Verträgen geweiht werden, sowie des in Formular vorhandenen Verbotes der Verfügung über den geweihten Sklaven durch den Weiher, kann man mit ziemlicher Sicherheit behaupten, dass eine unmittelbare Übergabe von Sklaven an den Tempel in solchen Fällen nicht stattgefunden hat. Ferner, da der Termin der Übergabe in Vertrag nicht erwähnt wird, so kommt der natürliche Termin—der Tod Weihers in Betracht.

U. Lewenton macht darauf aufmerksam, dass in dem ihr zugänglichen Vertrag BRM II 53 eigens vermerkt und zum Schluss wiederholt ist, was für eine Arbeit im Tempel der geweihte Sklave zu verrichten hatte, „zur Vollziehung von Lehmarbeiten der Tempel der Götter von Uruk“. Sie meint, dass der Sklave offenbar ausschliesslich zur Ausführung solcher Arbeiten geweiht wurde. Die anderen Akten bestätigen diese Meinung. Das heisst so viel, dass dem Recht des Tempels auf die Verfügung über den Sklaven bestimmte Grenzen gesetzt waren.

Oben wurde behauptet, dass der geweihte Sklave bis zum Tod seines Herrn ihm zur Verfügung stand. Wenn er aber nach dem Tod des Herrn für genau bestimmte Arbeiten im Tempel vor-

gesehen war, so entsteht die Frage, wem der Rest seiner Arbeit in diesem Fall gehörte.

Da möchten wir daran erinnern, dass in den Verträgen aus Uruk von 170—140 v. Chr. wiederholt Personen vorkommen, die als „Vollzieher von Lehmarbeiten der Tempel der Götter von Uruk“ bezeichnet werden. Diese treten als Garanten, als Verkäufer und Käufer von Häusern in Uruk sowie als Hausbesitzer auf. In ihren Genealogie aber wird im Gegensatz zu vollberechtigten Bürgern von Uruk nie der Stammvater erwähnt. Keiner von ihnen wird als Verkäufer oder Käufer von Pfründen (*isqu*) erwähnt. Solche Personen treten in den Verträgen auch als Zeugen nicht auf. Sie bilden anscheinend eine klar umgrenzte soziale Gruppe.

Unausweichlich taucht die Frage auf, ob zwischen dieser Kategorie von Personen und denjenigen dem Tempel geweihten Sklaven, über die nach dem Tod ihrer Herren der Tempel für die Ausführung von obenerwähnten Arbeiten teilweise verfügt, kein Zusammenhang bestehe, vielmehr, ob es nicht dieselben Leute seien.

Es gibt viele Gründe, in den „Vollzieher von Lehmarbeiten der Tempel der Götter von Uruk“ nicht Tempelsklaven (*širku*), sondern eine besondere Kategorie von Freigelassenen zu sehen: nicht vollberechtigte Freie, die bestimmte Arbeitspflichten den Tempeln gegenüber hatten.

Es folgt die kommentierte Transliteration und Übersetzung der zwei noch nicht veröffentlichten Weihung akten aus der Sammlung der Chicago Oriental Institute.

VALERI KHACHATRYAN

MARIYAS, A TITLE OF THE KINGS OF HAYAŠA

In the treaty between the Hittite king Suppluliumas I and Hukkana of Hayaša is mentioned the Hayašan king Mariya who was invited to Hattusa and executed during the reign of Tudhaliyas III.

In this document the name of Hukkana is also replaced by the term Mariya. Besides, a third Mariya is attested. Hukkana was the son-in law of this latter. It seems that this third Mariya is identical with another Hayašan king—Karanni, who was dethroned but not put to death.

Scholars have compared Mariya with identical stems of some Indo-European languages and concluded that this term means „leader, chief“.

Basing our conclusion on historical analysis, and on the above mentioned linguistic speculations, we suppose that the term Mariya is used as a title of Hayašan kings in the treaty in question, not as a proper name.

VLADIMIR JAKOBSON

NOTES ON FAMILY LAW IN LARSAM

The only possible explanation of the almost rarity of marriage contracts in ancient Mesopotamia is that the *riksatum* required by §128 CH was not written but verbal. Written contracts were concluded only in special circumstances. Texts usually regarded as marriage contracts are often actually receipts for certain valuables (dowry, *terhatum* etc., cf. YOS VIII, 154 and 141).

The documents concerning adoption are more frequent. One may discern two different types of adoption—the „real“ one and the one which is in fact only a purchase of a slave-girl or a maid-servant (cf. YOS VIII, 149 and 152). It should be stressed that the Babylonian adoption did not mean a definite rupture of any ties with the agnatic relatives. And, finally, it should be remarked that a grown-up man could also be an object of adoption-by virtue of a contract concluded between himself and the adopter (s).

The phraseology of the adoption contracts reveals a considerable development of this type of deed and consequently its more ancient origin. On the contrary, the deeds concerning marriage reveal considerable phraseological diversity. Almost every single deed of this type is a result of an „independent“ creative activity of the scribe and the contragents.

NINEL JANKOWSKA

SMUGGLING IN KAN.Š

The fact that smuggling took place in Kanš on a considerable scale has been accepted by almost all scholars, and can be regar-

ded as finally proved by Veenhof. The necessity of smuggling shows that the function of control of the trade during the existence of the *kārū* and the *wabaratum* in Asia Minor, belonged to the local authorities. If the traders' office at Kaniš (*bīt kārīm*) took a toll on the caravan roads, this was because it, too, was a local organization. We cannot regard this office as belonging to Aššur, since Aššur had no political power over Asia Minor.

The author discusses the drafting of a contract for smuggling (CCT V 26^d), and regards it as proof of a relative independence of the trade organization in regard to any state authorities. The traders were not independent of the local powers only. Evidence of the independence of the traders inside Aššur itself is the text of the traders' oath (Belleten 14, p.226). The most important injunction is here to keep silence at the *mušlālum*, i. e. in the citadel of Aššur, before the prince. Characteristically, one of the variants of the text of the oath found in Kaniš allows to omit the titles of Erišum, prince of Aššur, while these are placed at the beginning of the more complete official text.

It seems that the smuggling was conducted at the individual trader's own risk and responsibility. If arrested he was ransomed from what money means had accrued on his individual account or share in the collective fund (cf. kt a/k 405, Nešr, Bogh, 2, also cf. the arrest of Pašukan and the ruin of his house)'

The *kārum* Kaniš had existed before the documents of the traders from Aššur emerged (strata IV-III), and continued to exist after they disappeared (stratum I^a). The evidence on smuggling belongs to the period of the heyday of the traders' documentation. The fact that the number of documents in the later period I^b falls to 1/100 of the former amount may be explained by I^b being the period when treaties with the local princes were concluded. If we may judge from the text n/k 32, a ban on smuggling must have been a main item in such treaties.

PHILOLOGY

NICOLAI HAROUTHYOUNYAN

NEW MATERIAL FROM THE URARTIAN LETTERS OF BASTAM

At present only a limited number of Urartian letters are known, which were discovered during the excavations at Toprak kale, Karmir-blur and Bastam. A scanty material, of course, creates certain barriers as to revealing the contents, and also in the interpretation of several words and signs. Certainly, I. M. Diakonoff is right when he wrote, "... at present it is necessary to abstain from any premature historical or other conclusions . . . , because even a small change in the reading of the signs and translations of individual words may change radically the whole sense of a document".

This is why we have attempted to investigate some concrete facts in the Urartian letters from Bastam (to the North-West of Lake Urmiah, on the river Kotur-çay, a tributary of the Araxes), which, in our opinion, demand somewhat different readings and interpretations than the ones suggested by their publisher, the eminent Italian scholar M. Salvini.

1. A new proper name: ¹Lubšuşni

A proper name ¹*Lu-ub-šû-şl-ni* is attested three times in the Bastam-letters. But in all cases Salvini suggests another reading ¹*Lu-ub-šû-ia-ni*. Here we differ from him in the reading of the sign. Analyzing the photograph and Salvini's hand-copy, we suggest the reading *şl* instead of *ia*.

It is well known that the sign for *ia* in Urartian has the form: the second vertical wedge is much shorter than the first. But the sign for *şl* has two identical vertical wedges. To be sure of this, we may compare *şl* of our with the same sign in ¹*Şl-pa-a-ni* and ^{LU}*Şl-pi-ka-a-ni* of other Urartian letters; cf. the sign *ia* of a word *ka-ia-a-ni*.

In the other Urartian letter from Bastam we question Salvini's reading. In our opinion, after the lacuna we have the ^{LU}, and *ia* instead of *ia*. Thus, the word (a name of profession) seems to have no relation to the proper name ¹*Lubšuşni*.

The proper names known from the other Urartian letters are not so many: *Huka*, *Qutubili* (UPD, text 1), *Haldipura*, *Aluani*, *Muida* (UPD, text 3) *Kurgi* (*Kulu* according to Diakonoff), *Tatu* (UPI, text 4), *Abiliuqu* (UPI, text 5), *Inuššila*, *Aliauni*, *Uradini*, *Šipani* (UPD, text 7), *Ištagi* (UPI, text 8), *Šaga*, *Akani*, *Akawa*, *Ubiabi* (UPI, text 12), *Išplliuqu*, *Adiabdi* (Bastam, I, text 1). To these names we may add *Lubšušini*, who was an official—"the man of the citadel/palace," (LÚ É.GAL). In the palace personnel he is connected with LÚ NA₄. DIB—"seal-keeper,".

2. Appellative noun *hutuna*

This word appears only once in the new Bastam letter No 1 *hu-tu-na-gi*. M. Salvini reads *hu-tu-ma-gi*.

If one compares the third sign (Salvini's *ma*) with the *ma* of the letter Bastam No 2 (lines 5,8), where this sign appears in the verb *manu*, it will be quite clear that the reading *hu-tu-ma-gi* is groundless. Note that the two upper horizontal wedges of the sign *na* are smaller than the lower wedge. As to the sign *ma*, it is known that it has three identical horizontal wedges.

We may also compare the sign *na* of our text with the same sign in the Karmir-blur letters: ^{URU} *Qu-du-na* (UPD, text 1, line 5), *A-lu-na-ta-a* (UPD, text 7, fr. s., line 3), *na-ú-bi* (UPI, text 7, fr. s., line 15), *u-na-ue* (UPD, text 7, rev., line 4) etc.

It seems that the final sign *gi* of *hu-tu-na-gi* is the case-ending (gen. or dat.; cf. EN-*gi-e*, TUR-*gi* etc.). If it is so, then *hutuna-gi* corresponds with *hutuni-pi* from the Karmir-blur letters (- *pi* is a postposition, UPD, 7, rev., line 15).

3. A new Urartian verb: *ašn(u)-*

After the above-mentioned *hu-tu-na-gi* Salvini suggests a reading *ma-nu-bi* (verb *manu*- "to be, exist,"). But the first sign of the latter cannot be *ma*, because here the vertical wedge is crossed by the three horizontal wedges. It can be noted that this sign differs from the real *ma* in *ma-nu* and *ma-nu-ú-il* (text 2, lines 5,8). We may also compare this sign with the identical sign in the Urartian let-

ters from Karmir-blur and Toprak-kale: *áš-ka-ťé* (UPD, text 5, line 10), ^{LU} *tar-da-áš-łl-e* (UPD, text 12, rev., line 7). Thus, against Salvini we suggest the reading *áš* of this sign against which points to the existence of a new Urartian transitive verb *ašn(u)*- (Praet. I sg.), to be read here instead of the irregular verb *manu*-. At present we are not able to interpret this verb.

4. A new Urartian word: *anagi*

This word appears as *a-na-gi* and *a-na-gl-e* in Text 1 (line 12) and Text 2 (lines 3, 11). But here also Salvini read *la* instead of *na* and thus suggests *alagi*.

We think that in all cases this sign is written rather like *na* than *la*. If we look at the sign *na* in the other Urartian letters, there will be no question of choosing between *na* and *la*: URU *Qu-du-na* (UPD, text 1, line 5), ¹ *A-lu-na-ta-a* (UPD, text 7, fr. line 15) etc. On the contrary, the comparison of this sign with *la* of other Urartian letters shows that they are not identical; cf. *la* in the verb *ú-la-li* (Bastam, 2, line 5).

Unfortunately, *anagi* appears in doubtful contexts, which makes its interpretation difficult. However, it seems that the form *a-na-gl-e* stands for a genitive or dative.

5. An unnoticed verb: *ulali*

For the lines 4-5 of a letter No 2 from Bastam Salvini suggests: . . . ^{LU} *a-me-ri-e-ši ma-nu-ú-la-li: ar-di-li*. He interprets *manulali* and *ardili* as verbs.

But a verbal form *manulali* is not attested and, it is very hard to interpret. On the contrary, if we divide it into *manu* and *ulali*, we have forms well-known from other Urartian texts. Thus, we suggest in our text two various verbs instead of one. Perhaps, *manu* is connected with the previous word ^{LU} *amerleši* (name of profession).

¹As to *ú-la-li*, it is easy to see here the well known transitive verb *ul(a)*- "to go," in Praet. 3 rd p. pl. In the Urartian texts

we usually find the forms of the 1 st and 3 rd p. sg. of this verb: *uladi* and *ulabi*. But in the text of Rusa II from Karmir-blur also the form *ulali* is attested: ^{KUR} *šú-ri-li ú-ū-la-li*. Thus *ulali* from Bastam is connected with *ar-di-li*. Actually, we have ^{KUR} *šurili ulali* in one case and *ulāli ardili* in another.

It is also very hard to adhere to Salvini's suggestion that *ardili* is a verb. Perhaps, *ardili* of our text is plural of *ar-di-ni* from the text Mheri-dur (Meher-kapisi). Then, of course, *ardili* could not be a verb, but rather is a noun; cf. the verbal forms *arduli* and *ardulini*.

Note also line 8 of the same Bastam letter, where we have *ma-nu-ú-li: ar-di-li*. And if we suppose that the sign *la* is unnecessary in *ma-nu-ú-la-li: ar-di-li* (?), then this context will be identical with *ma-nu-ū-li: ar-di-li* of the line 8 of the same Bastam letter. But this is less probable, because *manu ulali* is also regular.

* * *

Completing our discussion, we may add that instead of Salvini's *a-tar-a a-li-e: LU' ḫal-bi* (text 2, line 7), we should perhaps read *A tar-a a-li-e: LU' ḫal-bi* "the eldest son says: ^{LU} *ḫal-bi*, (the last word is a name of a profession). Here, perhaps, the author of the text speaks about the "eldest son, of the king (*LUGAL*) who figures in the line 1 of the same letter. Such an interpretation reminds of the identical phrase in an Urartian letter from Toprak-kale (*Rusaḫinili*): "Šā-ga DUMU tar-a LUGAL ·Iš-qu-gu-ul-ḫi-e "Šaga, eldest son of the (country) Išqugulu,."

GERNOT WILHELM

NOTES ON THE HURRIAN AND URARTIAN GRAMMAR

The comparative analysis of the Hurrian and Urartian material brings the author to the following conclusions:

1) The adjectival suffix *-inl* does not exist in Urartian; this grammeme is to be divided into the genitive ending *-l-* and the correlative particle *-nl*; the case-ending of the determinatum is transposed on the attribute in genitive or the attribute ending in *-ḫi* by means of the correlative particle *-nl* (sg.) or *-na* (pl.) just as it is in Hurrian;

- 2) the plural-marker-*a* does not exist in Urartian; instead, we have a morph-*na*, which is connected etymologically with the Hurrian plural article-*na*;
- 3) the noun *narani* "people," does not exist in Urartian; *LŪ-na-ra-ni* of the Urartian texts is to be interpreted as the logographical writing of the word *tarsuani* "man," with the phonetical complement -*narani*, that is the plural-marker-*na* + the comitative-marker-*ra* + *ni* unattested elsewhere in Urartian, but cf. the comitative marker-*ra* in Hurrian;
- 4) the ablative-instrumental-marker-*ne*, widely attested in Urartian is also attested in Hurrian.

IGOR DIAKONOFF

ON SOME NEW TRENDS IN URARTIAN LINGUISTICS AND SOME NEW URARTIAN TEXTS.

The paper is devoted to certain new Urartean texts, lately published by M. Salvini. The author thinks that Salvini has either failed to interpret these texts or given an incomplete interpretation because he rejects the grammatical innovations suggested by the present author in his book *Hurritisch und Urartaisch*. The following translations of the texts in question are suggested:

I) Salvini ZA 61 (1971). p. 250: "... in order that the name should be fixed (for the future). (If) whoever, being an outsider, should *wes* -it, or whoever should not want to restore it anew, (then) the one who becomes ruler (?), let him compensate for (?), it' in order that Haldi and the gods should put him in (his royal) place..

II) Bastam 1: "(I,) the king (have ordered) thus: tell Išpillaqu, the keeper of the seal, about Lupšuši (?), the man of the fortress; I have issued the order, be obedient: the king prays (?) (for your) life (to) god, truly it is (so). The garden according to his request I have granted to Lupšuši (?), the man of the fortress, (but) Adlabdi his rival (in litigation), enjoyed it. The mayor of the (town) Aizu adjudged (?) it, now the order (is): take the garden from Adlabdi, give it to Lupšuši (?)..

III) Bastam 2: "The king (ordered) thus: tell /Lu/ pšusi (??), the man of the fortress, the (following) order to the released (from) duties) (?), that are of this place (?), that there should be gifts/offerings of 3 breads for (each) 1 man; if there is a grown-up son, who is a bachelor(?), there should be gifts offerings of 2 breads for (each) 1 man. From its first day the order should be valid (?) (lit. perhaps 'should run'),".

IV) Salvini, AMI NF 10 (1977), p. 125: an inscriptions about the foundation of offerings to the god Šebitu. This type of inscriptions was very difficult to interpret, but the interpretation is made easier by Salvini's publication of an Urartian inscription on offerings written in Assyrian. Their general formula is: (A) "If (Assyr. šūm-mu, Urart. a-še) such and such event takes place, (B) x animals should be offered (+ supplementary conditions), (C) and/or instead of him/it such and such obligation is to be fulfilled.,

In our case the suggested translation is as follows: "Rusa the Sardurid, (says) thus: the expiatory offerings (*telzuša*), instead of the usual "offerings., *ardiša*) I have fixed here.

If kings make a campaign-1 ox, 1 ram let them slaughter for (the god) Šebitu, 3 rams-for the deities Arjuwarasele, 1 ram for the Gates of Šebitu;

if (there are) new *qudalanə*-1 ram for Šebitu let them slaughter, if any temple should again be ruined, if someone should want to do this(?), for this (?) he is made *elmuša* for ever (?);

if (anybody) restores them (the temples) anew for himself, 1 ram let them slaughter for Šebitu.

Rusā is the slave of Šebitu, being in sin(?) before Šebitu; Let Rusā no more be in sin (or: let Rusā compensate the sin).

Rusā the Sardurid (says) thus : whoever should destroy this inscription, let him have no "way., (luck) before the Sun-God.,

V) Salvini, "Studia mediterranea P. Meriggli dedicata., p. 575. Here the terms *isitu* "tower (as part of a building), and *adi li-middišu* = Urart. *badusiḷa* are discussed. In the present author's opinion, "The Gates of the god N., are 1) either a rock-niche, or 2) an artificial stone-wall with an inscribed or un-inscribed stela in the middle of the platform or space before the wall; they are not the entrance to any actual temple-building. The term *susa* denotes any

temple-building, possibly but not necessary with towers, and it is not the equivalent of *Isītu* (the later opinion, adhered to by Salvini, is based on a misreading of the text UKN II 448:16 and a mistranslation of the word ^É*serhḫna* which probably means 'pen, (for sheep etc.)

The equivalence of *adi limiddiṣu* and the adverb *badusiḫe* is noted correctly by Salvini, however it can in no way be connected with Akk. *liwītum*; it is a* *piriṣṣ-*/**pirs-* form of the stem *lmd* and means 'to the highest degree of skill, mastery'.

At the end of the article the author answers to Salvini's criticism of some of his Hurro-Urartian etymologies:

D.: *alāe* 'lord, master'; S.: wrong. S. is right: Urart. *alāe* is from the verbal stem *all-* 'to order', and means 'order'.

D.: *inu* 'god': Hurr. *eni*; S.: wrong. Possibly so.

D.: *eṣa* 'sky': Hurr. *ezā*; S.: wrong.-There is ample proof of D.'s interpretation being correct.

D.: *ḫuradi* 'warrior' Hurro-Urartian, Akk *ḫuradu* a borrowing. S, doubts it, but without good reason.

D. *ḫurizadi* a Hurrian gloss; S.: wrong. S. is right, read *ḫurizati*, Akkadian for Hurr. *ḫurizenu*.

S. Ur. *qarqaran* 'armour': Hurr. *karkarni*. Correct.

S. Ur. *gurbi* 'quiver': Hurr. *ḫurbizi*. Wrong: Hurr. *ḫurbizi*, Akkad. *qurbisu* means 'felt worn under helmet or armour'.

D. *marā* a high 'dignitary' Hurr. *marīanna* 'charloteer'; S., wrong. Urartian *marā* is certainly a high (military?) rank, very probably 'charloteer', as can be clearly seen from the context of UPD 12.

D. *nirbā*, logogr, *KAS.PU* 'movable property, goods, money. (to distinguish from the logogr. *KÚ. BABBAR* 'silver (metal)' cf: Hurr. *nirae* 'good'). S.: wrong, read *BI BU* 'bestiame, mandrie'. with reference to CAD. But CAD quotes for this sense of the word only the very Urartian bilingual inscription which is to be explained: The only Akkadian sense of *bi(b)bu* is 'mountain goat'. There are several other arguments why *nirb* cannot be translated as any kind of animal.

D. *dīdlošə* 'part, personal property' from Urart. **did-*, Hurr. *tīd-* 'to allot, to apportion', cf. Nuzi *tīdennatu*; S.: wrong. However, the sense does well fit the contexts.

D. *purulə*: Hurr. *pur(u)lə* 'house'. S.: not proven.-Right

D. *šarə* 'fruit-garden': Hurr. *sar-me* 'forest'; S.: wrong.-

I think that it is a phonetically and semantically sound equation, cf. Urart. *piš-* 'to rejoice': Hurr. *pis-*; Urart. *pārā* 'slave': Hurr. *pāra-me*.

S. (after Haas) *šurə* 'weapon': Hurr. *šaurə*; D.: wrong:

1) Ur. *u* is short; 2) Hurr. *au* is not evidenced to develop into Ur. *u*.

D. *šəhadə* „pure“: Hurr. *šev-*; S.: wrong.-My former morphological analysis was really wrong, but correcting it, I still think the word is a form *in-adi* (like *hur-adi*, *fir-adi* etc.) from the same stem.

D. *šišnə* 'two', *šišuhənə*, *šištinə* 'for the second time': S.: wrong. I still think it fits all contexts very nicely (NB *tarənə* is not a numeral but means 'moreover').

D. *teae* 'many, much': Hurr. *teae*. S.: wrong, does not fit the context.- The context is in order, but S. divides the sentence wrongly.

D. *durubə* 'rebel': Hurr. *turubə* S.: 'enemy'.-Correct.

Finally, S. 's attempts to connect Ur. *ebənə* 'land' with Hurr. *əmīnə* do, and Ur. *šiwīnə* 'Sun-god' with Hurr. *šimlga* do. are at variance with what we know of Hurro-Urartian phonological reflexes.

ARAM KOSSYAN

ON THE HIEROGLYPHIC LUWIAN INFLECTION

The present paper deals with the Dative plural in the Hieroglyphic Luwian language. For this case J. D. Hawkins suggests two parallel case-endings, *-anza* and *-inza* for the *-i*-stems (for the *-a*-stems this case presents some difficulties). It is pointed out that the greatest part of the HL nouns and adjectives has the case-ending-*anza* in Dat. pl. The case-ending-*inza* is attested only in a few words, but the latter have also the parallel ending-*anza*. It is interesting to note that in the HL texts Bolkarmaden, A 3, A 11a and A 15b there is only one case-ending-*anza*, and *-inza* is not attested at all.

In the *EN-ni*- "lord" master., *DINGIR-ni*- "god.", *É-ni*- "house.", and *niwani*- "child.", the case-endings are written with the following groups of signs -ia-za, -ni-za, -ní-za and -na-za. That in the latter three groups the nasal element belongs to the stem, is clear from the example of the two forms of the word "lord, master", -EN-na-ni-ia-za and EN-ni-za, where -ni-ia-za and ni-za seems to have an identical sense. Also, it is a well-known rule that the nasal element very often does not appear in the HL texts; cf. in our case such forms as LUGAL-ta/tá-za and ta-ni-[i]-mi-za.

The parallelism of the case-ending in Dat. pl. is, in our opinion, connected with the problem of a possible alternation of the syllabic signs *na:ni/ni*. Very often we can see that these signs are interchangeable. There are also examples of *ti:ta* and *mi:ma* interchanging. The analysis of the HL texts shows that the plene-writings ni-i, ní-i, mi-i and ti-i are common, but such plene-writings as na-i, ma-i, ta-i usually marks a diphthong or hiatus. Thus, we suggest that the signs *ni* and *ní* had an uncertain vocalization (*i* or *a*). Such a solution is based on the fact of the existence of analogous syllabograms in HL (HH, No 90, 215, 388, 391, 419, 439, 445).

On the basis of these observations, we suggest that there was only one case-ending, viz. -anza in Dat. pl. for *i*-stems (also for consonantal stems). But we do not exclude another solution, viz., that in this case there may have been nasalized vowel *ā* (and *ī*?). Thus we may postulate the case-ending -āza (and -īza?) or the reduced vowel-*ə* (nasalized?): -əza.

NERSES MKRTCHYAN

SOME AKKADIAN PLANT-NAMES IN THE LIGHT OF ARMENIAN DATA

In the present article about twenty Akkadian-Armenian lexical parallels are examined.

It is well-known that Akkadian and Armenian have many lexical parallels which are of areal origin. A great part of these words are substratum plant-names. Some of these latter have not yet re-

ceived a satisfactory translations in Akkadian but their Armenian parallels help us to suggest new meanings or correct the old ones.

Arm. *ananux* is paralleled by the Akk. *ananihu* "mint., Arm. *nni*: Akk. *ninu*, *neniu* ammi, Carum copt., Arm. *zambur*; Akk. *zamburu* Thymus capitatus, Arm. *lobi*: Akk. *lubbu* Phase olus L. ("tumip., according to Labat). The Arm. *xaš* shows that of the Akk. *ašu* VII and *hašu* III the latter is the correct form, and means Mentha apulegium L. Also the Arm. *xoin* corrects the meaning of Akk. *ḫurnu* Thymus L. The Arm. *kordin*, *ko'rin*, *kordiwn*, *ktran* shows the real meaning of Akk.-Hurr. *kurdinnu*, *kurtinnu* as Saturea L., but not "eine ubelriechende Pflanze., The Arm. *osp/sp* is Lens L. which allows us to suggest a new meaning for Akk. *sepu* "eine Getreideart.,; Arm. *nus* Amigdalus L. for Akk. *nušḫu* (-*ḫu* is a Hurrian suffix).

In such a way the origin of a number of other Armenian words also becomes clear.

ARŠALU'YS PAPAZYAN

THE RIVALRY OF BROTHERS AND THE BIRTH OF HERO IN THE LEGENDS OF GENESIS

The article supplements and continues the authors discussion, presented in the preceding (4) tome of "Drevnij Vostok., on the reflexion and contamination of some interrelated subject motifs in the Book of Genesis.

A list of the reconstructed subject motifs is presented.

MARGARET KHAČIKYAN

THE SYNCHRONICAL AND DIACHRONICAL CORRELATION OF THE HURRO-URARTIAN DIALECTS

The author attempts to present the synchronical and diachronical correlation of the attested Hurrian and Urartian dialects. To the earliest dialects (the "Urkeš., and the "Babylonian.,) the opposition "transitivity: intransitivity action: state., as well as "subject of

state" are attested. This stage of development may be characterised as that of early ergativity (cf. the opposition of transitivity to intransitivity and the existence of the transitive (II) conjugation), along with an important feature, characteristic of languages of the fientive ("active,") type (cf. the opposition "subject of action: subject of state,").

The dialect of the Sumero-Hurrian bilingual (the "Vocabulary-dialect,") is more advanced in its development: the opposition subject of action; subject of state being neutralised in it. The "Vocabulary-dialect," reveals, however, an archaic feature, the category of version (cf. the verbal forms with the suffix-*te* and those without it, corresponding to the Sumerian *mu*-forms and *i*-forms respectively. This feature unknown to the earliest Hurrian dialects, allows us to derive the "Vocabulary-dialect," from a source, more archaic, than the "Urkeš," and the "Babylonian," dialects.

The "Bog'azköy," "Ugaritic," and "Mitannian," dialects. reflect a more advanced stage of ergativity: the transitive (II) conjugation is opposed to the intransitive (I) conjugation; the verbs of state and the intransitive verbs are integrated, the opposition "subject of action: subject of state," is completely neutralised (the pronominal suffix-*b* is lost and the function of the subject of the intransitive verb is performed by the pronominal suffix-*n*, formerly the marker of the subject of state). Such isoglosses as the perfective-marker-*oz*- (in opposition to the transitive perfective marker-*u*-of the other dialects) and the loss of the subject-marker *b* allows us to trace it back to the same source, which might be the "Babylonian," dialect, cf. the marker of the subject of action-*b* in the "Babylonian," dialect and in the archaic form of the "Bogazköy" dialect *un-u-b*, in contrast to-*m* in the "Urkeš,"-dialect.

The Urartian language has developed differently: the pronominal suffix-*bə* is preserved here, although has changed its function, performing the role of the subject of the intransitive verb only. As to-*n*, it functions as the subject of state as the result of a transitive action(=object of a transitive action). Thus, the object of the transitive verb in Urartian is opposed (only in the verbal form) to the subject of the intransitive verb this feature being already characteristic of languages of the emerging nominative type.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА—афразийские языки
ВДИ—Вестник древней истории
ВОНА Арм.ССР—Вестник общественных наук АН Арм.ССР
ДВ—«Древний Восток», 1, 2, 3, 4 (Ереван, 1973, 1976, 1978, 1983).
ЗВАХ—И. М. Дьяконов, Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства.
ВДИ, 1952, № 3—4
ИФЖ—Историко-филологический журнал АН Арм.ССР
КТК—Н. Б. Янковская, Клинописные тексты из Кюль-тепе, М., 1968
НУН, НУНКБ—Н. В. Арутюнян, Новые урартокские надписи Кармир-блур.
Ереван, 1966
ОАА—общаафразийский
Сл. Др.—В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей, М., 1974
УКН—Г. А. Меликишвили, Урартокские клинообразные надписи, М., 1960, а также ВДИ, 1971, № 3, 4
УПД—И. М. Дьяконов, Ураратские письма и документы, М.—Л., 1963
ЭВ—Эпиграфика Востока
ААА-Annals of Archaeology and Anthropology (Liverpool)
ААSОR-Annals of the American Schools of Oriental Research
АВZ-R. Borger, Assyrisch-babylonische-Zeichenliste, "Alter Orient und Altes Testament. Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte des Alten Orients und des Alten Testaments", Bd. 33, Neukirchen-Vluyn, 1973
АfO-Archiv für Orientforschung (Graz)
АНК-B.Landsberger, Assyrische Handelskolonien in Kleinasien aus dem dritten Jahrtausend, Der Alte Orient 24,4, Leipzig. 1925
АНw-W.von Soden, Akkadisches Handwörterbuch, Wiesbaden
АJА-American Journal of Archaeology
Allatt.-V.Haas-H. J. Thiel, Die Beschwörungsrituale der Allatturah(b)l und verwandte Texte, Hurritologische Studien II, Neukirchen-Vluyn, 1978
АMІ NF-Archäologische Mitteilungen aus Iran, Neue Folge (München-Teheran)
AnOr-Analecta Orientalia (Roma)
AnSt-Anatolian Studies (London)
АОАТ-Alter Orient und Altes Testament

- AKM-Archives royales de Mari (=TCL 22ff., Paris, 1950ff.)
- AT-D. J. Wiseman, The Alalakh Tablets, London, 1953
- BAW-B. Melissner, Beiträge zum Assyrischen Wörterbuch.
- BAN-Babylonian Inscriptions in the Collection of J.B. Nies (New Haven)
- BIOr-Bibliotheca Orientalis (Leiden).
- BMBh 2-Baghdader Mitteilungen, Beiheft 2, Texte aus dem Rēš-Helligtum in Uruk-Warka, Berlin, 1980.
- BRM II-Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan, Part 11, Legal Documents from Erech Dated in the Seleucid Era (312-65 B.C.), by A. T. Clay, New York, 1913.
- BSOAS-Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London.
- CAD-The Assyrian Dictionary of the University of Chicago, Chicago-Glucksstadt, 1956-1973.
- CTH-E. Laroche, Catalogue des Textes Hittites, Paris, 1971
- Dar.-J. N. Strassmayer, Inschriften von Darius, König von Babylon, Leipzig 1892.
- DLL-E. Laroche Dictionnaire de la langue louvite, Paris, 1959
- Einführung-Johannes Friedrich, Einführung ins urartäische, Leipzig, 1933
- FMM-W. Sundermann, Zur früheren missionarischen Wirksamkeit Manis.—Acta Orientalia, t. XXIV, fasc. 1, Budapest 1971
- GAG-W. von Soden, Grundriss der akkadischen Grammatik, Rom, 1952
- GG-R. P. Dougherty, Goucher College Cuneiform Inscriptions (New-Haven 923/33)
- GIPh-Grundriss der iranischen Philologie. Strassburg, 1895—1904
- GKAV-Gesellschaft und Kultur im alten Vorderasien, „Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients“, 15, Berlin, 1982
- Hannng, List—A List of Middle—Persian and Parthian words, BSOAS, 9, 1937
- H-C—M. Boyce, The Manichaean Hymn-Cycles in Parthian, London, 1954
- HchI—F. M. König, Handbuch der chaldäischen Inschriften, I—II, Graz, 1955—1957
- HE—J. Friedrich, Hebräisches Elementarbuch.
- HHG—P. Meriggt, Hieroglyphisch-hebräisches Glossar, Zweite, völlig umgearbeitete Auflage, Wiesbaden, 1962
- HHL—J. D. Hawkins—A. Morpurgo-Davies—G. Neumann, Hittite Hieroglyphs and Luwian: New Evidence for the Connection (Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Kl., 1973), Göttingen, 1974
- HSS—Harvard Semitic Series (Cambridge/Mass.)
- HuU—I. M. Diakonoff, Hurritisch und Urartäisch, München, 1972
- IH—E. A. Speiser, Introduction to Hurrans, New Haven, 1941
- Ist. Mitt.—Istanbuler Mitteilungen (Istanbul)
- JAOs—Journal of the American Oriental Society (Boston, Mass.)
- JCS—Journal of Cuneiform Studies
- JKF—Jahrbuch für kleinasiatische Forschung
- JNES—Journal of Near Eastern Studies
- JRAS—Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland (London)

- KBo—Keilschrifttexte aus Boghazköi
- Klio—Klio. Beiträge zur alten Geschichte (Leipzig)
- KPT—*W. Sundermann*, Mittelpersische und Parthische kosmogonische und Parabeltexte der Manichäer, Berlin, 1973
- KTS—*J. Lewy*, Die altassyrischen Texte vom Kültepe (=Keilschrift Texte in Antiken Museen zu Stambul, Konstantinopel, 1926)
- KUB—Keilschrifturkunden aus Boghazköi (Berlin)
- KZ—Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete indogermanischer Sprachen, Berlin
- MAD—Materials of the Assyrian Dictionary (Chicago 1952—1961, Bd. 2 nach der 2. Auflage)
- Marl 1,2—*F. Thureau-Dangin*, RA 36, 1939, 1 sqq; *E. Laroche*, RA 51, 1957, 104 sqq.
- MÉA—*R. Labat*, Manuel d'épigraphie akkadienne, Paris, 1976
- MSL—Materialien zum sumerischen Lexikon
- MCS—Manchester Cuneiform Studies
- MEG—*P. Meriggi*, Manuale di Eteo Geroglifico, Part I: Grammatica (Incunabula graeca, vol. XIII), Roma, 1966; Part II: Testi—I^a serie. I testi neo-etel più o meno completi (Incunabula graeca, vol. XIV), Roma, 1967
- MIM—*F. C. Andreas*, *W. Henning*, Mitteliranische Manichaica aus chinesisch-Turkestan.—Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Kl., Berlin I: 1932, II: 1933, III: 1934
- MMT—*W. Henning*, Two Manichaean Magical Texts with an Excursus on the Parthian ending—enden.—BSOAS, 12, 1947
- MSS—Münchener Studien zur Sprachwissenschaft
- MST—*C. Salemann*, Manichaäische Studien I, SPb, 1908
- MTKI—*W. Sundermann*, Mitteliranische manichaäische Texte Kirchengeschichtlichen Inhalts, Berlin, 1981
- MVAeG—Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft
- NBAD—*E. W. Moore*, Neo-Babylonian Business and Administrative Documents Michigan, 1935
- Nbd.—*J. N. Strassmaier*, Inschriften von Nabonidus, König von Babylon, Leipzig, 1889
- NH—*E. Laroche*, Les Noms des Hittites, Paris, 1966
- НИК—*М. В. Никольский*, Документы хозяйственной отчетности древней Халден из собрания Н. П. Лихачева, СПб.
- NUVI—*E. Salonen*, Neubabylonische Urkunden Verschiedenen Inhalts, II, Helsinki, 1976
- OECT IX—Oxford Editions of Cuneiform Texts, vol. IX, Texts from Hellenistic Babylonia in the Ashmolean Museum, by G. J. P. McEwan, Oxford, 1982
- OIP 27—*L. J. Galt*, Inscriptions from Alshar and Vicinity (University of Chicago, Oriental Institute Publications, vol. 27), Chicago, 1935
- OIZ—Orientalische Literaturzeitung (Berlin-Leipzig)
- Or.—Orientalia (Roma)

- OrAnt—Orlens Antiquus (Roma)
- PDT—M. Çiğ-H. Kizilyay-A. Salonen, Die Puzriš-Dagan-Texte. . . (Helsinki, 1954)
- PRU—Le Palais royal d' Ugarit, III, Paris, 1955
- PDK—*J. F. Walinder*, Politische Dokumente aus Kleinasien (Die Staatsverträge in akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi), Leipzig, 1923
- RA—Revue d'Assyriologie et d'Archeologie Orientale, Paris
- Reader—*M. Boyce*, A Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian, Teheran-Liege, 1975
- REArm—Revue des Études Armeniennes, Paris
- Rel. part.—*M. Boyce*, The use of relative particles in Western Middle-Iranian.—*„Indo-Iranica“*, Wiesbaden, 1964
- RHA—Revue hittite et asiatique (Paris)
- RIA—Reallexikon der Assyriologie, I—II (Berlin und Leipzig, 1928—1938), III, IV, V (Berlin, New York, 1957—1971, 1975, 1976—1980)
- RSP—Ras Shamra Parallels, Vol. I (An. Or, 49), Roma, 1972, ed. Loren H. Fisher; Vol. II (An. Or, 50), Roma, 1975, ed. Loren H. Fisher; Vol. III (An. Or), Roma, 1981, ed. Stan Rummel
- Sadwēs—*M. Boyce*, Sadwēs and Pēsūs,—BSOAS 13, 1951
- SMEA—Studi micenei ed egeo-anatolici (Roma)
- Sogdica—*W. Henning*, Sogdica, London, 1940
- TC II—*F. Thureau-Dangin*, Tablettes Cappadociennes, t. 2 (TCL 14), Paris, 1928
- TCL—Textes cunéiformes, Musée du Louvre, Paris
- TPhS—Transactions of the Philological Society, London
- TTKB—Turk Tarih Kurumu. Belleteri, Ankara
- UET—Ur Excavations, Texts (London, 1928 ff.)
- UKN—см. УКН.
- UPD—см. УПД
- UPM—*W. C. Benedict*, Urartian Phonology and Morphology, Ph. D. University of Michigan, 1958
- Urartäisch—*J. Friedrich*, Urartäisch, In: Handbuch der Orientalistik, I Abt, 2, Bd 1/2 Abschnitt, Lfg. 2, Leiden/Köln, 1969, p. 31—53
- US—*G. A. Melikšvili*, Die Urartäische Sprache, mit einem Anhang von Mirjo Salvini, Studia Pohl 7, Rom, 1971
- Verbum—*W. Henning*, Das Verbum des Mittelpersischen der Turfanfragmente.—Zeitschrift für Indologie und Iranistik, Leipzig, 1933, 9
- VS XV—Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin, Heft XV, O. Schroeder, Kontrakte der Seleukidenzeit aus Warka, Lpz., 1916
- WLOT—Flemming Frils Hvidberg, Weeping and Laughter in the Old Testament, Leiden, 1968
- VT—Vetus Testamentum, Leiden
- YOS—Yale Oriental Series, Babylonian Texts, New Haven
- ZA—Zeitschrift für Assyriologie
- ZAW—Zeitschrift für Alttestamentliche Wissenschaft, (Glessen), Berlin
- ZDMG—Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (Wiesbaden)

СОДЕРЖАНИЕ

И С Т О Р И Я

<i>Г. М. Аветисян.</i> Из политической истории государства Киццуватны	5
<i>А. Б. Аракелян.</i> «Дом омовения» по данным хеттских источников	16
<i>Клаус Вильке</i> (Мюнхен). Ти'амат-башты и богиня Ша(в)уш(к)а ни-невийская	21
<i>А. А. Мартиросян.</i> Ткачи храма Эанна в Уруке Нововавилонского периода	27
<i>Г. Х. Саркисян.</i> Манумисони в селевкидско-аршакидском Уруке	41
<i>В. Н. Хачатрян.</i> Марийа—титул хайасских царей	57
<i>В. А. Якобсон</i> (Ленинград). Заметки о семейном праве Ларсы (Старовавилонский период)	63
<i>Н. Б. Янковская</i> (Ленинград). Контрабанда в торговом объединении Каниша	71

Ф И Л О Л О Г И Я

<i>Н. В. Арутюнян.</i> Новые данные в урартских письмах из Бастама	85
<i>Гернот Вильгельм</i> (Гамбург). К хурритской и урартской грамматике	93
<i>И. М. Дьяконов</i> (Ленинград). О некоторых направлениях в урартском языкознании и новых урартских текстах	133
<i>А. В. Косян.</i> К изучению склонения в нероглифическом лувийском	181
<i>Н. А. Мкртчян.</i> Уточнения аккадских названий растений по данным армянского языка	187
<i>А. А. Папазян.</i> Еще раз о борьбе братьев и рождении героя в преданиях Книги бытия	203
<i>М. Л. Хачикян.</i> О соотношении хурритских и урартских диалектов	213
<i>Сумштату</i>	224
<i>Список сокращений</i>	244

S U M M A R I E S

<i>Hrayr Avetisyan</i> , From the Political History of Kizzuwatna	5
<i>Anahit Arakelyan</i> , „Washing house“ according to the Hittite sources . .	16
<i>Claus Wilcke</i> , A Note on Ti-āmat-bāšīl and the goddess Ša(w) uš(k)a of Nineveh	21
<i>Anahit Martirosyan</i> , The Weavers in the Eanna Temple in Neo-Babylo- nian Uruk	27
<i>Gagik Sarkisyan</i> , Die Manumissionen in Uruk, der Seleukidisch-Arschaki- dischen Zeit	41
<i>Valeri Khachatryan</i> , Marlyas, a title of the kings of Hayasa	57
<i>Vladimir Jakobson</i> , Notes of Family Law in Larsa :	63
<i>Ninel Jankowska</i> , Struggling in Kanīš	71
<i>Nicolai Harouthyounyan</i> , New Material from the Urartian Letters of Bastam	85
<i>Gernot Wilhelm</i> , Notes on the Hurrian and Urartian	93
<i>Igor Diakonoff</i> , On Some New Trends in Urartian Linguistics and Some New Urartian Texts	133
<i>Aram Kossyan</i> , On the Hieroglyphic Luwian Inflection	181
<i>Nerses Mkrtchyan</i> , Some Akkadian Plant-Names in the Light of Armenian Data	187
<i>Aršaluys Papazyan</i> , The Rivalry of Brothers and the Birth of Hero in the Legends of Genesis	203
<i>Margaret Khačikyan</i> , The Synchronic and Diachronic Correlation of the Hurro-Urartian Dialects	213

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

5

Редактор издательства *Ж. В. Налчаджян*

Художник *Л. А. Садоян*

Тех. редактор *А. М. Манучарян*

Корректор *Н. К. Амирджанян*

ИБ № 881

Сдано в набор 23.05. 1984 г. Подписано к печати 23.02. 1988 г.
ВФ 07838. Формат 60×84^{1/16}. Бумага 60×84 № 2. Шрифт литературный
высокая печать. Печ. л. 15,75+1 вкл. Учетно-изд. л. 14,57. Усл. п. л. 14,65.
Тираж 1000. Заказ 570. Изд. № 6701. Цена 1 р. 95 к.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна, 24 г.
Типография Издательства АН АрмССР, 375019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна, 24.

1 p. 95 к.

h
2